

И 313/62
Сергіевой Лавры
бліотека.
Опись ҂ац҃ѕ г.
Отдѣлъ 10
№ 6188

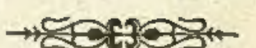
БІОГРАФІЯ

КНЯЗЯ

ДМИТРІЯ МИХАЙЛОВИЧА ПОЖАРСКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Смирнова.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи до выпуска изъ Типографіи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ сей книги. Іюля 17-го дня 1852 года.

Цензоръ Архимандритъ Леонидъ.

«Гражданину Минину и Князю Пожарскому — благодарная Россія.»

Родъ Пожарскихъ — Стародубскихъ Князей идетъ отъ Всеволода III, котораго потомокъ въ шестомъ колѣнѣ, Князь Василій Андреевичъ, первый сталъ прозываться Пожарскимъ. Это названіе получилъ онъ отъ Суздальскаго городка Погара, или Погорѣлаго, полученнаго имъ въ наслѣдство и опустошеннаго пожаромъ[1]. Въ половинѣ XVI вѣка Пожарскіе считаются между жителями Москвы: именно въ это время имѣлъ въ Москвѣ свой домъ дѣдъ зна-

1. Предки Пожарскихъ назывались Стародубскими Князьями отъ Стародуба Суздальскаго, доставшагося съ 1238 году въ удѣлъ сыну Всеволода Ивану. Стародубъ — нынѣ Клязменный городокъ въ 14 верстахъ отъ Коврова. Вотъ родословная предковъ Князей Пожарскихъ: Всеволодъ Георгіевичъ († 1212); сынъ его Иванъ Всеволодовичъ (1239); сынъ Ивана Михаилъ (1281); сынъ Михаила Иванъ Каллистратъ († 1315); сынъ Ивана Ѳедоръ благовѣрный († 1330); сынъ Ѳедора Андрей (1380); сынъ Андрея Василій *Пожарскій*. Мѣстоположеніе древняго Погара теперь неизвѣстно. Погодинъ думаетъ, что въ слѣдующемъ мѣстѣ лѣтописи подъ 1096 годомъ: Мстиславъ же перешедъ *пожаръ* — подъ словомъ *пожаръ* можно разумѣть собственное имя города; но контекстъ даетъ разумѣть, что здѣсь говорится о Суздалѣ, который только что сожженъ былъ Олегомъ. См. Москвит. 1850 г. Т. II. Отд. III. стр. 3.

менитаго Князя Дмитрія Михайловича, Θеодоръ Ивановичъ Пожарскій[1].

Не видно, чтобъ Пожарскіе занимали важныя мѣста въ государствѣ: бо̀льшею частію они отправляли должности городничихъ въ мелкихъ городахъ; одинъ даже былъ ямскимъ стройщикомъ[2].

Отецъ Князя Дмитрія Михайловича, Михаилъ Θеодоровичъ служилъ при Іоаннѣ IV и участвовалъ въ походахъ на Казань и въ Лифляндію; въ награду за свою службу онъ получилъ отъ Царя нѣсколько деревень. Въ 1571 году онъ женился на дочери Θеодора Ивановича Беклемишева, Марьѣ; въ 1578 году отъ этого брака родился Князь Дмитрій Михайловичъ. Въ 1587 году отецъ

---

1. Царств. Книг., л. 486. «17 Іюля (1560 года) загорѣлося на Арбатѣ у Ризъ Положенія, Князя *Θедоровской*, дворъ Пожарскаго.» Имя Θеодора Ивановича встрѣчается въ двухъ поручныхъ записяхъ временъ Іоанна IV, данныхъ въ 1562 и 1565 годахъ. Въ одной записи онъ называется помѣщикомъ Мещовскимъ. Собран. Гос. Грам. и Дог., Томъ I, NN 176 и 184. Князь Θедоръ Ивановичъ скончался въ 1581 году и погребенъ въ Троицкой Лаврѣ.

2. Русскій Историческій Сборникъ 1838 года, Томъ II, стр. 294 и 295. Дѣло Князя Лыкова съ Пожарскимъ. Лыковъ, между-прочимъ, упрекалъ Пожарскаго, что онъ причисляетъ къ своему роду такіе роды, которые «съ Пожарскими разошлися, и что онъ хочетъ тѣмъ пособить своей *худобѣ* и своему отечеству.» Ср. стр. 295 и 297. «Кн. Иванъ, Княжь Петро̀въ, сынъ Пожарской былъ на Тулѣ Ямской стройщикъ.» Въ одномъ мѣстническомъ дѣлѣ, дѣдъ Пожарскаго, Θеодоръ Ивановичъ, называется *губнымъ старостой*. Чтенія Общ. Истор. и Др. 1848, Кн. 9, Замѣчат. случаи по Мѣстнич. N XIX. — Дворц. Разр. II, 30. «А Пожарскіе Князи при прежнихъ Государѣхъ, опричь городничихъ и губныхъ старостъ нигдѣ не бывали.»

Пожарскаго скончался[1], оставивъ вдовствующую супругу съ двумя сыновьями и дочерью Дарьею, вышедшею послѣ замужъ за Князя Никиту Хованскаго. При вступленіи Бориса Годунова на престолъ, двадцатилѣтній Князь Дмитрій является уже въ должности *стряпчаго съ платьемъ*[2] и получаетъ жалованья по двадцати рублей въ годъ[3]. Мать его, Марья, жила во дворцѣ при Ксеніи Борисовнѣ[4]. Самъ Князь Дмитрій Михайловичъ былъ близокъ къ Царю Борису.

Въ первый разъ со славою является Пожарскій на полѣ брани ви 1608 году при Царѣ Васильѣ Шуйскомъ. Тогда-какъ Лжедимитрій II изъ Тушина грозилъ изнемогающей Москвѣ, толпы Поляковъ бродили по окрестнымъ городамъ, грабили ихъ и опустошали. Подъ Ко-

---

1. Въ Актахъ Историческихъ (Т. I, N 220) есть свидѣтельство, что Князь Дмитрій Михайловичъ по завѣщанію отца своего отдалъ Спасо-Евфиміеву монастырю его Стародубскую деревню: три дворища. Граммата же писана въ 1587 году. Хованскій, зять Пожарскаго, скончался около 1608 года, схимникомъ, съ именемъ Нифонта. Акты Истор. Т. II, N 87.
2. Акты Экспед. Т. II, N 7, стр. 44.
3. См. Окладн. книга 1604 года въ Московскомъ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Изъ жалованья за этотъ годъ вычтено у Пожарскаго 12 рублей за лошадь, купленную имъ въ Конюшенномъ-Приказѣ.
4. Истор. Сборникъ, Т. II, 1838 года, стр. 268. 271—272. Въ 1602 году у Пожарскаго началось спорное дѣло съ Лыковымъ по такому случаю: «по указу Царя Бориса велѣно было Княгинѣ Лыковой быть при Царицѣ Марьи Григорьевнѣ; а матери Пожарскаго—при Ксеніи Борисовнѣ. Пожарскій подалъ челобитную, что матери его ниже Княгини Лыковой быть невмѣстно. Начались справки въ разрядныхъ книгахъ: дѣло затянулось и не рѣшено при Борисѣ. Лыковъ возобновилъ дѣло въ 1609 году при Василіи Шуйскомъ; но чѣмъ тогда оно кончилось — неизвѣстно.

ломной явился панъ Хмѣлевскій, но былъ разбитъ и прогнанъ посланными отъ Царя воеводами Прозоровскимъ и Сукинымъ. Вскорѣ Царь получилъ извѣстіе, что Поляки опять идутъ къ Коломнѣ съ другой стороны, отъ Владиміра. Тогда онъ послалъ противъ нихъ Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго и ратныхъ людей. Прибывъ къ Коломнѣ, Пожарскій отправилъ нѣсколько человѣкъ для рекогносцировки, и узнавъ, что Поляки стоятъ за тридцать верстъ отъ Коломны, въ селѣ Высоцкомъ, пошелъ туда съ своею ратью. Рано поутру онъ напалъ на нихъ, побилъ ихъ нá-голову, взялъ многихъ въ плѣнъ и захватилъ весь обозъ.

Въ 1609 году, когда въ окрестностяхъ Москвы разбойничалъ атаманъ Сальковъ, Царь выслалъ противъ него воеводу Сукина; но Сукинъ не могъ одолѣть Салькова и бѣжалъ въ Москву. Тогда Шуйскій послалъ противъ Салькова Князя Пожарскаго, который, встрѣтивъ его на Владимірской дорогѣ, на берегахъ Пехорки разбилъ и совершенно истребилъ его шайку: осталось въ живыхъ только тридцать человѣкъ, и они вмѣстѣ съ атаманомъ явились къ Царю съ повинною головою.

На слѣдующій годъ Пожарскій является уже воеводою въ Зарайскѣ[1]. По смерти Скопина, въ Рязанской области одинъ Зарайскъ остался вѣрнымъ Царю при содѣйствіи Пожарскаго. Племянникъ Ляпунова, Ѳедоръ явился съ возмутительнымъ письмомъ къ Пожарскому; но Пожарскій не внялъ совѣту измѣнника, письмо его отправилъ къ Царю и получилъ изъ Москвы отрядъ войска съ Глѣ-

---

1. Онъ сдѣланъ воеводою Зарайскимъ 1610 года, Февраля 8-го. См. Ист. Госуд. Росс. т. XII. прим. 532.

бовымъ. Узнавъ объ усиленіи рати Пожарскаго, Ляпуновъ оставилъ Зарайскъ въ покоѣ.

Въ Іюлѣ того же года, когда Тушинскій самозванецъ, узнавъ о слѣдствіяхъ Клушинской битвы, двинулся изъ Калуги къ Москвѣ, Князь Пожарскій еще имѣлъ случай выказать всю твердость духа и вѣрность Государю. Коломна, по примѣру измѣнника, стрѣлецкаго головы Бабынина, присягнула Тушинскому-Вору, и мятежники послали возмутительныя грамматы въ Каширу и Зарайскъ. Когда посланные прибыли въ Зарайскъ взять присягу съ жителей въ пользу Тушинскаго-Вора,—жители собрались къ Князю Пожарскому, и требовали, чтобъ онъ первый далъ присягу. Пожарскій отказался, хотя и грозили ему смертью. Ободряемый совѣтами Никольскаго протоіерея Дмитрія, Князь рѣшился лучше умереть, чѣмъ измѣнить присягѣ, данной Василію. Малое число людей оставалось при немъ, и онъ заперся съ ними въ крѣпости. Скоро измѣнились мысли Зарайцевъ: все имущество ихъ хранилось въ крѣпости, конечно потому, что въ это смутное время опасность каждый день грозила жителямъ городовъ, особенно близкихъ къ Москвѣ. Поэтому, когда Пожарскій заперся въ крѣпости, Зарайцы стали терпѣть нужду въ деньгахъ и запасахъ, и вынуждены были обратиться къ своему воеводѣ съ повинной головой. Чтобъ утвердить ихъ въ вѣрности къ престолу, Пожарскій взялъ съ нихъ присягу въ пользу Царя Василія и самъ цаловалъ крестъ. Твердость Пожарскаго имѣла благодѣтельное вліяніе на другихъ: Коломна, слѣдуя его примѣру, и, вѣроятно, совѣтамъ и убѣжденіямъ, отложилась отъ Самозванца и перешла на сторону Царя Василія. Шуйскій, въ благодарность за такіе подвиги Пожарскаго, на-

градилъ его помѣстьемъ, селомъ Нижнимъ-Ландехомъ со многими деревнями — въ Суздальскомъ Уѣздѣ[1].

Но Шуйскій, 17 Іюля 1610 года, сложилъ корону, и Россія подверглась всѣмъ ужасамъ междоцарствія; 22-го числа явился подъ стѣнами Москвы гетманъ Жолкѣвскій и утвердилъ, своимъ согласіемъ, мнѣніе Мстиславскаго и Боярской-Думы — избрать въ Цари Польскаго Королевича, Владислава. 17-го Августа въ Москвѣ подписали договоръ объ упрошеніи Владислава принять скипетръ Русскаго царства и дали ему присягу. Въ договорѣ было сказано, между-прочимъ, чтобъ Польскія войска не занимали столицы, а отошли къ Можайску; чтобъ гетманъ не позволялъ ходить солдатамъ въ столицу безъ дѣла, только бы отпускалъ не больше двадцати человѣкъ для закупки съѣстныхъ припасовъ и то не иначе, какъ съ билетомъ за своею подписью[2]. Но договоръ не былъ соблюденъ; 21-го Сентября Жолкѣвскій вступилъ со всѣмъ войскомъ въ столицу и занялъ Кремль. Для своей безопасности онъ отправилъ Русское войско къ Новгороду, будто бы для защиты его отъ Шведовъ[3].

Тогда на Руси поняли, что Польша не можетъ быть въ дружбѣ съ Русскими; по городамъ началось движеніе, цѣлью котораго было изгнаніе изъ Москвы Поляковъ. Въ области Рязанской и Нижнемъ-Новгородѣ открылось оно прежде-чѣмъ въ другихъ городахъ. Прокопій Ляпуновъ, собравъ толпы патріотовъ, взялъ приступомъ Пронскъ.

---

1. Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. III, № 56.

2. Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. II, № 199, 200.

3. Опускаемъ подробности объ отношеніяхъ Польши къ Россіи и отсылаемъ читателя къ «Исторіи Смутнаго Времени» — Бутурлина.

Гонсѣвскій, заступившій мѣсто Жолкѣвскаго, по отъѣздѣ послѣдняго въ Польшу для личнаго ходатайства предъ Королемъ объ отпускѣ Королевича въ Россію, отправилъ противъ Ляпунова отрядъ Запорожцевъ, къ которымъ присоединился измѣнникъ Сунбуловъ. Казаки осадили Пронскъ, и Ляпунову дѣлали «тѣсноту великую». Узнавъ объ этомъ, Зарайскій воевода, Князь Пожарскій, поспѣшно набралъ войско въ Коломнѣ и Рязанской-Области и пошелъ на выручку Ляпунова. Запорожцы, услышавъ о его движеніи, отступили къ Михайлову и потомъ къ Зарайску, который они осадили. Пожарскій поспѣшилъ воротиться въ свой городъ; съ небольшимъ отрядомъ сдѣлалъ вылазку и разбилъ Запорожцевъ. Встрѣчая всюду неудачи, казаки ушли въ свою Украйну. Это было въ Январѣ 1611 года.

Въ Мартѣ 19-го числа, во вторникъ на страстной недѣлѣ, Пожарскій является дѣйствующимъ лицомъ въ Москвѣ. Измѣнникъ Михайло Солтыковъ присовѣтовалъ Гонсѣвскому сдѣлать нападеніе на Москвитянъ въ Вербное Воскресенье, когда они соберутся въ Кремль на церемонію этого дня. Выпустили изъ заключенія Патріарха Гермогена, и велѣли ему совершить шествіе на осляти. Но народъ, узнавъ о злоумышленіи Поляковъ, не пошелъ въ Кремль за *вербою*. Во вторникъ Поляки выполнили свои замыслы. Маскѣвичъ говоритъ, что во время обѣдни въ Китай-Городѣ завязалась у Поляковъ ссора съ Москвитянами; причиною ссоры были сами Поляки, которые обирали въ домахъ обывателей разныя вещи[1]. Отъ ссоры дошло до драки: народъ собрался и ударилъ на

---

1. Сказ. Совр. о Дмитріѣ Самозванцѣ. Часть V. Маскѣвичъ, стр. 16.

грабителей. Узнавъ объ этомъ, Гонсѣвскій выслалъ нѣсколько отрядовъ конныхъ копейщиковъ, которые прежде всего напали на купцовъ въ гостинномъ ряду, умертвили Князя Андрея Голицына въ его домѣ, бросились потомъ на Тверскую Улицу, но здѣсь были отражены стрѣльцами. Князь Пожарскій съ своимъ отрядомъ, подкрѣпленнымъ артиллеріею, стоялъ на Срѣтенской-Улицѣ; онъ мужественно встрѣтилъ враговъ, два часа бился съ ними, отразилъ ихъ и вогналъ въ Китай-Городъ. Въ тотъ же день онъ занялся построеніемъ острога у церкви Введенія-Богородицы, что̀ на Лубянкѣ. Отраженные Пожарскимъ, Поляки бросились изъ Китай-Города на Кулишки, но и здѣсь были отражены Бутурлинымъ. За Москвой-Рѣкой противъ нихъ выступилъ Колтовской и мужественно отбилъ ихъ. Въ другихъ мѣстахъ они встрѣтили столь же мужественное сопротивленіе: «лишь-только, говоритъ Маскѣвичъ, мы бросимся на нихъ съ копьями, они тотчасъ заградятъ улицы столами, скамьями и бревнами. Чтобъ лишить ихъ этихъ выгодъ, мы нарочно отступали; а они подвигались за нами, неся въ рукахъ всѣ эти вещи, и вдругъ перегородивъ улицу, снова стрѣляли изъ загороды, такъ-что мы ничего не могли имъ сдѣлать. Изъ оконъ палили въ насъ изъ самопаловъ, бросали каменья, бревна, доски, били шестами, и конницу нашу прижали къ Кремлю»[1]. Видя отчаянное сопротивленіе жителей, Поляки прибѣгли къ другому средству, — начали зажигать домà. Первый примѣръ подалъ измѣнникъ Михайло Салтыковъ, который самъ зажегъ свой домъ; порывистый вѣтеръ раздулъ пламя, и оно въ четверть часа охватило всю Москву отъ Арбата до Кулишекъ. Го-

---

1. Сказ. Совр. о Дмитр. Сам. Часть V. Маскѣвичъ, стр. 76 и 77.

нимые огнемъ, Москвитяне отступали отъ преслѣдовавшаго ихъ непріятеля. На другой день, въ среду, Поляки устремились на Срѣтенскую-Улицу, гдѣ былъ острогъ Пожарскаго. Пожарскій опять принялъ Поляковъ съ храбростью; цѣлый день бился съ ними, наконецъ палъ, изнеможенный отъ ранъ. Его отвезли въ Троицкій-Сергіевъ-Монастырь. Отсюда, укрѣпившись нѣсколько въ силахъ, онъ поѣхалъ въ свою Суздальскую отчину Нижній Ландехъ, которая находилась въ 120-ти верстахъ отъ Нижняго-Новгорода.

Между-тѣмъ Москва находилась въ жалкомъ положеніи: почти вся она обращена была въ пепелъ, множество жителей предано мечу, остальные спасли жизнь свою бѣгствомъ. Устрашенные тяжкими бѣдствіями, Русскіе думали, что скоро настанетъ конецъ міра, и самъ Пожарскій раздѣлялъ это мнѣніе[1].

Но духъ народа, искони преданнаго пользамъ Церкви и Престола, не могъ быть совершенно подавленъ игомъ тяжкихъ бѣдъ и сродниться съ элементами для него чуждыми. Предстояла страшная борьба съ иноземцами за свое, родное, — борьба на жизнь или смерть. Идеи, которыя всегда одушевляли народъ, и теперь являются на первомъ планѣ. Интересъ религіозный стоялъ выше другихъ интересовъ: православныя церкви были разорены, вѣра поругана — этого довольно, чтобъ возбудить народъ на защиту Церкви. Обычная древняя привязанность къ царю единоплеменному, православному, удержала умы отъ небывалой мысли подчиниться царю иноплеменному, даже еще болѣе: успокоивала совѣсть народа, отказавшагося отъ присяги Владиславу, Королевичу польскому.

---

1. Акты Экспед. т. II, N 201.

Движеніе въ русскихъ городахъ началось ранѣе мартовскихъ происшествій. Еще въ Январѣ 1611 года, по благословенію Патріарха Гермогена, начали собираться ополченія въ разныхъ городахъ; по всей Руси разсылались грамматы, которыми призывали народъ на защиту вѣры и отечества. Прокопій Ляпуновъ прежде другихъ собралъ патріотовъ, и отъ себя писалъ по городамъ, призывая всѣхъ къ вооруженію[1]. Марта 28 дружины рязанскія, калужскія, тульскія, ярославскія, вологодскія и изъ другихъ городовъ подступили къ Москвѣ, и 1-го Апрѣля, разбивъ Поляковъ, стали въ четырехъ частяхъ города, у Яузскихъ-Воротъ, на Воронцовомъ-Полѣ, на Срѣтенкѣ и у Тверскихъ-Воротъ. Предводителями были: Ляпуновъ, Князь Трубецкой, Иванъ Заруцкій, Артемій Измайловъ, Волынскій, Волконскій, Козловскій, Масальскій, Мансуровъ. Открылись ежедневныя стычки съ Поляками, и Апрѣля 6-го соединенныя войска одержали блистательную побѣду надъ ними и отняли у нихъ многія части города. Однако, вскорѣ возникшее несогласіе между вождями помѣшало успѣшному продолженію ратнаго дѣла; для прекращенія смутъ рѣшились избрать трехъ главныхъ начальниковъ ополченія, и выборъ палъ на Трубецкаго, Ляпунова и Заруцкаго. «Они», говоритъ лѣтопись, «начаша всѣми ратными людьми и всею землею владѣти.»

---

1. Ibid. NN 174, 175 и 176. «А Генваря въ 27 день писали къ намъ съ Рязани воевода Прокофей Ляпуновъ, что они по благословенію святѣйшаго Ермогена, собрався со всѣми городы идутъ на Польскихъ и Литовскихъ людей къ Москвѣ. Да того жь дни прислалъ къ намъ святѣйшій Ермогенъ двѣ грамоты и приказывалъ къ намъ, чтобы намъ идти къ Москвѣ вскорѣ». Самыя грамматы см. въ Собр. Гос. Гр. Дог., и Т. II. NN 227, 228 и 229.

Поляки были осаждены въ Кремлѣ и Китай-Городѣ. Но силы Русскаго ополченія были довольно-слабы для рѣшительной борьбы съ ними, и это потому, что войско было набрано вновь и не пріучено еще къ трудамъ войны, исключая казаковъ Заруцкаго. Потому-то, еще въ концѣ 10-го года, Пожарскій хотѣлъ склонить на свою сторону казаковъ, какъ воиновъ надежныхъ и опытныхъ.[1] Кромѣ-того «дѣлу ратному спорины не было» и потому еще, что между воеводами была «разнь великая»; выборъ трехъ начальниковъ не прекратилъ разногласій; другіе народные вожди съ завистью смотрѣли на первыхъ вождей, даже между троеначальниками не было согласія. «Въ тѣхъ же начальникахъ бысть великая ненависть и гордость», говоритъ лѣтописецъ[2]: «другъ бо предъ другомъ чести и начальства получити желаху, и ниединъ единаго меньши быти не хотяше, всякому бо хотящу самому владѣти». Говорятъ, что Ляпуновъ въ-особенности навлекъ на себя общее негодованіе своею гордостью, что онъ чрезвычайно притѣснялъ казаковъ Заруцкаго; но это сказаніе объясняется другимъ: тѣмъ, что Ляпуновъ былъ первымъ изъ трехъ вождей, которому всѣ должны были повиноваться[3], что одни казаки считали его высо-

---

1. Акты Истор. Т. II, N303.

2. Лѣт. о мят., стр. 233. Маскѣвичъ говоритъ тоже: «войскомъ непріятельскимъ начальствовали многіе полковники, какъ-то: Заруцкій, Трубецкой, Просовѣцкій; но главнымъ былъ Ляпуновъ, коему всѣ долженствовали повиноваться. Заруцкій однако самъ хотѣлъ быть гетманомъ; другіе искали тогоже; отъ сего они враждовали другъ другу». (Стр. 101.)

3. Маск. с. с. Это подтверждается и нашими актами. Грамматы 1611 года, которыми призываемъ былъ народъ къ вооруженію, писаны большею частію отъ лица одного Ляпунова. Акт. Экспед. Т. II NN 182, 185, 188.

комѣрнымъ, потому что онъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на грабежи, ими производимые, и когда они являлись къ нему за приказаніями, слишкомъ долго заставлялъ ихъ ждать себя[1]. Вотъ причина неудовольствія на Ляпунова, «славнаго и бодреннаго воеводу, промышленика и побо-рателя по Христовѣ вѣрѣ», какъ отзывались о немъ со-временники[2]. Главнымъ врагомъ его былъ Заруцкій, ко-торый, по Маскѣвичу[3], болѣе прочихъ доброжелатель-ствовалъ Полякамъ, который отличался духомъ хищенія и безнаказанно позволялъ своимъ казакамъ грабить по го-родамъ и селамъ, и самъ участвовалъ съ ними въ добычѣ.

Извѣстія о такихъ неустройствахъ въ соединенной арміи достигли Сергіева-Монастыря, и архимандритъ Діонисій прислалъ въ Москву келаря Палицына, убѣждать вождей къ единодушію и къ мужественной борьбѣ съ врагами отечества. Воеводы жаловались на недостатокъ войска и съѣстныхъ припасовъ; келарь обѣщалъ послать грамматы по всѣмъ городамъ русскимъ, и именемъ Преподобнаго Сергія призвать защитниковъ къ стѣнамъ бѣдствующей столицы. Дѣйствительно, въ Іюлѣ 11 года архимандритъ Діонисій и Палицынъ разослали отъ себя грамматы по городамъ Русскимъ, въ Казань, въ Новгородъ, Вологду, Пермь и во всѣ города понизовые. Въ трогательныхъ чертахъ изображали они общее бѣдствіе Россіи и, именемъ Бога и угодниковъ Его, призывали народъ на правое

---

1. Палицынъ. Стр. 224, гл. 72 Лѣт. о мят. 234.

2. Филаретъ и Акт. Экспед. Т. II. N 197. Кобѣржицкій (Hist. Wladis: 434): cui (Ляпунову) apud suos populares, praeter elegantem corporis formam, judicium acre, in rebus agendis industria militiaeque peritia, famam comparaverat.

3. Маскѣвичъ. Стр. 102.

дѣло. «Гдѣ святыя церкви и Божіи образа,» писали они? «Гдѣ иноки, многолѣтными сѣдинами цвѣтущіе, и инокини, добродѣтельми украшены? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Гдѣ народъ общій христіанскій? Не всѣ ли лютыми и горькими смертьми скончашася. Гдѣ множество безчисленное во градѣхъ и въ селѣхъ работные чада христіанства? Не всѣ ли безъ милости пострадаша и въ плѣнъ разведены? Не пощадиша бо престарѣвшихся возрастомъ; не устрашишася сѣдинъ старецъ многолѣтнихъ и ссавшихъ млеко младенецъ, незлобивая душа; вси испиша чашу ярости праведнаго гнѣва Божія. Помяните и смилуйтеся надъ видимою общею смертною погибелію» и пр.[1]

Въ Октябрѣ граммата получена въ Нижнемъ Новгородѣ; здѣсь, говоритъ Палицынъ: «крѣпцѣ яшася за сіе писаніе[2]. Одушевленные ревностью противъ враговъ отечества, граждане нижегородскіе ждали одного живаго слова, чтобы привести въ исполненіе мысль, достойную патріотовъ. Изъ среды ихъ выступаетъ незабвенный Козьма Захарьевъ Мининъ-Сухорукой, человѣкъ незнатнаго рода, «художествомъ говядарь», и говоритъ собравшимся гражданамъ: «Св. Сергій явился мнѣ нынѣ во снѣ и повелѣлъ возбудить уснувшихъ: прочтите грамоты Діонисіевы въ соборѣ, а тамъ что̀ будетъ угодно Богу.» По звону большаго колокола въ Спасопреображенскомъ соборѣ собрались Нижегородцы въ храмъ Божій. Соборный протопопъ Савва Евфимьевъ началъ говорить: Увы намъ Господіе чада моя и братіе, увы намъ: Се бо пріидоша дни конечныя ги-

---

1. Палиц. 226. Акт. Эксп. II. № 190.

2. Палиц. 227.

бели: погибаетъ Московское государство и вѣра православная гибнетъ. О горе намъ! О лютаго обстоянія! Польскіе и Литовскіе люди въ нечестивомъ совѣтѣ своемъ умыслили Московское государство раззорити и непорочную вѣру Христову въ Латинскую многопрелестную ересь обратити! И кто не восплачетъ здѣ, братіе, кто же не источитъ источницы слезны отъ очей своихъ? Грѣхъ ради нашихъ попущаетъ Господь врагамъ нашимъ возноситися! Увы намъ, братія моя и чада! Благокрасный бо градъ Москву оные еретики до основанія разорили и людей его всеядному мечу предали. Что сотворимъ, братіе, и что возглаголемъ? Не утвердимся ли въ соединеніи и не станемъ ли до смерти стояти за вѣру христіанскую чисту и непорочну и за Святую, Соборную и Апостольскую Церковь Богородицы, Честнаго ея Успенія и за многоцѣлебныя мощи Московскихъ Чудотворцевъ? Се же и грамота просительная Властей Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря»[1] Послѣ сего Савва прочиталъ граммату, и она произвела сильное впечатлѣніе на народъ. Нѣсколько дней послѣ того собирались на совѣщаніе и повторяли чтеніе Троицкой грамматы. Мининъ совѣтовалъ не медлить началомъ добраго дѣла и говорилъ: «Буде намъ похотѣть помощи́ Московскому Государству, и то намъ не пожалѣти животовъ своихъ, да не токмо животовъ своихъ, и дворы свои продавати, и женъ и дѣтей закладывать и бити челомъ, чтобъ кто вступился за истинную православную вѣру и былъ бы у насъ начальникомъ».[2] Слово его было любо Нижегородцамъ, говоритъ лѣтопись, и по общемъ совѣщаніи, они рѣшились обратиться къ Князю Дмитрію

1. Лобковск. Хроногр. въ Москвитян. 1850 г. т. VI. отд. III стр. 10.
2. Лѣт. о мятеж. 246.

Михайловичу Пожарскому и просить его начальствовать надъ ополченіемъ. Пожарскій жилъ въ своей отчинѣ Ландехѣ, и лечился тамъ отъ ранъ.[1] Къ нему отправили посольство съ прошеніемъ не отказать въ добромъ желаніи Нижегородцамъ. Въ посольствѣ былъ «дворянинъ добрый Жданъ Петровичъ Болтинъ, да съ нимъ посадскіе люди.» Но Пожарскій отказался взять на себя трудную обязанность. Посольство возвратилось безъ успѣха. Отказъ Пожарскаго еще сильнѣе воспламенилъ умы гражданъ и возбудилъ въ нихъ непреоборимое желаніе служить подъ его начальствомъ. Посылали еще посольство, посылали «многажды,» но безъ успѣха. Наконецъ, обратились къ властямъ духовнымъ, отправили къ нему печерскаго архимандрита Ѳеодосія и изъ всѣхъ чиновъ выборныхъ людей; посланные со слезами молили Князя быть главою ополченія, и онъ тогда только согласился на ихъ просьбу[2]. Но вслѣдъ за этимъ въ Нижнемъ-Новгородѣ воз-

---

1. А не въ Пурихѣ, какъ думали доселѣ. Лѣт. о мятеж. говоритъ, что Пожарскій жилъ въ 120 верстахъ отъ Нижняго (стр. 247); а Пуриха отъ Нижняго Новгорода—въ 74 верстахъ. См. Журн. Мин. Н. Просв. 1852. Апрѣль. Смѣсь стр. 26. — Слич. сказан. Лобковск. Хроногр. въ Москвитян. 1850 г. т. VI. О смутн. времен.

2. Голиковъ, Малиновскій и Чичаговъ (въ біографіи Пожарскаго) даютъ свидѣтельство, что Пожарскій съ одного раза охотно и съ радостью согласился быть военачальникомъ. Но мы имѣемъ право въ этомъ случаѣ болѣе вѣрить самому Пожарскому, чѣмъ другимъ. Въ одной граммате Пожарскій говоритъ, что къ нему присылали *многажды* (Собр. Госуд. Гр. и Дог. Т. II № 281). А въ разговорѣ съ Нижегородскими послами онъ говорилъ: «только бъ нынѣ такой столпъ, Князь Василій Васильевичъ (Голицынъ) былъ здѣсь, и объ немъ всѣ держались; и я къ такому великому дѣлу, мимо его, не принялся; а то нынѣ меня, къ такому дѣлу, бояре и вся земля сильно *приневолили.*» Акт. Экспед. II. № 210.

никло несогласіе между гражданами; многіе сами хотѣли распоряжаться дѣлами и не слушались начальствовавшихъ въ городѣ. Это было по случаю сбора денегъ; открылись подозрѣнія, недовѣріе къ тѣмъ, которые взяли на себя завѣдывать сборомъ. Пожарскій, узнавъ объ этомъ, велѣлъ выбрать изъ среды гражданъ человѣка честнаго, которому бы можно было поручить сборъ денегъ; онъ самъ указалъ на Минина, какъ человѣка вѣрнаго и надежнаго въ этомъ случаѣ. Мининъ спачала отрекался отъ этой должности, но потомъ, усердно-упрошенный гражданами, согласился и написалъ приговоръ, которымъ граждане обязывались быть послушными ратниками, и каждый — внести пятую часть имущества. Мининъ поспѣшилъ переслать бумагу, скрѣпленную подписями гражданъ, къ Князю Пожарскому, «для того, говоритъ лѣтопись, чтобы того приговору назадъ у него не взяли»[1].

Вѣсть о Нижегородскомъ ополченіи скоро разнеслась по Русскимъ городамъ, и отвсюду стали являться въ Нижній люди служилые, съ предложеніемъ своего участія въ общемъ дѣлѣ. Изъ Арзамаса пришли жители Смоленска, бѣжавшіе отъ разоренія Литовскаго; изъ Ярополча (Вязники) прибыли Дорогобужане и Вязмичи, также искавшіе безопаснаго поселенія вдали отъ родины, опустошенной врагами. Пріѣхавъ въ Нижній, Князь Пожарскій былъ принятъ съ неописаннымъ восторгомъ; онъ охотно принялъ въ ополченіе пришедшихъ изъ Смоленской области. Послѣ нихъ явились Коломенцы, Рязанцы и Украинскіе казаки. Пожарскій и ихъ принялъ съ ласкою, давалъ впередъ жалованье, а это привлекало въ ряды его ополченія еще большее число охотниковъ. Ско-

1. Лѣт. о мят. 248.

ро на службу къ нему явились Князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій, Князь Дмитрій Петровичъ Лопата-Пожарскій, правнучатный братъ Дмитрія Михайловича[1], Князь Хованскій, Князь Семенъ Прозоровскій, Плещеевъ, Михайло Дмитріевъ, Левашевъ, Князь Гагаринъ, множество дѣтей боярскихъ и до 17 человѣкъ казацкихъ атамановъ и старшинъ. Пожарскій и Козьма Мининъ назначили слѣдующее жалованье ратнымъ людямъ: первой статьѣ 50 рублей, второй статьѣ 45 руб., третьей 40 руб., а меньше тридцати рублей не было[2].

Посмотримъ теперь, что̀ дѣлалось въ Москвѣ. При неопредѣленности значенія и отношеній троеначальниковъ, при различіи дарованій и интересовъ каждаго изъ нихъ, духъ партій все болѣе и болѣе усиливался. Непоколебимый патріотизмъ Ляпунова не могъ быть закономъ и примѣромъ для всякаго въ это смутное время, когда личныя выгоды предпочитали пользамъ отечества, когда пружиною дѣятельности другихъ вождей былъ духъ корысти и чести. Ляпунова не любили за его правоту, за его открытую борьбу со всѣмъ, что̀ было чуждо интересамъ отечества; положеніе его становилось болѣе и болѣе затруднительнымъ, и можно было ожидать, что злоба скоро возметъ верхъ надъ чистотою его намѣреній, надъ благородствомъ его стремленій. Не дремалъ и коварный

1. Между дѣтьми Князя Θеодора Даніиловича Пожарскаго были: Θеодоръ и Иванъ Третьякъ. У Θеодора Θеодоровича былъ сынъ Тимоѳей—это былъ дѣдъ Дмитрія Петровича Лопаты (отецъ его Петръ Тимоѳеевичъ). У Ивана Третьяка былъ сынъ Θеодоръ, у Θеодора былъ сынъ Михаилъ, отецъ Дмитрія Михайловича Пожарскаго. См. Арцыбаш. повѣств. о Росс. III, прим. 1,612.

2. Москвит. 1850. том. VI. отд. III. стр. 12.

Гонсѣвскій, зная, чѣмъ покончится дѣло, если Ляпуновъ пріобрѣтетъ исключительное вліяніе на умы всѣхъ. Онъ хорошо понималъ отношенія между троеначальниками и призналъ лучшимъ дѣйствовать противъ Ляпунова, черезъ мятежныхъ казаковъ Заруцкаго, которые недавно хотѣли убить Ляпунова, раздраженные поступкомъ Плещеева[1]. Гонсѣвскій непреминулъ воспользоваться обстоятельствами, распустилъ слухъ, что Ляпуновъ имѣетъ намѣреніе убивать казаковъ, и, наконецъ, прибѣгнулъ къ подлой хитрости. Маскѣвичъ въ-подробности передаетъ извѣстіе объ участіи Гонсѣвскаго въ смерти Ляпунова. «Гонсѣвскій употребилъ слѣдующую хитрость: однажды на вылазкѣ мы поймали знатнаго боярина. Гонсѣвскій безъ всякаго милосердія объявилъ ему смерть, какъ явному измѣннику, нарушившему присягу Королевичу; а между-тѣмъ тайно велѣлъ намъ склонить его ко вторичной присягѣ. Бояринъ долго не соглашался, хотя вѣрная смерть была передъ глазами; наконецъ присягнулъ. Тогда Гонсѣвскій открылъ ему за тайну, какъ надежному человѣку, будто бы имѣетъ сношеніе съ Ляпуновымъ, чрезъ коего намѣренъ дѣйствовать; и, въ доказательство того, показалъ, наединѣ, въ запертомъ покоѣ, чтобы никто не видѣлъ, вымышленное письмо, весьма искусно поддѣланное подъ руку Ляпунова, увѣряя, что оно прислано отъ сего послѣдняго. Бояринъ, зная хорошо почеркъ Ляпунова, всему повѣрилъ и обязался клятвою доставить отъ Гонсѣв-

---

1. Плещеевъ поймалъ 28 человѣкъ казаковъ, грабившихъ близъ Угрѣшскаго монастыря, и бросилъ ихъ въ рѣку; но товарищи спасли ихъ и приведя въ станъ, разсказали о случившемся. Тогда казаки хотѣли убить Ляпунова, по совѣту котораго дѣйствовалъ Плещеевъ; Ляпуновъ рѣшился бѣжать въ Рязань, но казаки образумились и уговорили его остаться. Лѣт. о мят., стр. 235.

скаго отвѣтъ Русскому вождю на мнимое письмо его, тайно, обѣщая передать такимъ же образомъ и другое письмо. *Для* лучшаго успѣха сей хитрости, мы обмѣняли боярина на своего плѣнника. Возвратясь къ своимъ, Москаль забылъ и вторую присягу; принесъ письмо не къ Ляпунову, а въ «Разрядъ» къ боярамъ, и сказалъ имъ: я своими глазами видѣлъ у Гонсѣвскаго собственноручную граммату Ляпунова; оба вмѣстѣ они куютъ на васъ ковы. Заруцкій, алчный власти, подстрекнулъ Донцовъ; тѣ бросились на Ляпунова и разнесли его на сабляхъ»[1].

Можно представить, какія слѣдствія для Москвы должна была имѣть смерть Ляпунова; патріоты проклинали убійцу, а Заруцкій съ Трубецкимъ радовались, что сбыли съ рукъ опаснаго и ненавистнаго соперника. Казаки теперь безбоязнено начали грабить и бродили цѣлыми шайками по окрестностямъ Москвы. Такимъ-образомъ вмѣсто уврачеванія ранъ, нанесенныхъ государству, защитники его наносили ему тягчайшія раны. Время длилось по-пустому, а между-тѣмъ Сигизмундъ послалъ къ Москвѣ новаго военачальника Хоткѣвича, съ сильнымъ отрядомъ, для усиленія слабыхъ полковъ Гонсѣвскаго. Сѣверъ Россіи терпѣлъ не менѣе бѣдъ. Новгородъ былъ вѣроломно взятъ шведскимъ генераломъ Делагарди, и присягнулъ шведскому Королевичу Филиппу. Въ Псковѣ было страшное волне-

---

1. Въ повѣсти Филарета (стр. 52) говорится о смерти Ляпунова согласно съ Маскѣвичемъ: «и нача (Заруцкій) напущати казаковъ на Прокофья и наряди грамоты ссыльныя съ Литвою и руку Прокофьеву подписати велѣлъ». Видно, что Гонсѣвскій дѣйствовалъ заодно съ Заруцкимъ и по его наущенію. Бояринъ Мстиславскій въ своей граммагѣ также признаетъ виновникомъ его смерти, Заруцкаго. Собр. Госуд. Гр. II. № 277, стр. 584.

ніе по случаю явленія новаго самозванца, волненіе, отдавшееся и въ Москвѣ. Нѣкто Исидоръ, бывшій діакономъ въ Москвѣ, бѣжалъ въ Ивангородъ, назвался Димитріемъ Царевичемъ и увѣрялъ, что онъ четыре раза былъ спасенъ Промысломъ отъ смерти. Легковѣрные дали ему присягу и отправились съ нимъ во Псковъ, гдѣ жители также присягнули ему. Тѣмъ дѣло не кончилось: изъ Пскова отправили атамана Попова въ Москву съ грамматою, въ которой писали, что Дмитрій живъ и теперь во Псковѣ. Это произвело сильное волненіе въ войскѣ; ослѣпленные казаки, только чтобъ имѣть поводъ къ грабежу и новымъ насиліямъ, целовали ему крестъ и грозили смертію тѣмъ, которые не послѣдуютъ ихъ примѣру. Присягнули Исидору и Трубецкой съ Заруцкимъ.

Разберемъ свидѣтельство о присягѣ Трубецкаго (о Заруцкомъ уже не говоримъ), чтобъ вывести дѣло наружу; одни оправдываютъ Трубецкаго, другіе его обличаютъ. Вотъ что̀ говорится объ этомъ дѣлѣ въ посланіи троицкаго архимандрита Діонисія и келаря Палицына къ Князю Пожарскому: «и боярина, Князя Дмитрія Тимофеевича Трубецкаго и дворянъ и дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ и московскихъ жилецкихъ людей (казаки), привели ко кресту *неволею*, тако же цѣловаша крестъ по ихъ воровскому заводу, боясь отъ нихъ смертнаго убивства»[1]. Между-тѣмъ Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій упрекаетъ Князя Трубецкаго за присягу, какъ за измѣну, и видитъ въ этомъ дѣлѣ злое намѣреніе Трубецкаго вмѣстѣ съ Заруцкимъ и казаками—грабить и убивать всякихъ людей[2].

---

1. Акт. Экспед. II. № 202. Сн. Лѣт. о Мят. 242.

2. Акт. Экспед. II, № 203. «Да изъ-подъ Москвы Князь Дмитрій Трубецкой, да Иванъ Заруцкой и атаманы и казаки къ намъ и

Остается показаніе самого Трубецкаго. Онъ писалъ къ Пожарскому, что целовалъ крестъ Псковскому вору по ошибкѣ и недоразумѣнію, принявъ его за Царевича Димитрія, что послѣ того онъ, разузнавъ дѣло и открывъ, что во Псковѣ прямой воръ — не тотъ, который былъ въ Тушинѣ и Калугѣ, — отъ того вора отсталъ и умоляетъ о прощеніи ему вины[1]. Еслибъ это послѣднее признаніе сдѣлано было однимъ Трубецкимъ, — мы должны были бы оставить въ сторонѣ другія свидѣтельства, и разобрать одно это. Нѣтъ! граммата была писана къ Пожарскому и отъ имени Заруцкаго и всего войска московскаго. Такимъ-образомъ Заруцкій своимъ участіемъ въ дѣлѣ раскаянія закрываетъ истинныя намѣренія Трубецкаго, съ какими онъ присягнулъ самозванцу. Трубецкой не можетъ быть оправданъ, если онъ целовалъ крестъ самозванцу по страху смерти, «бояся смертнаго убивства»; крестъ целовали не всѣ; въ Лаврѣ оплевали бумагу Псковскаго-Вора; изъ-подъ Москвы остававшіеся вѣрными — бѣжали. Еслибъ Трубецкой былъ истиннымъ патріотомъ, онъ долженъ былъ бы положить жизнь свою, только бы не измѣнять правиламъ чести. Напротивъ, въ образѣ дѣйствій Трубецкаго всегда было замѣтно противообщественное направленіе: при Шуйскомъ онъ перешелъ изъ Царской службы къ Тушинскому-Вору, и отъ него получилъ санъ боя-

по всѣмъ городамъ писали за своими руками, что они целовали крестъ на томъ, что имъ вору, который нынѣ во Псковѣ, не служити; нынѣ же, позабывъ свое крестное целованіе, целовали крестъ вору Сидорку, имянуя его своимъ бывшимъ царемъ, хотя по своему первому злому совѣту, бояръ и дворянъ и всякихъ чиновъ людей и земскихъ и уѣздныхъ лучшихъ людей, побити и животы разграбити.

1. Собр. Г. Г. и Дог. II, № 281.

рина. Далѣе, когда тремъ военачальникамъ жители Москвы и другихъ городовъ подали челобитную, умоляя ихъ быть въ единомысліи и любви, распредѣлить законнымъ образомъ сборы на содержаніе войска и прекратить безпорядки, господствовавшіе въ Московскомъ-Государствѣ отъ насилій и грабежей, производимыхъ казаками,—эта челобитная «не люба бысть Трубецкому», такъ же какъ и Заруцкому: одинъ Ляпуновъ подписалъ ее. Это обстоятельство показываетъ, что Трубецкой раздѣлялъ образъ мыслей Заруцкаго и дѣйствовалъ съ нимъ заодно[1]. Теперь при худомъ положеніи дѣлъ въ столицѣ и во всей Россіи, при самоуправствѣ и своеволіи Поляковъ, Трубецкому плоха была надежда на успѣхъ, когда силы Россіи

---

1. Собр. Госуд. Гр. и Дог. II, № 277. Граммата боярина Мстиславскаго въ Ярославль 1612 года. Въ этой грамматѣ Мстиславскій и вся Московская-Дума вотъ что говорятъ о Трубецкомъ и Заруцкомъ: и нынѣ Князь Дмитрій Трубецкой, да Иванъ Заруцкій съ товарищи стоятъ подъ Москвою на большое крестьянское кровопролитіе и Московскому Государству и городамъ всѣмъ на разореніе, а не на покой христіанской, и безпрестанно ѣздя по городамъ отъ нихъ изъ таборъ изъ-подъ Москвы казаки грабятъ и насилуютъ православныхъ христіанъ, и церкви Божіи разоряютъ, и проч. «И такими правители Княземъ Дмитріемъ Трубецкимъ, да Иваномъ Заруцкимъ съ товарищи Московскому Государству мочно ли состояться, которые вами всѣми владѣютъ не иного чего для, только для своихъ бездѣльныхъ корыстей и воровства.» Конечно, нельзя вполнѣ раздѣлять образа мыслей Мстиславскаго, какъ приверженца Владиславова; самого Ляпунова въ этой грамматѣ онъ называетъ измѣнникомъ и говоритъ, что смерть его есть достойное воздаяніе за нарушеніе присяги, данной отъ него Владиславу; но истиннымъ остается въ грамматѣ то, что онъ ставитъ на одну доску Трубецкаго съ Заруцкимъ и видитъ единство въ образѣ ихъ дѣйствій. А Заруцкій, неугомонная голова, какъ называетъ его Жолкѣвскій, извѣстенъ, какъ атаманъ разбойниковъ, для котораго не было ничего священнаго. Всѣ свидѣтельства говорятъ это.

были такъ разъединены, когда уже не разъ въ борьбѣ съ Поляками онъ встрѣчалъ неудачи. Явился самозванецъ; онъ привлекъ къ себѣ множество народа въ сѣверо-западной Руси; ему присягнуло все войско, бывшее подъ Москвою. Трубецкой могъ надѣяться, что самозванецъ возметъ верхъ надъ Поляками, и рѣшился промѣнять плохое настоящее на ожидаемую лучшую будущность. Опытъ предшествовавшей выгодной службы у Тушинскаго-Вора порѣшилъ его сомнѣнія, если они только были въ немъ. Онъ былъ такъ усерденъ, что послалъ во Псковъ пословъ съ поздравленіемъ самозванца.

Самое оправданіе, которое Трубецкой представлялъ послѣ Пожарскому, еще болѣе обвиняетъ его. «Я» говоритъ онъ, «не зналъ, что это новый самозванецъ: я думалъ, это Тушинскій и Калужскій Дмитрій!» Пожарскій выставляетъ на видъ всю глупость такого оправданія: «Какъ» говоритъ онъ, «сатана ослѣпилъ ихъ очи! При нихъ Калужскій ихъ царь убитъ и безъ головы лежалъ предъ всѣми цѣлые шесть недѣль, и сами же они изъ Калуги писали въ Москву и въ другіе города, что ихъ царь убитъ, и это знаютъ всѣ православные. Сами же они дали присягу—не служить Псковскому-Вору, а теперь позабыли свое крестное цѣлованіе»[1]. Итакъ, Пожарскій правъ, когда ставитъ Трубецкаго на одну доску съ Заруцкимъ, когда цѣлью его дѣйствій поставляетъ корысть и всякія насилія. Трубецкаго хотѣли оправдать предъ

1. Акт. Экспед. II. № 203. Собр. Госуд. Гр. и Дог. II, № 287. Въ лѣтописи о мятежахъ говорится, что Трубецкой и Заруцкій писали къ Пожарскому: *прельстихомся* и потому цаловали крестъ Исидору (253). Слѣдовательно, не неволею Трубецкой приведенъ къ присягѣ.

нимъ Діонисій и Палицынъ, и писали ему, что Трубецкой по-неволѣ цаловалъ крестъ и живетъ въ великомъ утѣсненіи отъ казаковъ[1]; но Пожарскій оставался при своемъ мнѣніи и продолжалъ винить Трубецкаго[2]. Какъ же объяснить теперь извѣстія, сообщаемыя Діонисіемъ и Палицынымъ о присягѣ Трубецкаго? Видно, что Діонисію и Палицыну хотѣлось оправдать Трубецкаго: они имѣли прекрасную цѣль — установить миръ и согласіе между военачальниками, убѣдить ихъ къ единодушному дѣйствію противъ враговъ отечества: эта цѣль видна во всякомъ ихъ поступкѣ, во всякомъ посланіи. И теперь съ тою же цѣлью они закрываютъ передъ Пожарскимъ вину Трубецкаго и сваливаютъ все дѣло на казаковъ. Замѣчательно, что они ни слова не говорятъ о самомъ Заруцкомъ, и это по той же причинѣ: оправдывать Заруцкаго они уже не могли, выставлять вины его не хотѣли, потому-что онъ былъ военачальникомъ, дѣйствовавшимъ подъ стѣнами Москвы противъ враговъ ея. Онъ могъ еще исправить свою ошибку, могъ раскаяться въ своей винѣ: тогда дѣло пойдетъ успѣшно, всѣ они соединятся съ Пожарскимъ и будутъ дѣйствовать заодно.

Оправдывая Трубецкаго, Діонисій и Палицынъ присовокупляютъ, что Трубецкой *радѣетъ соединенія* съ Пожарскимъ, что онъ просилъ ихъ послать къ Пожарскому извѣстіе о своемъ желаніи соединиться съ его ополченіемъ[3]. Но это желаніе уже было высказано, тогда-какъ

---

1. Акт. Экспед. II, № 202.

2. Собр. Госуд. Гр. II, № 281. Акт. Эксп. II, № 203. Діонисій писалъ къ Пожарскому въ началѣ апрѣля 1612 года, а Пожарскій высказалъ свое мнѣніе о Трубецкомъ въ грамматѣ, писаной уже въ іюнѣ.

3. Акт. Экспед. II, № 202.

Пожарскій усилился и жилъ въ Ярославлѣ; Трубецкой не выразилъ своего сочувствія къ благороднымъ намѣреніямъ Пожарскаго, прежде, когда только составлялось еще народное ополченіе въ Нижнемъ-Новгородѣ. Онъ предлагалъ свои услуги, какъ увидѣлъ, что предпріятіе Пожарскаго слишкомъ-обширно и важно, и что онъ можетъ отнять у него славу военачальника. Вмѣстѣ-съ-тѣмъ въ это же время рушились надежды его на псковскаго самозванца: Исидора, связаннаго, привезли въ Москву и бросили въ темницу. Послѣ этого уже писалъ Трубецкой Пожарскому повинную граммату[1]. Мы увидимъ, какъ Пожарскій принялъ это посланіе и какъ онъ смотрѣлъ на Трубецкаго.

Мы оставили Пожарскаго въ Нижнемъ-Новгородѣ. Войско умножалось; но денегъ на содержаніе его не доставало. Поэтому, Пожарскій писалъ во всѣ города грамматы, которыми убѣждалъ жителей помочь ему деньгами и людьми и прислать выборныхъ для земскаго совѣта[2]. Во всѣхъ городахъ охотно исполняли желаніе воеводы и обнаружили пламенное усердіе къ замышляемому дѣлу освобожденія отечества. Только въ Казани не хотѣли помочь общему дѣлу; дьякъ Казанскій, Никаноръ Шульгинъ, радѣлъ о пользахъ Владислава и привлекъ на свою сторону Ниже-

---

1. Лѣт. о Мят. 253. «И того вора поимавъ, поведоша его подъ Москву скована.... въ тожъ время пріидоша изъ подъ Москвы посланцы отъ Князь Димитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, да отъ Ивана Заруцкаго, и писаху ко Князю Дмитрію Михайловичу, что подъ Москвою прельстихомся и пр. Псковск. Лѣт. подъ 1612 г. «Мая 20 вора поймали и посадили въ тюрьму во Псковѣ.» Трубецкой писалъ къ Пожарскому Іюня 6-го. Собр. Гос. Гр. II, № 281.

2. Акт. Эксп. II, № 201.

городскаго посланца Ивана Биркина[1]. Не скоро изъ городовъ могли собраться въ Нижній люди служилые; по этому Пожарскій долгое время оставался въ Нижнемъ. Послѣ того, какъ уже изъ другихъ городовъ собрались ратники, онъ долго ждалъ ополченія изъ Казани[2]. Такимъ-образомъ вся зима 11 года прошла въ приготовленіяхъ къ походу. Наконецъ, долго ждавъ и недождавшись Казанцевъ, Пожарскій двинулся изъ Нижняго уже въ Февралѣ 1612 года[3].

Извѣстія о сильномъ Нижегородскомъ ополченіи встревожили Гонсѣвскаго. Онъ хотѣлъ разрушить намѣренія Пожарскаго, и не имѣя возможности своими слабыми средствами остановить походъ, придумалъ дѣйствовать черезъ Патріарха. Онъ зналъ, какъ сильно вліяніе Патріарха на умы народа и послалъ къ нему измѣнниковъ,

---

1. Лѣт. о Мятеж. 250, 257. Акт. Эксп. II. № 201. Стряпчій Биркинъ былъ присланъ въ Нижній съ грамматою еще Ляпуновымъ. Но онъ оказался человѣкомъ ненадежнымъ. Мининъ называлъ его «сосудомъ сатаны.» Когда прислали въ Нижній граммату изъ Троицкой обители, Биркинъ старался повредить дѣму и противорѣчилъ Минину. Странно, какъ такаго человѣка рѣшились послать въ Казань. Москвит. 1850. Т. VI. отд. III. стр. 6. 10.

2. Лѣтоп. о Мят. 252. Акт. Эксп. II, № 201.

3. Маскѣвичъ, 114. «26 Января пустились мы изъ Рогачева въ хлѣбороднѣйшія области: панъ гетманъ (Ходкѣвичъ) шелъ съ нами нѣсколько миль, потомъ разлучился и сталъ въ Ѳедоровскомъ, въ 20 миляхъ отъ Москвы.» Слич. Палицына, 228. «Гетманъ же Ходкѣвичъ, услышавъ многое собраніе россійскаго воинства (въ Нижнемъ), отъиде отъ Москвы къ Волоколамскому. А отъ Князя Дмитрія Михайловича передовые люди отъ Нижняго въ Ярославль и на Кострому пріидоша. Лобков. Хронографъ говоритъ, что Пожарскій выступилъ изъ Нижняго *въ великій постъ* 1612 г. Москвит. 1850. Т. VI. отд. III. стр. 12.

убѣждать его, чтобъ онъ запретилъ Пожарскому идти къ Москвѣ. Томившійся въ неволѣ на Кирилловскомъ-Подворьѣ, страдалецъ за отечество, необоримый и твердый, Патріархъ Гермогенъ отвергъ безумную просьбу враговъ и отвѣчалъ посланнымъ: «да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на очищеніе Московскаго Государства, а вы, окаянные измѣнники, будьте прокляты.» Такая ревность стоила Святителю жизни; озлобленные Поляки велѣли уморить его голодомъ, и онъ скончался 17-го Февраля 1612 года.

Не одни Поляки негодовали на составъ народнаго ополченія въ Нижнемъ: самъ Заруцкій косо смотрѣлъ на предпріятіе Пожарскаго. Онъ видѣлъ, что Пожарскій не сойдется съ нимъ въ образѣ мыслей и дѣйствій, что онъ положитъ конецъ его своеволію, и рѣшился повредить дѣлу. Онъ отправилъ отрядъ казаковъ въ Ярославль, дабы воспрепятствовать соединенію полковъ прибывающихъ изъ другихъ городовъ на это сборное мѣсто. Туда же шелъ и Просовѣцкій съ цѣлію занять Ярославль и другіе города. Узнавъ объ этомъ, Пожарскій отправилъ противъ злоумышленниковъ Князя Лопату-Пожарскаго съ войскомъ. Лопата пришелъ въ Ярославль прежде, нежели Просовѣцкій успѣлъ соединиться тамъ съ казаками Заруцкаго, и захвативъ ихъ посадилъ въ тюрьму. Это разрушило намѣреніе Просовѣцкаго, и онъ воротился съ дороги.

Между-тѣмъ въ городахъ, лежавшихъ на пути къ Ярославлю, Пожарскаго встрѣчали съ неописаннымъ восторгомъ. Жители Балахны и Юрьевца умножили его казну и войско. Въ Плесѣ ему сказали, что воевода Костромскій Иванъ Шереметевъ не хочетъ принять его въ го-

родъ[1]. Пожарскій поспѣшилъ въ Костромѣ и узналъ, что тамъ сильное смятеніе; но не всѣ Костромичи были на сторонѣ Шереметева; партія благомыслящихъ одолѣла измѣнниковъ; Шереметева едва не убили, и онъ обязанъ своею жизнью Князю Пожарскому, который спасъ его отъ ярости народа. По просьбѣ Костромичей, Пожарскій далъ имъ новаго воеводу, Князя Гагарина. Въ Кострому явились къ нему Суздальцы, съ прошеніемъ помощи противъ шайки Просовѣцкаго, угрожавшей самому ихъ городу; Пожарскій отправилъ къ нимъ отрядъ съ своимъ братомъ Лопатою. Провожаемый благословеніями народа, Дмитрій Михайловичъ прибылъ, наконецъ, въ Ярославль. Жители встрѣтили его съ дарами, но онъ отказался отъ нихъ.

Въ Ярославлѣ Пожарскій простоялъ болѣе полугода. Эта медлительность была многимъ не по-сердцу. Москва была въ жалкомъ положеніи, народъ только и жилъ надеждою на скорую помощь изъ Ярославля; но Пожарскій не двигался. Современники и позднѣйшіе писатели винили Пожарскаго за эту медленность, говорили, что онъ пируетъ въ Ярославлѣ[2]. Но это вовсе несправедливо. Не

---

1. Шереметевъ такъ хотѣлъ поступить, вѣроятно, въ-слѣдствіе грамматы присланной къ нему отъ Милославскаго и Московской-Боярской-, Думы. Собр. Госуд. Грамм. и Догов. II. № 276.

2. Палицынъ 230 и 231. «Въ Ярославлѣ же стояша и войско учреждающе (т. е. угощая) и сладость мнящимъ вседневное насыщеніе.... и видѣ ласкателей и трапезолюбителей. Малиновскій (Біогр. Пожарскаго, стр. 48—49) думаетъ, что въ свободныхъ разговорахъ на пирахъ Пожарскій извѣдывалъ мысли и расположенія воеводъ своихъ. Берхъ (Царст. Мих. Ѳеод. 78) признаетъ непонятною загадкою медленность Пожарскаго.

въ духѣ Пожарскаго было предаваться увеселеніямъ на-счетъ бѣдствующаго отечества и предпочитать свое спокойствіе общей пользѣ. Нельзя ему было, послѣ столькихъ неудачныхъ опытовъ борьбы Русскихъ съ Поляками, въ-попыхахъ бѣжать съ новонабраннымъ ополченіемъ подъ Москву. Препятствія, останавливавшія его въ Ярославлѣ, были слишкомъ-серьёзны. Онъ самъ хорошо понималъ всю важность быстроты дѣйствій въ настоящее время, и вотъ что̀ говоритъ онъ въ одномъ посланіи: «И вамъ бы, господа, Вологодскимъ дворяномъ нынѣ идти на Литовскихъ людей всѣмъ *вскорѣ*, чтобы Литовскіе люди Московскому Государству конечныя гибели не навели; а токмо надъ Литовскими людьми поискъ чинити не учнемъ, и *вскорѣ* на нихъ не пойдемъ, а нашимъ будетъ нерадѣньемъ учинится конечное разоренье Московскому Государству, который отвѣтъ дадимъ въ страшный день суда Христова[1].

Видно, что не пирушки задерживали Пожарскаго въ Ярославлѣ. Его задерживала, вопервыхъ, присяга Трубецкаго, Заруцкаго и всего войска Московскаго, Псковскому самозванцу. Присяга дана была 2-го Марта[2]. Уже будучи въ Ярославлѣ, узналъ объ этомъ Князь Пожарскій вѣроятно въ первыхъ же числахъ Марта. Это извѣстіе и остановило его походъ, какъ самъ онъ говорилъ въ одной грамматѣ: «И собрався азъ Князь Дмитрій со всѣми ратными людьми, пришелъ въ Ярославль; изъ Ярославля хотѣли со всѣми людьми идти подъ Москву, и писали къ намъ изъ подъ Москвы бояре Князь Дмитрій Тру-

---

1. Акт. Экс. II, № 201.

2. Акты Экспед. II, № 202.

бецкой да Иванъ Заруцкій и атаманы и казаки, что они, преступя всемірное крестное цѣлованіе и умысля воровствомъ, цѣловали крестъ вору, который во Псковѣ, именуя его Дмитріемъ... Мы же, видя злое начинаніе Ивана Заруцкаго и атамановъ и казаковъ, подъ Москву не пошли»[1]

Дѣйствительно, это было *злое начинаніе*: слѣдствія присяги были очень гибельны. Казаки цѣлыми отрядами бросились изъ Москвы по окрестнымъ городамъ ратовать во имя новаго царя Дмитрія. Причина для ихъ злодѣйствъ была теперь, по ихъ мнѣнію, благовидная: взять съ жителей присягу въ пользу мнимаго Димитрія. Не встрѣчая сопротивленія въ жителяхъ, они причиняли имъ всякія насилія, грабили и жгли селенія, совершали убійства. А обыкновеннымъ, всегдашнимъ побужденіемъ къ грабежамъ была ихъ бѣдность, до которой довелъ ихъ Заруцкій. «Иванъ Заруцкій казну себѣ поймалъ» сказано въ одной грамматѣ, «а ратнымъ людямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и атаманамъ и казакамъ не давалъ. И всчали въ полкѣхъ по дорогамъ многіе грабежи и убійства»[2]. Несчастные жители городовъ обратились съ прошеніемъ помощи къ Пожарскому, и онъ отправилъ отряды въ Суздаль, Угличъ, Кашинъ, Владиміръ, Ростовъ, Устюжну, Тверь, Пошехонь, Касимовъ и въ Троицкую-Лавру[3]. Въ Переяславлѣ злодѣйствовалъ самъ Заруцкій, и сюда послали изъ Ярославля войско подъ начальствомъ Наумова. Много, конечно, нуж-

1. Собр. Гос. Гр. и Догов. II. № 281.

2. Собр. Грам., Т. V., 281.

3. Тамъ же.

не было времени для очищенія всѣхъ этихъ мѣстъ отъ непріятелей. Лѣтописецъ именно это обстоятельство считаетъ причиною медленности похода Пожарскаго: «Походъ же ихъ замѣшкался, и пріиде же въ то время рать Черкасовъ и ста въ Антоньевѣ монастырѣ, и казаки стояху на Угличѣ. Князь Димитрій Михайловичъ и Козма вздумаша на Черкасовъ и на казаковъ послати рать»[1]. Три мѣсяца прошло въ этихъ движеніяхъ и въ Іюнѣ Пожарскій все еще не былъ спокоенъ: въ городахъ отдаленныхъ еще происходило движеніе въ пользу самозванца, и онъ долженъ былъ умолять жителей Путивля и другихъ городовъ отстать отъ Псковскаго вора[2].

Такимъ образомъ, предполагаемое соединеніе войскъ Пожарскаго съ войсками Заруцкаго и Трубецкаго не могло состояться, какъ сперва желалъ того Пожарскій. Нужно было выжидать перемѣны обстоятельствъ, чтобъ продолжать начатое движеніе къ болящему сердцу Россіи. Заруцкій поставилъ себя въ прямое непріязненное отношеніе къ Пожарскому, и на этого союзника не было уже никакой надежды. Плоха была надежда и на Трубецкаго. Вскорѣ послѣ присяги, данной имъ Псковскому вору, онъ посылалъ въ Троицкій монастырь Михайла, да Никиту Пушкиныхъ, просить архимандрита Діонисія, чтобы тотъ послалъ отъ себя къ Пожарскому, и просилъ его идти къ Москвѣ на соединеніе съ его полками. Замѣтимъ, что Трубецкой не обратился къ самому Пожарскому, сознавая неправоту своего дѣла и опасаясь его справедливаго гнѣва. Пожарскій не принялъ ходатайства Діонисія и не хотѣлъ вѣрить, чтобъ Трубецкой присягнулъ неволею.

---

1. Лѣт. о мятеж., 255—256.
2. Собр. Грамм., II. 281.

Уже послѣ того, какъ онъ получилъ посланіе изъ Лавры, онъ писалъ къ Вычегодцамъ (7-го Апрѣля), что Трубецкой вмѣстѣ съ Заруцкимъ рѣшились на злопагубную бѣду и конечное отпаденіе отъ всѣхъ православныхъ христіанъ, целовали крестъ вору Сидорку[1]. Онъ не раздѣлялъ дѣйствій и намѣреній обоихъ военачальниковъ, и о Трубецкомъ выражался такъ же, какъ и о Заруцкомъ. Не однимъ посланіемъ, но и самымъ дѣломъ доказалъ онъ, что не могъ скоро разувѣриться въ вѣроломствѣ Трубецкаго. Архимандритъ Діонисій, по просьбѣ Пушкиныхъ, послалъ въ Ярославль старцевъ Макарія Куровскаго и Иларіона Бровцына со многимъ молебнымъ писаніемъ, чтобъ онъ шелъ къ Москвѣ не мѣшкая. Между прочимъ писалъ Діонисій: «Бога ради, государи, положите подвигъ свой воедино избранное мѣсто, на благоизбранной земской совѣтъ: сами вѣсте, что ко всякому дѣлу едино время належитъ, безвременное же всякому дѣлу начинанье суетно и бездѣльно бываетъ; хотя будеть и есть у васъ которые *недоволы*, Бога ради, отложите то время, чтобъ намъ всѣмъ положити о Государѣ, кого намъ дасть въ Троицѣ славимый Богъ нашъ, покамѣста въ междоусобіи и несовѣтѣ злые заводцы и ругатели достальнымъ намъ православнымъ христіаномъ порухи не учинили. Пишемъ вамъ о подвигѣ на спѣхъ потому, чтобъ тѣ люди, которые нынѣ подъ Москвою, *рознью* своею не потеряли большаго каменнаго города и остро́говъ и наряду»[2]. Однакожъ, это трогательное посланіе Князь Пожарскій, какъ говоритъ Палицынъ, «въ презрѣніе положи»[3]. Безъ-сомнѣнія,

---

1. Акт. Эксп., II. № 203.

2. Ibid. № 202.

3. Палиц. 230.

это сдѣлано не изъ неуваженія къ Діонисію, но по недовѣрчивости къ Трубецкому, за котораго хлопоталъ Діонисій, и по другимъ важнымъ причинамъ, задерживавшимъ Пожарскаго въ Ярославлѣ. Безуспѣшно было и другое, послѣдовавшее за первымъ, посольство изъ Лавры.

Палицынъ и современный лѣтописецъ свидѣтельствуютъ, что между воеводами Нижегородскаго ополченія была смута велія, что Пожарскій «косно и медленно о шествіи «промышляше нѣкоихъ ради междоусобныхъ смутныхъ «словесъ», что для прекращенія смуты вызвали изъ Лавры Ростовскаго Митрополита Кирилла, который, «прибывъ «въ Ярославль, люди Божіи укрѣпляше, и которая ссора «учинится у начальниковъ, и начальники во всемъ докладываху ему»[1]. Нельзя думать, чтобъ эти смуты возникли вслѣдствіе честолюбія Пожарскаго, вслѣдствіе неуваженія его къ другимъ военачальникамъ, служившимъ подъ его начальствомъ. Изъ мѣста, которое занимаетъ подпись Пожарскаго подъ одною грамматою того времени, можно видѣть, что Пожарскій не былъ зараженъ духомъ преобладанія надъ своими товарищами. Выше его подписались девять человѣкъ: Морозовъ, Долгорукій, Головинъ, Одоевскій и другіе[2]. А лѣтописецъ неоднократно говоритъ о его ласковомъ обхожденіи съ бывшими у него на службѣ. Итакъ, что̀ это за смута? Изъ-за чего она поднялась? Лѣтописецъ говоритъ, что Заруцкій имѣлъ свою партію въ Ярославлѣ, что тамъ въ службѣ у Князя были его *совѣтники*[3]. Безъ-сомнѣнія, они сѣяли сѣмена раздоровъ въ войскѣ и между воеводами возбуждали недовольство

1. Палиц. 231. Лѣт. о мят., 260.

2. Акт. Эксп. II. № 203.

3. Лѣт. о мят. 262.

Пожарскимъ[1], распускали слухи, что онъ домогается послѣ быть Царемъ[2] и, такимъ-образомъ, доводили начальниковъ до ссоры, которую не могъ умирить самъ Пожарскій, но долженъ былъ вызвать для этого Ростовскаго Митрополита. Такъ объясняются слова лѣтописи: «бысть въ начальникахъ въ Ярославлѣ и во всѣхъ людехъ смута велія, прибѣгнути нѣхкому и разсудити ихъ нѣкому»[3]. Партія Заруцкаго была послѣ открыта.

Во-вторыхъ. По-необходимости долгое, вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, пребываніе Пожарскаго въ Ярославлѣ имѣло ту невыгоду, что сумма, собранная на содержаніе войска, была истрачена, и не съ чѣмъ было идти подъ Москву. Такъ одна бѣда влекла за собою другую. Лѣтописецъ говоритъ, что по приходѣ Пожарскаго въ Ярославль, денегъ въ казнѣ было много, и Пожарскій вовсе не думалъ тратить ихъ по-напрасну, а тотчасъ же сбирался въ Москву: «къ нимъ же начаша изъ городовъ «пріѣзжати многіе ратные люди, посадскіе люди привозити «на помощь денежную казну, и хотяху идти подъ Москву «вскорѣ, но походъ ихъ замѣшкался»[4] отъ вышеизложен-

---

1. Намекъ на это есть въ посланіи Діонисія: «хотя будетъ и есть у васъ которые *недоволы*, Бога ради отложите то время, чтобъ намъ всѣмъ во единомъ совѣтѣ положити о Государѣ, кого намъ дастъ Богъ.» Акт. Эксп. II. № 202. Палицынъ (231) говоритъ, что причиною смутъ были немногіе люди, которые дѣйствовали на воеводъ и все войско: «и видя мятежниковъ и ласкателей, воздвижущихъ гнѣвъ великъ и сваръ между воеводъ и во всемъ воинствѣ.» Конечно, это были *совѣтники* Заруцкаго, о которыхъ говоритъ Лѣтопись.

2. См. Сыскное дѣло о спорѣ межев. судей въ Чтен. Общ. Истор. 1848 № 7.

3. Лѣт. о мят. 260 Палиц. 231.

4. Тамъ же, 255.

ныхъ обстоятельствъ, казна истощилась, и вотъ что̀ писалъ объ этомъ Пожарскій еще въ апрѣлѣ, отъ 7-го числа, къ Вычегодцамъ: «и нынѣ, господа, изо всѣхъ «городовъ пріѣзжаютъ къ намъ стольники, и стряпчіе, и «дворяне, и дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди, а «бьютъ челомъ всей землѣ о денежномъ жалованьѣ, а «дати имъ нечего»[1]. Но денегъ, однакожъ, все-еще недоставало; Пожарскій обратился къ Цезарю Римскому съ просьбою, чтобы онъ помогъ ему деньгами при послѣднихъ усиліяхъ его для спасенія отечества[2].

Въ-третьихъ. Между-тѣмъ, какъ Пожарскій очищалъ города отъ Ляховъ и казаковъ, ему представилась новая опасность отъ Шведовъ, покорившихъ Новгородъ и взявшихъ съ его жителей присягу въ пользу Королевича Филиппа. Лѣтописецъ ясно свидѣтельствуетъ, что и это дѣло остановило походъ Пожарскаго: «А отъ Новгорода «же *оберегахуся*, что придоша Нѣмцы и сташа на Тихвинѣ. Князь же Дмитрій Михайловичъ и Кузма начаша «думати со всею ратью, и со властьми и съ посадскими «людьми, какъ бы земскому дѣлу было прибыльнѣе, и «вздумаша въ Великій Новгородъ послати пословъ»[3]. Лѣтописецъ обозначаетъ и цѣль этихъ распоряженій Пожарскаго: «и писаху къ нимъ (къ Шведамъ) для того и «посылаху, какъ пойдутъ подъ Москву, на очищеніе «Московскаго Государства, чтобъ Нѣмцы не пошли воевать

---

1. Акт. Эксп. II. № 203 in fin. Пожарскій говоритъ здѣсь, что одна нижегородская казна истрачена; но и послѣ того Пожарскій получалъ большія суммы. Лѣт. о мят., 255. «Костромичи же ихъ проводиша съ великою радостію, и даша имъ подмогу *многую казну*.

2. Памятник. дипломат. снош. Росс. съ держ. иностр. том. II. стр. 1407.

3. Никон. Лѣт., VIII. 180. Лѣт. о мят., 256.

«въ поморскіе городы»; и въ другомъ мѣстѣ: «чтобъ не помѣшали нѣмецкіе люди идти на очищеніе Московскаго Государства»[1]. Итакъ, въ Новгородъ отправили изъ Ярославля Степана Татищева съ грамматами къ Митрополиту Исидору, къ воеводѣ Одоевскому и къ Делагарди. Одоевскому и Митрополиту Пожарскій писалъ, чтобъ они извѣстили его о положеніи дѣлъ въ Новгородѣ и о силѣ договора съ Делагарди; онъ обѣщался, когда обстоятельно узнаетъ все дѣло, послать отъ всей земли пословъ въ Швецію и просить Королевича на престолъ Русскій. А Делагарди извѣщали только, что послали къ Митрополиту и Одоевскому граммату о государственныхъ дѣлахъ, и требовали отъ него охранныхъ листовъ для проѣзда своихъ уполномоченныхъ[2]. 12-го Мая Татищевъ явился въ Новгородъ и 19-го отпущенъ съ отвѣтными грамматами, при которыхъ была послана копія съ договора, заключеннаго Новгородомъ съ Делагарди. При докладѣ Татищевъ замѣтилъ Пожарскому, что отъ Новгорода добра ждать нечего[3]. Во второй половинѣ Іюня явились въ Ярославль и послы Новгородскіе, Вяжецкій игуменъ Геннадій и Князь Оболенскій[4]. Они сообщили вѣсть, что по смерти Карла IX, Короля шведскаго, недавно случившейся, вступилъ на престолъ сынъ его Густавъ-Адольфъ, и что

---

1. Лѣт. о Мят. 256—257. Ник. Лѣт., 184.

2. Акт. Эксп, II. № 208.

3. Собр. Гос. Гр. и Дог. II. № 278—279. Лѣт. о мят., 257. Татищевъ пріѣхалъ въ Ярославль 1-го іюня. Собр. Г. Гр., II. № 282.

4. Время ихъ пребыванія въ Ярославлѣ опредѣляется изъ слѣдующихъ словъ ихъ: «а чаемъ подлинно, что Королевичъ пришелъ на Ивань-день (24-го іюня) въ Выборъ (Выборгъ), или, кончае на Петровъ-день будетъ.» Акт. Экс., II. № 210.

братъ его Филиппъ ѣдетъ въ Новгородъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они предложили Пожарскому вступить въ союзъ съ Новгородомъ и соединиться подъ властію Королевича Филиппа. Пожарскій замѣтилъ посламъ: «быть съ Новгородомъ «въ соединеньи мы не прочь, но только мы уже *искусились*, «извѣдали опытомъ, что ненадежно полагаться на Госу-«дарей иноземныхъ. Сигизмундъ хотѣлъ дать на престолъ «сына своего, манилъ съ годъ, и не далъ; а теперь, вы «знаете, что̀ дѣлаютъ Ляхи съ Московскимъ Государствомъ. «Такъ точно и шведскій Король: обѣщался скоро отпустить «своего сына на Новгородское Государство, и вотъ уже ско-«ро годъ, а Королевичъ въ Новгородъ все еще не бывалъ». Оболенскій сказалъ на это, что Королевичъ былъ уже на дорогѣ въ Новгородъ, но долженъ былъ воротиться вслѣдствіе полученнаго извѣстія о смерти отца, что, послѣ-того, онъ замедлилъ по случаю войны Густава съ Даніею. Пожарскій сказалъ: «Пожалуй, мы ради соединиться съ Нов-«городомъ, только съ условіемъ, чтобъ Королевичъ непре-«мѣнно принялъ Греческую вѣру. Тогда мы пошлемъ въ «Новгородъ пословъ для переговоровъ о соединеніи. А «теперь въ Швецію пословъ посылать не станемъ: съ «ними, пожалуй, тоже сдѣлаютъ, что̀ съ Васильемъ Го-«лицынымъ въ Польшѣ. Еслибъ былъ теперь такой столпъ, «какъ Василій Голицынъ, то за него бы всѣ держались, «и я, мимо его, не взялся бы за такое великое дѣло». Въ заключеніе Пожарскій повторилъ, что пословъ въ Швецію онъ не пошлетъ, и Государя неправославной вѣры на государство взять несогласенъ[1]. Почти черезъ мѣсяцъ послѣ этой аудіенціи, 26-го Іюля, изъ Ярославля отправили въ Новгородъ новаго посла Сѣкерина съ грамматою,

---

1. Акт. Эксп., II. № 210.

въ которой Пожарскій повторялъ то же, что говорилъ и посламъ, именно, что пословъ въ Швецію посылать онъ не намѣренъ: «а нынѣ мы пословъ не послали для того, «что Королевичъ въ своей землѣ, и мы о томъ опасаем«ся, не такъ бы надъ ними учинилось, что Литовскій Ко«роль, преступя крестное цѣлованье, Ростовскаго Митро«полита Филарета, да пословъ Князя Василья Василье«вича Голицына съ товарищи въ заточенье послалъ». Далѣе въ грамматѣ поставляется на видъ и то, что Королевичъ долго не ѣдетъ въ Новгородъ, и дѣлается намёкъ, что въ случаѣ замедленія его можно будетъ отказаться отъ присяги, ему данной: «и буде, господа, Королевичъ «по вашему прошенью васъ не пожалуетъ, и по догово«ру въ Великій Новгородъ нынѣшнего 120 году по *лѣт«нему пути* не будетъ, и во всѣхъ городахъ о томъ вся«кіе люди будутъ въ сомнѣньи, а намъ безъ Государя «быти невозможно; сами вѣдаете, что такому великому «государству безъ Государя долго стоять нельзя.» Наконецъ, изъ грамматы можно угадать и самую цѣль сношеній Пожарскаго съ Новгородомъ, которую ясно обозначилъ лѣтописецъ: «А покамѣста, Королевичъ Карло«Филиппъ будетъ въ великій Новгородъ, и до тѣхъ бы «мѣстъ Новгородскаго Государства всѣхъ чиновъ людемъ «съ нами быти въ любви и совѣтѣ *и войны бы намъ «межь себя не вчинати*, и городовъ и уѣздовъ Москов«скаго Государства къ Новгородскому Государству не под«водити, *и людей ко кресту не приводити*»[1]. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что Сѣкерина послали съ этою грамматою для того, «*чтобы не помышляли Нѣмецкіе люди* (Шведы) *идти «на очищеніе Московскаго Государства. А того у нихъ*

1. Дополн. къ Актамъ Истор., Т. I № 164.

«и въ думѣ не было, чтобы взять на Московское Госу-«дарство иноземца, а избирали на Всероссійское Госу-«дарство изъ Московскихъ родовъ Государя»[1].

Что дѣйствительно цѣлью сношеній Пожарскаго съ Новгородомъ и съ Делагарди было — обезопасить себя со стороны Шведовъ, и что Пожарскій не думалъ объ избраніи шведскаго Королевича на престолъ, на это можно привести ясныя доказательства. Если вникнуть пристально въ ходъ дѣла, можно видѣть, какое слабое участіе принималъ Пожарскій въ дѣлѣ присяги Новгородцевъ, какъ онъ старался даже разрѣшить ихъ отъ этой присяги. Сперва онъ писалъ въ Новгородъ, что пошлетъ пословъ въ Швецію; потомъ вдругъ рѣшительно отказывается подъ благовиднымъ предлогомъ отъ своего обѣщанія. Въ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ Оболенскому на аудіенціи, онъ высказался еще яснѣе, возбуждалъ въ Новгородцахъ недовѣріе къ Филиппу, намекалъ на опасность, какой можетъ подвергнуться православіе отъ Государя не греческой вѣры, и этимъ ослабилъ приверженность пословъ Новгородскихъ къ пользамъ Швеціи[2]. Посольство Сѣкерина рѣзче выставляетъ намѣренія Пожарскаго. Онъ писалъ съ нимъ, чтобъ въ Новгородѣ погодили даже про-

---

1. Ник. Лѣт. Т. VIII, стр. 184, 185. Лѣт. о мят., стр. 261. Въ послѣдней ошибка въ цитованномъ мѣстѣ: вмѣсто, *не помышкали*, надо читать: *не помышали*; вмѣсто: *на обращеніе*, читай: *на очищеніе*.

2. Акты Эксп., Т. II. N 210. «И новгородскіе посланные — Князь Ѳеодоръ Оболенскій съ товарищи говорили: только Карло Королевичъ не хотѣть быть въ православной крестьянской вѣрѣ греческаго закона, нетокмо съ вами, бояры и воеводы, и со всѣмъ Московскимъ государствомъ вмѣстѣ, — хотя вы насъ и подадите, и мы одни за истинную вѣру хотимъ померэть, а не нашія, не Греческія, вѣры на государство не хотимъ.»

должать присягу Королевичу, что ждать Королевича больше не слѣдуетъ, когда онъ такъ долго медлитъ и не является въ Новгородъ. Между-тѣмъ, черезъ это союзъ съ Новгородомъ не нарушался, Новгородъ не долженъ былъ вести себя непріязненно съ Московскимъ Государствомъ. О переговорахъ своихъ съ Новгородомъ Пожарскій писалъ въ города русскіе, и тутъ уже непритворно, искренно выразилъ свои отношенія къ Швеціи. Извѣщая о посольствѣ изъ Новгорода и о цѣли посольства, онъ проситъ прислать къ нему изъ городовъ выборныхъ, для общаго земскаго совѣта; по связи и ходу рѣчи должно было бы ожидать, что эти выборные нужны для рѣшенія дѣла въ пользу шведскаго Королевича, но Пожарскій пишетъ совсѣмъ иное: «И вамъ бы, господа, прислати къ намъ для общаго земскаго совѣта, изо всякихъ чиновъ человѣка по два и по три, какъ намъ противъ враговъ общихъ Польскихъ и Литовскихъ людей стоять, и какъ намъ въ нынѣшнее злое настоящее время безгосударнымъ быть, *и выбрати бы намъ Государя* всею землею, *кого милосердый Богъ дастъ*[1]. Пожарскій, до конца, удачно выдержалъ свою трудную роль въ сношеніяхъ съ Новгородомъ. Въ Августѣ изъ Новгорода послали въ Москву пословъ для окончательнаго рѣшенія дѣла, о избраніи Королевича на престолъ Русскій; превозносили до небесъ Филиппа; говорили, что онъ «въ страсѣ Божіемъ возращенъ, ко всякой храбрости и смиренію навыченъ, и отъ Бога великимъ разумомъ одарованъ»; увѣряли, что избраніе его на престолъ положитъ конецъ бѣдствіямъ, какія терпитъ Россія отъ Поляковъ[2]. Но Пожарскій успѣлъ и безъ Филип-

1. Собр. Госуд. Гр. и Дог., Т. II, N 281.
2. Ibid, N 284.

на достичь своей цѣли, и однакожъ продолжалъ хитрить передъ Шведами, — подавалъ Филиппу надежду на занятіе престола Русскаго. Послѣ, когда Москва была уже освобождена отъ Поляковъ, онъ не забылъ, что, избавившись отъ однихъ враговъ, можетъ имѣть еще другихъ, въ самихъ Шведахъ, и вотъ что̀ писалъ въ Новгородъ къ Митрополиту въ Ноябрѣ 12-го года: «а что ты, великій господинъ, писалъ къ намъ, боярамъ и воеводамъ и ко всей землѣ, чтобъ Московскому государству быти съ вами подъ единымъ кровомъ Государя Королевича Карлуса-Филиппа Карлусовича, и намъ нынѣ такого великаго государственнаго и земскаго дѣла, *не обославсл и не учиня совѣту и договору* съ Казанскимъ, и съ Астраханскимъ, и съ Сибирскимъ, и съ Нижегородскимъ государствы, и со всѣми городы Россійскаго Царствія, со всякими людьми отъ мала до велика, *однимъ учинити нельзя*». Въ граммате видимъ и причину, для чего Пожарскій продолжалъ сношенія съ Новгородомъ, когда дѣла съ Поляками въ Москвѣ были уже покончены: «и тебѣ бъ Якову Понтусовичу (Делагарди) совѣтовати, чтобъ ему съ нами и со всѣмъ Московскимъ государствомъ быти въ любви, и Московскаго государства въ городы, которые сошлись съ Новгородскимъ уѣздомъ, ратныхъ людей своихъ не посылати и тѣсноты никоторыя и обидъ чинити не велѣти жъ, и никакихъ задоровъ не вчинати, чтобъ отъ того межъ нами доброму дѣлу поруха не учинилась»[1]. Пожарскому отъ души вѣрили въ Новгородѣ; Делагарди посылалъ свои отряды въ уѣзды: Торжковскій, Тверской, Устюжской и Бѣлозерскій, и дѣйствовалъ противъ Поляковъ, опустошавшихъ эти уѣзды[2].

---

1. Дополн. къ Актамъ Истор., Т. I, N 166.
2. Ibid.

Доказательствомъ, что Пожарскій мало радѣлъ о пользахъ Королевича Шведскаго, служитъ и то, что онъ въ то же время имѣлъ сношенія съ Австріею по подобнымъ дѣламъ. Изъ Персіи, черезъ Ярославль, возвращался посолъ Цесарскій, Іосифъ Грегори. Пожарскій на аудіенціи разсуждалъ съ нимъ о бѣдственномъ положеніи своего отечества, о враждебныхъ дѣйствіяхъ Короля Польскаго, и о трудности въ безгосударное время прекратить на Руси кровопролитіе. Грегори предложилъ Пожарскому: не хотятъ ли Русскіе выбрать на престолъ Максимиліана, брата Императора Рудольфа II-го, и обѣщалъ, что это послужитъ къ совершенному прекращенію бѣдствій Россіи. Пожарскій согласился, и отправилъ съ Грегори своего посла Еремея Еремеева (Вестермана) съ письмомъ къ Цезарю, въ которомъ писалъ, чтобъ Цезарь помогъ ему деньгами и просилъ Короля Польскаго прекратить непріятельскія дѣйствія въ Россіи[1]. Но посолъ Русскій не засталъ въ живыхъ Рудольфа и обратился къ новому Императору Матвѣю. Узнавъ о желаніи Русскихъ, Матвѣй съ радостью предложилъ Максимиліану отправиться въ Россію и занять престолъ; но старый Максимиліанъ рѣшительно отказался отъ предлагаемой ему короны. Тогда Матвѣй отправилъ въ Россію Грегори, съ предложеніемъ, избрать Царемъ одного изъ его племянниковъ[2]. Но въ Россіи въ

1. См. Памятн. дипломат. снош. Росс. II. 1407. 1428. «И бьемъ челомъ Вашему Цезарскому Величеству, чтобъ Вы нынѣшней нашей скорби на насъ призрѣли, своею Государскою казною намъ вспоможенье учинили, а къ Польскому бъ Жигимонту Королю Вамъ Великому Государю нарочно послати, чтобъ онъ крови Хрестьянскіе проливати престалъ.» Еремеевъ отправленъ 20 Іюня, и пріѣхалъ въ Октябрѣ къ мѣсту своего назначенія. См. Акты Ист., Т. III, N 6.

2. Собр. Госуд. Гр. и Дог., Т. III, N 15.

это время уже все перемѣнилось. Грегори пріѣхалъ въ Москву уже по вступленіи на престолъ Михаила Θеодоровича[1], и открылъ Царю исторію сношеній Пожарскаго съ Цезаремъ. Въ Москвѣ объясняли это такъ, что «Пожарскій о томъ приказывалъ съ Юсуфомъ безъ совѣту всей земли», или что даже Юсуфъ, или Еремеевъ, затѣяли это дѣло сами-собою, «хотячи у Цезарскаго Величества жалованье какое выманить»[2]. Но послѣднее объясненіе невѣрно. Пожарскій дѣйствительно имѣлъ сношеніе съ Матвѣемъ, и прислалъ къ нему съ Еремеевымъ граммату за подписью 24-хъ человѣкъ[3]. Но то справедливо, что Пожарскій затѣялъ это дѣло безъ совѣта всей земли, и это служитъ для него не обвиненіемъ, но хорошимъ объясненіемъ его намѣреній. Думные бояре временъ Михаила Θеодоровича въ наказѣ посламъ, отправлявшимся къ Цезарю, правду говорили, «что и въ мысли Московскаго Государства бояръ и воеводъ и у всякихъ людей всего

---

1. Древ. Росс. Вивліоѳ., Т. V, стр. 73. «Какъ по милости Всемогущаго Бога Великій Государь Михаилъ Θеодоровичъ учинился на своихъ великихъ государствахъ и вѣнчался царскимъ своимъ вѣнцемъ и діадимою, и того жь лѣта пришелъ въ Великаго Государя нашего государства шахъ аббасова величества посланникъ Муршу Кулы-бекъ, а съ нимъ вмѣстѣ пришелъ отъ Цезаря посланникъ Цезаревъ Юсуфъ.» Это не значитъ, что Грегори пришелъ съ посломъ изъ Персіи а только,—то, что они явились въ Москвѣ въ одно время; потому-что далѣе сказано, что Грегори просилъ у Царя бумаги на свободный проѣздъ черезъ Россію въ Персію. Еремеевъ съ другимъ посланникомъ Цезаря, Дорномъ, явился въ Москву раньше, еще до избранія на царство Михаила. См. Собр. Гос. Гр. и Дог., Т. III, N 24, стр. 3 и Древн. Росс. Вивліоѳ., Т. V, стр. 76.

2. Собр. Гос. Гр. и Дог., Т. III, N 15.

3. Ibid. и N 24. Акты Истор., Т. III, N 6. Памятн. дипломат. сношен. II. 1004. 1046.

великаго Россійскаго Царствія того не бывало, что было изъ иныхъ государствъ не Греческія вѣры Государя обирати»[1]. Такъ мыслилъ и самъ Пожарскій; лѣтописецъ прямо свидѣтельствуетъ, что у Пожарскаго «того и въ думѣ не было, чтобъ взять на Московское Государство иноземца»[2]. Не сносясь со всею землею, Пожарскій не предпринималъ никакого важнаго дѣла: онъ писалъ въ города Русскіе грамматы о дѣлахъ съ Швеціею, а о сношеніяхъ съ Австріею онъ никогда и не думалъ извѣщать, не потому, чтобы онъ дѣйствительно таилъ въ душѣ замыселъ объ избраніи одного изъ членовъ габсбургскаго дома на престолъ Русскій, но потому, чтобы не противорѣчить себѣ, еслибъ онъ сталъ писать по всѣмъ городамъ, что предлагаетъ престолъ въ одно время двумъ царственнымъ особамъ. Въ этомъ случаѣ цѣль у него была совершенно частная: ему нужны были деньги для похода. Объ этомъ, главнымъ образомъ, онъ и писалъ съ Еремеевымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подавъ Цезарю надежду на занятіе престола Русскаго его родственникомъ, онъ думалъ его заставить дѣйствовать противъ Сигизмунда. Присяга первоначально дана была Владиславу, сыну Сигизмунда; потомъ, Русь объявляетъ себя на сторонѣ Швеціи, Новгородъ присягаетъ Филиппу; наконецъ, Пожарскій предлагаетъ престолъ Максимиліану, брату Императора Матвѣя. Такимъ-образомъ, въ одно время являются три претендента на престолъ Русскій, и, естественно, каждый изъ нихъ долженъ оружіемъ дѣйствовать противъ своего соперника. Пожарскому хотѣлось этимъ отвлечь Сигизмунда отъ войны съ Россіею, потому-что онъ долженъ будетъ обратить свои

1. Собр. Гос. Гр., Т. III, N 15.

2. Никон. Лѣт., Т. VIII, стр. 184—185. Лѣт. о мят., стр. 261.

войска въ другую сторону, а съ Московскими Ляхами надѣялся управиться и самъ. Мы видѣли, что эти мѣры уже начали приносить пользу. Делагарди открылъ военныя дѣйствія противъ Поляковъ, бродившихъ по уѣздамъ. А посольство къ Цезарю возбудило сильное подозрѣніе въ Полякахъ, и они старались воспрепятствовать успѣху посольства. Когда Еремеевъ пріѣхалъ въ Прагу, одинъ Польскій полковникъ донесъ на него, что онъ присланъ «воровствомъ, лазучествомъ». Однакожъ, Прагскій Епископъ вступился за Еремеева и представилъ его Матвѣю[1]. Успѣху посольства содѣйствовали еще Фіонмарконъ и Рулякъ, Князьки Мегапольскіе, которые пріѣзжали къ Еремееву въ Прагу «и о дѣлѣхъ, которыя годны Московскому Государству, объявляли, и рѣчью къ боярамъ (Русскимъ) о помочи, о наемныхъ людехъ, и о иныхъ о добрыхъ дѣлѣхъ приказывали, и о Московскомъ Государствѣ радѣли и промышляли»[2]. Императоръ въ надеждѣ на то, что Русскіе пріймутъ на престолъ его племянника, вступилъ въ сношенія съ Королемъ Польскимъ, не медля отправилъ къ нему посла Еразма фонъ-Рассенштейна, и ходатайствовалъ передъ нимъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій въ Россіи. Сигизмундъ уважилъ просьбу Матвѣя, велѣлъ «учинить покой» съ Русскими[3]. Извѣстіе объ успѣхѣ посоль-

---

1. Собр. Гос. Гр. и Дог., Т. III, N 15.

2. Акты Истор, Т. III, N 6. *Мегаполисъ* — Греческое названіе Мекленбурга. См. Moreri diction. hystor. 1732, tom V, Mecklenburg. *Рулякъ* — это, вѣроятно, Ульрихъ, бывшій герцогомъ Мекленбургскимъ въ первой четверти XVII вѣка.

3. Собр. Гос. Гр. и Дог., Т. III, N 13, стр. 64. Памятн. диплом. снош. Росс. съ держав. Иностр. II. 1407. 24 Окт. 1612 года Матѳей получилъ письмо Пожарскаго, а 1-го Ноября отправилъ въ Польшу Рассенштейна.

ства привезъ къ Пожарскому самъ Еремеевъ, возвратившійся вмѣстѣ съ Цезарскимъ посломъ Дорномъ въ Москву еще до избранія Михаила на царство. Хотя Русскіе бояре писали послѣ къ Польскому сейму, что Матвѣй извѣщалъ ихъ съ Еремеевымъ о томъ только, что онъ посылалъ къ Сигизмунду пословъ въ силу ихъ прошенія, а больше ничего «не писывалъ и не приказывалъ», однакожь есть полное основаніе думать, что главнымъ дѣломъ посольства было сношеніе по случаю избранія на престолъ Русскій Цезарева племянника. Когда Михаилъ вступилъ на престолъ и разослалъ повсюду извѣстительныя грамматы о своемъ воцареніи, онъ отправилъ и къ Матвѣю пословъ съ такою грамматою. Безъ-сомнѣнія, Императоръ былъ чрезвычайно удивленъ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ Михаила; онъ не хотѣлъ этому вѣрить, не хотѣлъ признать Царемъ Михаила, и отправилъ въ Москву своего посла, Зингеля, съ грамматою къ боярамъ, а не къ Царю. «Мы тому подивились», писали бояре, «какими обычаи Цесарскаго Величества гонецъ Якубъ Сингель идетъ къ намъ, боярамъ, мимо великаго Государя нашего»[1]. Обманутый Матвѣй тайно вступилъ послѣ того въ сношенія съ Королемъ Польскимъ; но было уже поздно, и его козни сдѣлались гибельны для его же пословъ. Адамъ Доринъ сосланъ былъ за лазутчество въ ссылку и содержался въ Чердыни долгое время[2]. У Грегори, который вторично отправлялся посломъ въ Персію, въ Казани нашли тайныя бумаги, изъ которыхъ узнали, что онъ былъ въ сношеніяхъ съ Королемъ Польскимъ и писалъ къ нему

1. Ibid. N 24, стр. III и 133.

2. Акты Истор., Т. III, N 163.

про Царя «многія смутныя рѣчи»[1], и Грегори былъ задержанъ въ Россіи, какъ лазутчикъ.

Обратимся къ Пожарскому. Мы видѣли уже, по какимъ причинамъ онъ долгое время медлилъ въ Ярославлѣ; видѣли, что во все это время онъ не оставался въ праздномъ бездѣйствіи[2]. Трубецкой и Заруцкій, Новгородъ и Шведы, грабежи и разбои, производимые по городамъ казаками и Ляхами, недостатокъ въ деньгахъ и смуты между начальниками — не позволяли ему спѣшить походомъ къ Москвѣ. Между тѣмъ патріоты, не понимая причинъ медленія, роптали на него; двукратное посольство и грамматы изъ Лавры не имѣли успѣха. Наконецъ ревность подвигла самого Палицына лично предстать Пожарскому и убѣждать его — спѣшить въ Москву. 28-го Іюня Палицынъ отправился изъ Троицкой-Лавры[3], въ

---

1. Древн. Росс. Вивліоѳ., Т. V, стр. 75.

2. Изъ граматъ, писанныхъ Пожарскимъ въ Ярославлѣ, видно, ка́къ обширна была его дѣятельность. См. Акты Экспед., Т. II, NN 203, 204, 205, 206, 209, 210. Акты Истор. NN 336, 337, 338. Собр. Гос. Гр. и Дог., Т. II, NN 281 и 282.

3. Въ печатномъ сказаніи Палицына стоитъ 28-го *Іюля*, но это невѣрно; потому-что этого числа Пожарскій выступилъ уже изъ Ярославля и отъ 29-го Іюля есть его граммата, писанная съ Шепуцкаго-Яма, который лежитъ въ двадцати шести верстахъ отъ Ярославля. Между тѣмъ Палицынъ говоритъ, что онъ засталъ Пожарскаго со всѣмъ войскомъ въ Ярославлѣ, чего, конечно, не могло быть, если бы онъ выѣхалъ изъ Лавры 28-го Іюля, какъ поставлено въ печатномъ сказаніи. Эту несообразность замѣтилъ еще Арцыбашевъ (Повеств. о Росс., Т. III, прим. 1,650); а авторъ *Замѣчаній* объ осадѣ Троицкой-Лавры (Москвитянинъ 1844, N 7), основавшись на ошибкѣ, заподозрилъ Палицына, какъ повѣствователя недостовѣрнаго. Вотъ его слова: «Какъ же могъ Аврамій Палицынъ, отправившись 28-го Іюля изъ Лавры, отстоящей на 180 верстъ отъ Ярославля, застать

Ярославлѣ онъ засталъ «сваръ между воеводъ и во всемъ воинствѣ». Палицынъ намекаетъ, изъ-за чего былъ этотъ сваръ: «сія вся разсмотривъ старецъ, и Князя Димитрія и Козму Минина и все воинство довольно поучивъ отъ Божественныхъ Писаній и много моливъ ихъ *поспѣшити подъ царствующій градъ Москву и ктому таковымъ мятежникамъ не внимати»* [1]. Послѣднія слова показываютъ, что нѣкоторые не совѣтовали Пожарскому идти подъ Москву, представляя опасность со стороны Заруцкаго и его казаковъ, какъ подтверждаетъ это далѣе и Палицынъ. Но старецъ мудрыми совѣтами и убѣжденіями прекратилъ распрю въ войскѣ, его слушали съ умиленіемъ, и самъ Пожарскій былъ убѣжденъ его представленіями, что лучше пожертвовать жизнью, чѣмъ оставлять отечество безъ помощи въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ. Онъ началъ готовиться къ походу и рѣшился отправить въ Москву передовые отряды, а самъ думалъ выступить послѣ, когда покончитъ дѣла съ послами изъ Новгорода, которые въ это время были въ Ярославлѣ. Трубецкой и Заруцкій

тамъ не только Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго и Минина, но даже Князя Дмитрія Петровича Лопату-Пожарскаго и воеводу Михайла Сампсоновича Дмитріева? Послѣ этого можно ли дать несомнѣнную, безусловную вѣру сказанію Палицына?» На чемъ же основанъ такой рѣшительный выводъ? На томъ, что или въ рукописи, съ которой печатано сочиненіе Палицына, было по ошибкѣ писца поставлено: *Іюля* вмѣсто *Іюня* (что̀ легко могло быть: дѣло въ одной буквѣ), или даже на опечаткѣ. Въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи есть рукописное сказаніе Палицына. (N 218.) Судя по почерку, оно писано въ XVII вѣкѣ и тамъ ясно написано 28 Іюня, а не Іюля. Чичаговъ ссылается на другой рукописный экземпляръ и ставитъ также 28 Іюня. (См. «Жизнь Пожарскаго, Минина и Палицына». Санктпетербургъ. 1848, стр. 92.)

1. Палиц, стр. 231 — 232.

между-тѣмъ написали въ Ярославль, что гетманъ Ходкѣвичъ приближается къ Москвѣ съ сильнымъ войскомъ и просили Пожарскаго спѣшить походомъ[1]. Это извѣстіе еще болѣе заставило спѣшить Пожарскаго; но тотъ же Заруцкій, который выражалъ желаніе видѣть скорѣе Пожарскаго подъ стѣнами Москвы, адскимъ умысломъ хотѣлъ повредить дѣлу. Онъ давно уже послалъ въ Ярославль двухъ казаковъ: Обрѣзка и Стеньку съ порученіемъ умертвить Пожарскаго. Они передали эту тайну 7-ми человѣкамъ, служившимъ въ ополченіи Пожарскаго. Изъ нихъ одинъ, Семенъ Ждановъ, былъ въ довѣренности у Князя, пользовался его милостями и жилъ у него въ домѣ. Много разъ покушались злоумышленники исполнить злое дѣло, замышляли убить Князя во время сна или на дорогѣ, но имъ не удавалось. Когда стали сбираться въ Москву, Пожарскій назначилъ день для смотра артиллеріи. На смотръ собралось множество народа, и, когда Князь выходилъ изъ дома, было чрезвычайно-тѣсно. Убійца воспользовался тѣснотой, пробился сквозь толпу и бросился съ ножомъ на Князя. Но Промыслъ спасъ его отъ смерти; убійца промахнулся и ударилъ ножомъ въ казака Романа, который велъ Князя подъ руку. Раненный застоналъ и упалъ безъ чувствъ на землю. Пожарскій и не подозрѣвалъ, что тутъ таился злодѣйскій умыселъ на жизнь его, и думая, что казакъ нечаянно раненъ въ тѣснотѣ отъ неосторожности, продолжалъ путь; но его остановили и объявили ему, что онъ былъ цѣлью для убійцы. Виновный схваченъ, подвергнутъ допросу и объявилъ имена всѣхъ заговорщиковъ. Но великодушный Князь не казнилъ убійцъ, а одного изъ нихъ сослалъ въ ссылку,

---

1. Лѣтоп. о мят., стр. 263.

другихъ взялъ съ собою въ Москву, чтобъ представить въ нихъ явную улику противъ Заруцкаго. Это обстоятельство обнаружило передъ всѣми гнусныя намѣренія Заруцкаго и, безъ-сомнѣнія, встревожило Князя и усилило его опасенія за благоуспѣшность похода. Однакожь мысль о личной безопасности всегда уступала въ душѣ его мѣсто мысли о спасеніи бѣдствующаго отечества, и крайняя необходимость спѣшить въ Москву, дабы предупредить гетмана, превозмогла всѣ возможные страхи. Напередъ онъ отправилъ воеводу Михаила Самсоновича Дмитріева съ Левашевымъ, приказавъ имъ, какъ-можно скорѣе идти къ Москвѣ и стать съ войскомъ у Петровскихъ-Воротъ; черезъ нѣсколько дней онъ послалъ другой сильный корпусъ съ Лопатою-Пожарскимъ и дьякомъ Самсоновымъ, назначивъ ему станъ у Тверскихъ-Воротъ. Тому и другому воеводѣ онъ запретилъ соединяться съ ополченіемъ Московскимъ и приказалъ дѣйствовать особо. Опасенія Пожарскаго были основательны.

Между-тѣмъ Заруцкій, узнавъ, что отряды Пожарскаго приближаются къ Москвѣ и видя, что его участь скоро должна рѣшиться, ознаменовалъ послѣдніе дни своего пребыванія подъ Москвою всѣми ужасами буйства и насилія[1]. Въ станъ Трубецкаго пришли тогда толпы ратниковъ изъ Украйны; Заруцкій и имъ не далъ покоя: казаки ограбили ихъ и причиняли имъ «великое утѣсненіе». Несчастные отправили своихъ товарищей въ Ярославль умолять Князя о помощи. Взглядъ на ихъ положеніе и разсказъ о бѣдствіяхъ, какимъ они подверглись подъ Мо-

---

1. Палицынъ, стр. 232 — 233. «Слыша, яко Князь Дмитрій Михайловичъ идетъ подъ Москву и весь лукавый совѣтъ его разорился и бысть ни во что же, Иванъ Заруцкой съ казаки своими мятяше всѣмъ воинствомъ и всѣми православными христіаны, грабяще и насилующе.»

сквою, исторгли изъ глазъ Пожарскаго слезы. Онъ надѣлилъ ихъ деньгами и одеждою, и велѣлъ объявить въ Москвѣ, что скоро самъ явится подъ ея стѣнами. Посланные пересказали всей рати о благоустройствѣ Ярославскаго ополченія, и за эту вѣсть едва не погибли отъ Заруцкаго. Онъ велѣлъ ихъ умертвить, но они тайно убѣжали въ станъ Дмитріева. Заруцкій не хотѣлъ оставаться въ бездѣйствіи и съ злобною завистью смотрѣлъ на прибывшія изъ Ярославля ополченія. Ночью отправилъ онъ въ станъ Лопаты-Пожарскаго отрядъ казаковъ съ приказаніемъ умертвить воеводу. Но духъ Пожарскаго обиталъ и въ братѣ его: бодрственный воевода разсѣялъ толпы буйныхъ и за срамъ умысла отплатилъ Заруцкому срамомъ пораженія.

28-е Іюля назначено для выступленія остальныхъ войскъ Пожарскаго изъ Ярославля. Отслушавъ молебенъ въ Спасскомъ-Соборѣ, и поклонившись Ярославскимъ угодникамъ, онъ двинулся и ночевалъ въ 7-ми верстахъ отъ города. Ему сопутствовалъ выборный человѣкъ изъ Московскаго-Государства, незабвенный Козма Мининъ-Сухорукій. Онъ былъ душою земскаго совѣта и участникомъ во всѣхъ прекрасныхъ дѣлахъ и распоряженіяхъ Князя; въ грамматахъ Князь ставилъ имя его вмѣстѣ съ своимъ. «Мининъ», говоритъ Патріархъ Филаретъ, «на всѣхъ людѣхъ страны тоя силу и власть воспріемлетъ, уроки многіе собираетъ и изыскуетъ во градѣ людей воинскихъ, жаждущая сердца ихъ утоляетъ, наготу ихъ прикрываетъ и на кони восаждаетъ; о своемъ дѣлѣ непрестанно попеченіе имѣетъ, во всѣ грады Россійскаго Царства грамоты посылаетъ и сребра множество собираетъ и раздаетъ воинству»[1].

1. Рукопись Филарета, стр. 56—58.

29-го числа станъ былъ въ 26-ти верстахъ отъ Ярославля на Шепуцкомъ-Яму. Отсюда писалъ Пожарскій къ Казанскому Митрополиту Ефрему граммату, въ которой просилъ поставить въ Крутицкіе Митрополиты игумена Сторожевскаго-Монастыря, Исаію[1]. Граммата образцовая по чувству, съ какимъ написана, и по языку. Пожарскій въ бѣдствіяхъ отечества видитъ карающую за грѣхи десницу Всевышняго; изображаетъ горькое сиротство Московской Церкви по смерти Гермогена и Крутицкаго Митрополита Пафнутія и выражаетъ желаніе имѣть хотя одно утѣшеніе — Архипастыря Церкви: «Богъ», пишетъ онъ, «за грѣхи наши угасилъ два великіе свѣтила въ мірѣ, взявъ у насъ Государя, главу Московскаго Государства и еще Святѣйшаго Патріарха Московскаго; и нынѣ не мала скорбь намъ належитъ, что подъ Москвою вся земля въ собраніи, а пастыря и учителя у насъ нѣтъ: едина соборная церковь Пречистыя Богородицы осталась на Крутицахъ — и та вдовствуетъ». Въ-заключеніе, Пожарскій проситъ дать новому Митрополиту и ризницу: ибо церковь Пречистыя-Богородицы въ послѣднемъ оскудѣніи и разореніи.

Съ Шепуцкаго-Стана Пожарскій отправился въ Суздаль, поклониться гробамъ своихъ родителей, погребенныхъ въ Спасо-Евфиміевомъ-Монастырѣ. Войско онъ поручилъ Князю Хованскому и Козмѣ Минину. Исполнивъ дѣло бла-

1. Собр. Гос. Гр. и Дог., Т. II, N 283. Въ концѣ грамматы читается: «Писанъ на стану, на Шенуцкомъ-Яму, лѣта 7120 Іюлія въ 29-й день.» Надо читать: на Шепуцкомъ-Яму. Это теперь село Шопша, при рѣкѣ того же имени, на большой дорогѣ изъ Ярославля, въ 26-ти верстахъ отъ города. См. «Москвитянинъ» 1844, N 7. Критика, стр. 163—165.

гочестія, Князь воротился къ Ростову и нашелъ тамъ свое ополченіе. Нельзя упрекать его за эту кажущуюся остановку похода; путешествіе въ Суздаль было предпринято не въ ущербъ скорости похода. Походъ на нѣсколько дней пріостановился вовсе не отъ того, что Пожарскій поѣхалъ въ Суздаль, а оттого, что не всѣ ратники явились изъ городовъ въ ополченіе. Лѣтописецъ говоритъ, что Пожарскій послалъ по городамъ *сборщиковъ*, приказавъ имъ всѣхъ ратныхъ людей *сбивать въ полки*, а самъ отправился въ Суздаль. Теперь, когда въ Ростовѣ корпусъ Пожарскаго вполнѣ былъ сформированъ, онъ поспѣшилъ продолжать путь.

Заруцкому дѣлать было нѣчего подъ Москвою. Видя себя отовсюду стѣсненнымъ, не имѣя и въ будущемъ надежды, ни на расположеніе Пожарскаго, ни на возможность борьбы съ нимъ, оставляемый войскомъ, лишенный опоры въ Псковскомъ самозванцѣ, онъ бѣжалъ изъ-подъ Москвы ночью, взявъ съ собою около половины войска[1]. Въ Коломнѣ онъ соединился съ Мариною, съ которою еще прежде обвѣнчался; ограбилъ городъ, пронесъ опустошеніе по Рязанской - Области и сталъ въ Михайловѣ. Половина войска Заруцкаго осталась подъ Москвою и перешла въ ряды Трубецкаго. Въ Ростовъ явился служившій прежде при Заруцкомъ, атаманъ Кручина-Внуковъ, и просилъ Пожарскаго спѣшить къ Москвѣ. «На умѣ

---

1. Лѣтописецъ говоритъ, что Заруцкій бѣжалъ съ Москвы въ то время, какъ Пожарскій двинулся изъ Ярославля (Лѣтоп. о мятеж.), но въ Соборной грамматѣ Россійскаго духовенства къ Донскому войску, писанной 1614 года, сказано, что Заруцкій бѣжалъ тогда, какъ Пожарскій стоялъ въ Ярославлѣ и только еще собирался выступить въ походъ. Акты Экспед., Т. III, № 23.

у него было иное», говоритъ лѣтописецъ: «ему хотѣлось вызнать намѣренія Пожарскаго, не хочетъ ли онъ избить казаковъ, оставшихся послѣ Заруцкаго». Такъ глубоко посѣяна была Заруцкимъ ненависть къ Пожарскому во всемъ казачьемъ войскѣ; такъ злодѣи, безпокойные совѣстью, во всякомъ подозрѣвали врага. Но Пожарскій благосклонно принялъ Кручину и наградилъ его деньгами и суконами; онъ хотѣлъ какъ-нибудь разрушить эти ложныя подозрѣнія и расположить въ свою пользу закоренѣлыхъ злодѣевъ. Но, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, онъ не вѣрилъ, чтобъ его милости мгновенно измѣнили духъ всего буйнаго войска и, оставаясь вѣрнымъ своему убѣжденію, что зло глубоко было насаждено въ сердцахъ казаковъ, рѣшился дѣйствовать осмотрительнѣе, когда будетъ лицомъ-къ-лицу съ остатками мятежныхъ. Опасался онъ и сѣверныхъ враговъ, и изъ Ростова отправилъ на Бѣло-Озеро воеводу Образцова съ войскомъ.

Августъ былъ уже въ половинѣ. 14-го числа Пожарскій явился въ стѣнахъ Троицкой-Лавры и былъ встрѣченъ Діонисіемъ и Палицынымъ, какъ герой, шествовавшій спасти отечество. Но и здѣсь возникло нестроеніе между начальниками отрядовъ его войска: боялись, чтобы Пожарскаго не постигла такая же участь, какъ Прокопія Ляпунова; представляли, что мятежнымъ казакамъ, при всѣхъ ихъ увѣреніяхъ, довѣрять нельзя. Эти представленія привели въ раздумье Пожарскаго, и онъ рѣшился побыть въ Троицкой-Лаврѣ и сдѣлать уговоръ съ казаками, «чтобъ другъ-на-друга никакого зла не умышляли». Этимъ онъ думалъ успокоить свое войско. Но на третій день Трубецкой прислалъ дворянъ и казаковъ въ Лавру съ извѣстіемъ, что гетманъ Ходкѣвичъ подвигается къ Москвѣ, что казаки хотятъ идти прочь отъ Москвы «ску-

дости ради». Трубецкой просилъ, чтобъ Пожарскій шелъ немедленно къ столицѣ. Послѣ этого Пожарскому *не до уговора было* съ казаками, и онъ велѣлъ войску опять снять станъ. Палицынъ присовокупляетъ, что онъ «подѣйствовалъ на Пожарскаго и все войско своими увѣщаніями и успокоилъ робкихъ», что Пожарскій, въ слѣдствіе его наставленій, «оставилъ всѣ свои размышленія и страхъ ни во что же вмѣнилъ».

Не унижая высокихъ подвиговъ келаря-патріота, замѣтимъ, что опасенія Пожарскаго были не такъ неосновательны, какъ представлялись онѣ Палицыну. Лѣтописецъ говоритъ, что Пожарскій, не ходя въ Москву, хотѣлъ договориться съ казаками, заключить съ ними условія, на которыхъ они должны были служить ему, установить взаимныя отношенія между ними и его войскомъ. Казаки не вѣрили ему, онъ недовѣрялъ имъ; надо было разрушить это новое недовѣріе договоромъ и клятвами. Но обстоятельства измѣнили намѣренія осторожнаго воеводы, и онъ пошелъ изъ Лавры съ мыслью, что слишкомъ рискуетъ своимъ положеніемъ. Во всемъ войскѣ былъ такой же страхъ отъ сознанія опасности, которой оно могло подвергнуться отъ казаковъ. До борьбы съ врагами иноземными, Пожарскій долженъ былъ вступить въ борьбу съ врагами отечественными, съ остатками войскъ Заруцкаго.

Что страхъ этотъ былъ основателенъ, что Пожарскій слишкомъ надѣялся на храбрость своего войска и вовсе не считалъ его робкимъ и малосильнымъ — на это мы имѣемъ ясное доказательство въ грамматѣ, которую онъ писалъ изъ Лавры. Офицеры Англійскіе и Голландскіе: Фрейгеръ, Эстонъ, Гилль и другіе — писали Пожарскому, что они желаютъ наняться къ нему въ службу и вступить съ своими солдатами въ его полки. Они писали, что

и Маржеретъ просится къ нему въ службу. Пожарскій отвѣчалъ имъ грамматою, въ которой благодарилъ ихъ за лестное для него предложеніе услугъ и выразилъ удивленіе, что они въ совѣтѣ съ Яковомъ Маржеретомъ, который уже не разъ выказывалъ свои враждебныя отношенія къ Русскимъ. «Онъ» писалъ Пожарскій, «служилъ прежде у Царя Бориса; при Василіѣ Шуйскомъ, по просьбѣ, отпущенъ былъ на родину, потомъ явился въ Тушинскомъ станѣ; далѣе дѣйствовалъ противъ Русскихъ, бѣжалъ потомъ въ Польшу и былъ награжденъ королемъ; наконецъ, вотъ теперь является онъ въ Ямбургѣ, и, странно, предлагаетъ Русскимъ свои услуги противъ Поляковъ. Намъ его услуги, и вообще наемные люди теперь не нужны: мы сами справимся съ Польскими и Литовскими людьми — *сами Россійскимъ Государствомъ и безъ наемныхъ людей.*»[1] Слова грамматы ясно показываютъ, что не страшенъ былъ для Пожарскаго походъ къ Москвѣ, и онъ съ увѣренностью отвѣчалъ за храбрость всего войска.

18-го Августа Пожарскій выступилъ изъ Лавры, напутствованный благословеніемъ Діонисія. Къ успокоенію суевѣрныхъ, вѣтеръ, до того времени противный, сталъ попутнымъ, и войско съ надеждою и радостью пошло къ Москвѣ. Вмѣстѣ съ нимъ пошелъ и келарь Аврамій. На другой день пришло войско въ Ростокино, на берега Яузы, и здѣсь имѣло ночлегъ[2]. Трубецкой, узнавъ о приходѣ

1. Собр. Гос. Гр. и Дог., Т. II, N 285.

2. 19 Августа Пожарскій пришелъ на берега Яузы уже поздно. Должно предположить, что онъ довольно-поздно выступилъ наканунѣ изъ Лавры. Въ одной грамматѣ писанной отъ имени Пожарскаго и Трубецкаго, сказано, что Пожарскій пришелъ подъ Москву 20 Августа. Но

Пожарскаго, ночью присылалъ звать его въ свой станъ; но Пожарскій отказался. На утро, 20 числа, когда Пожарскій вступалъ въ городъ, Трубецкой самъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу и повторилъ свою просьбу, чтобъ ополченіе Пожарскаго соединилось съ его войсками и стало съ нимъ въ одномъ станѣ. Но Пожарскій далъ рѣшительный отказъ, расположился у Арбатскихъ-Воротъ, сдѣлалъ острогъ и окопался рвомъ. Трубецкой былъ чрезвычайно оскорбленъ его отказомъ; лѣтописецъ говоритъ, что «казаки и Князь Трубецкой начаша на Князя Дмитрія Михаиловича Пожарскаго и на Кузму, и на ратныхъ людей *нелюбовь держать* за то, что къ нимъ въ таборы не пошли». Со стороны Князя Трубецкаго сдѣлано, кажется, большое снисхожденіе, что онъ выѣхалъ на встрѣчу къ Пожарскому, и неоднократно просилъ его въ свои таборы. Трубецкой былъ бояринъ, а Пожарскій только стольникъ, и могъ съ честію служить подъ его командою, особенно въ такое критическое время, когда всякое разногласіе, разъединеніе силъ могло страшно повредить дѣлу. Но, судя по прежнимъ отношеніямъ Пожарскаго къ вождю Московскаго ополченія, мы имѣемъ право думать, что Пожарскій — всѣмъ готовый жертвовать для блага отечества — поступилъ и въ этомъ случаѣ не по самолюбію и не по пустымъ капризамъ, но по причинамъ весьма-уважительнымъ. Отправляя въ Москву Дмитріева и Лопату-Пожарскаго, потомъ Василья Туренина, онъ далъ имъ строгій наказъ — не соединяться съ Трубецкимъ, а

здѣсь, безъ-сомнѣнія, означенъ день вступленія въ Москву. Акты Эксп., Т. II, N 213. Филаретъ (рукоп. 58) считаетъ 21 число днемъ прибытія къ Москвѣ; но мы слѣдуемъ Палицыну, который самъ былъ въ походѣ.

занять отдѣльныя позиціи. Слѣдовательно, Пожарскій и теперь, какъ и всегда, дѣйствовалъ разсчитанно. Мы видѣли, что въ войскѣ Московскомъ были постоянныя неустройства: оно состояло всего болѣе изъ казаковъ, которые не хотѣли подчиниться правиламъ дисциплины, и не разъ обнаруживали пагубное своеволіе. Духъ Заруцкаго вѣялъ еще въ рядахъ Московскаго ополченія; больше половины его казаковъ осталось подъ Москвою. Пожарскій справедливо могъ опасаться, что казаки, по соединеніи съ его войскомъ, могутъ произвести въ немъ нестроеніе и безпорядокъ, заразить его духомъ буйства и своеволія. Самъ Трубецкой не могъ сладить съ казаками — они подняли бунтъ и хотѣли бѣжать изъ подъ Москвы.

Итакъ, это главная причина, почему отказался Пожарскій стоять вмѣстѣ съ Трубецкимъ. Лѣтописецъ ясно говоритъ: «Князь Дмитрій и *вся рать* отказашася, что отнюдъ тому не быти, чтобъ намъ стати вмѣстѣ съ *казаками*»[1]. Стóитъ обратить вниманіе и на то замѣчаніе лѣтописца, что *вся рать* отказала Трубецкому. Очевидно, что Пожарскій не могъ поступать вопреки желанію всего войска, а войско не хотѣло перейдти подъ команду другаго вождя, когда само выбрало Пожарскаго и искренно было ему предано. Что касается до личныхъ мнѣній Пожарскаго о Трубецкомъ, то, конечно, и самъ онъ опасался сближаться съ измѣнникомъ Шуйскаго, съ присяжникомъ Тушинскаго и Псковскаго-Вора, съ единомышленникомъ Заруцкаго. Но Пожарскій такъ былъ остороженъ, что не хотѣлъ нанести личнаго оскорбленія Трубецкому. Онъ сказалъ, что не хочетъ стоять съ казаками, и что это приговоръ всей рати. Трубецкой долженъ быть ува-

---

1. Лѣт. о мят., стр. 270.

жить справедливыя опасенія Пожарскаго и, по-крайней-мѣрѣ въ такое критическое время, оставить личныя выгоды и подозрѣнія. Но онъ не хотѣлъ жертвовать личными оскорбленіями благу отечества, и злоба увлекла его до-того, что онъ рѣшился воспрепятствовать подвигу Пожарскаго.

21 числа явился подъ Москвою гетманъ Ходкѣвичъ, и сталъ станомъ на Поклонной-горѣ. На другой день (22 числа)[1] онъ перешелъ Москву-Рѣку подъ Дѣвичьимъ-Монастыремъ и расположился у Чертольскихъ или Пречистенскихъ-Воротъ. Пожарскій, не давъ ему времени отдохнуть, вывелъ противъ него все свое войско, далъ знать Трубецкому о своемъ движеніи, и, вѣроятно, просилъ помочь ему во время сраженія. Трубецкой стоялъ тогда у Крымскаго-Брода на другой сторонѣ рѣки и, казалось, соглашался помочь Пожарскому; потребовалъ у него отрядъ конницы, обѣщаясь ударить на враговъ съ тыла. Пожарскій послалъ ему пять сотень отборныхъ всадниковъ. Успокоенный и обрадованный надеждою на Трубецкаго, онъ стремительно бросился на непріятеля. Сраженіе началось съ 6-го часа утра и продолжалось до 2-го

---

1. Ibid. 271. «На утріе же приходу своего подъ Москву, (Пожарскій) посла провѣдывать для Гетмана по всѣмъ дорогамъ, и *Августа въ 21 день* прибѣгоша посланники и сказаша, что Гетманъ совсѣмъ поднявся, идетъ подъ Москву. Князь Дмитрій же и всѣ ратные люди начаша готовиться противъ Гетмана и укрѣплятися. Гетманъ же, пришедъ подъ Москву, ста на Поклонной-Горѣ; на утріе же перелѣзе Москву-рѣку». Палицынъ говоритъ, что «того дни (22 числа) былъ имъ бой подъ Новымъ-Дѣвичьимъ-Монастыремъ». Вѣроятно Пожарскій хотѣлъ воспрепятствовать переправѣ и завязалъ бой на берегу Москвы-Рѣки, потомъ былъ оттѣсненъ гетманомъ къ Чертольскимъ-Воротамъ.

пополудни[1]. Воины Пожарскаго были утомлены, но Трубецкой и не думалъ являться на помощь; онъ оставался спокойнымъ зрителемъ кровопролитнаго дѣла. «Казаки его» говоритъ лѣтописецъ «ругались надъ Пожарскимъ , и съ насмѣшкою говорили: богати пришли изъ Ярославля , и сами одни отстоятся отъ гетмана». Ходкѣвичъ былъ подкрѣпленъ еще Поляками Струся, сдѣлавшими изъ Кремля вылазку, и сталъ одолѣвать Русскихъ. Не теряя присутствія духа, послѣ такого вѣроломнаго поступка Трубецкаго, Пожарскій приказалъ спѣшиться конницѣ и открыть рукопашный бой. Зввязалось жаркое дѣло и кончилось бы гибелью русскаго войска, еслибъ обстоятельства внезапно не измѣнились въ пользу Пожарскаго. Пятьсотъ человѣкъ, посланные къ Трубецкому изъ стана Пожарскаго, видя, что Трубецкой нейдетъ на выручку ихъ любимаго вождя, не утерпѣли и бросились на помощь своимъ товарищамъ , присоединивъ къ себѣ часть казаковъ Трубецкаго. Этотъ не пускалъ ихъ, грозилъ наказать; но они не послушались его , и сказавъ: «Чтожь, изъ-за вашей вражды развѣ гибнуть Московскому Государству» — ринулись на непріятеля. Повторилось славное время Донскаго. Войско Пожарскаго, утомленное продолжительною сѣчей, готово было уже обратиться въ бѣгство , но нѣсколько сотъ свѣжаго, бодраго войска перевернули весь ходъ сраженія: ободренные воины Пожарскаго напрягли оставшіяся силы и съ ожесточеніемъ бросились на враговъ; дѣло скоро рѣшилось въ ихъ пользу. Гетманъ бѣжалъ на Поклонную-Гору; далѣе его не преслѣдовали. Улица Чертольская была завалена трупами и Русскихъ и

---

1. Ibid. 272. «Съ Гетманомъже бысть бою конному съ перваго часа до осьмаго». Часы считались тогда отъ восхожденія солнца.

Ляховъ; послѣднихъ оказалось больше тысячи. Торжествующій герой велѣлъ похоронить тѣла своихъ и непріятелей, и далъ отдыхъ побѣдоносному воинству. Можно представить его радость при первомъ успѣхѣ прекраснаго и труднаго подвига, предпринятаго для спасенія отечества; и тѣмъ болѣе достославна эта побѣда для Пожарскаго, что онъ одержалъ ее одинъ, не только безъ содѣйствія Трубецкаго, но даже вопреки его покушеніямъ— предать соперника въ жертву разъяреннымъ Ляхамъ. Можно представить, какъ больно было для души его это вѣроломство соотчича въ трудную минуту жизни, но онъ былъ великодушенъ; одною мыслью была наполнена душа его — что онъ спасаетъ отечество, за которое носилъ уже раны. Въ радости о побѣдѣ, забыли о врагахъ утомленные и предавшіеся покою воины; но враги не дремали: ночью 600 гайдуковъ польскихъ прошли въ Кремль съ провіантомъ и спасли отъ голодной смерти своихъ единоземцевъ. Ободренные этимъ вспоможеніемъ, кремлевскіе Поляки 23-го числа сдѣлали вылазку, взяли крѣпостцу при Церкви Св. Георгія, за Москвой-Рѣкой, и на ней поставили свое знамя. Съ Поклонной-Горы въ этотъ день гетманъ перешелъ къ Донскому-Монастырю, и вытѣснилъ оттуда Трубецкаго, который перенесъ станъ свой къ Лужникамъ. Пожарскій укрѣпился на берегу Москвы-Рѣки, при церкви Иліи-Обыденнаго, разставилъ отряды между Кремлемъ и Замоскворѣчьемъ, дабы прервать сообщеніе между Струсемъ и Ходкѣвичемъ. Часть казаковъ Трубецкаго заняла крѣпостцу при церкви Климента на Пятницкой. Въ понедѣльникъ, 24-го числа, рано поутру, Ходкѣвичъ ударилъ на Трубецкаго, преграждавшаго ему путь: войско его, не выдержавъ и перваго нападенія, обратилось въ

бѣгство, привело въ разстройство полки Пожарскаго, и втоптало ихъ въ рѣку. Гетманъ бросился на Пожарскаго; но онъ, къ счастію, успѣлъ привести войско въ порядокъ и съ мужествомъ выдерживалъ битву въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, съ самаго утра за полдень. Казаки Трубецкаго, стоявшіе на Климентовской Крѣпости, бѣжали оттуда въ свои таборы, и Кремлевскіе Поляки тотчасъ заняли ихъ мѣсто, ввезли туда запасы, и поставили на церкви свое знамя. Положеніе Пожарскаго было самое критическое; но онъ не унывалъ и ободрялъ войско своимъ примѣромъ, убѣждая биться за отечество до послѣдней капли крови.

Между-тѣмъ казаки Трубецкаго, оставившіе Климентовскую-Крѣпость, увидѣвъ развѣвавшееся на ней Польское знамя, и замѣтивъ, что туда ввезены запасы, рѣшились отнять ее у Поляковъ. Жажда добычи воспламенила ихъ мужество. Съ яростью устремились они на крѣпость, взяли ее приступомъ и всѣхъ почти изрубили. Достигнувъ своей цѣли, захвативъ непріятельскіе запасы, казаки, надменные побѣдою, осыпали бранью воиновъ Пожарскаго, и повторяли старую пѣсню: — «вы богаты, а мы голодны и наги». Они опять заперлись въ крѣпости, довольные добычей, и сказали, что не станутъ болѣе выходить на сраженіе. Между тѣмъ гетманъ подвинулся къ Екатерининской церкви, что̀ на Ордынкѣ, и собирался всею массою силъ сломить усталое войско Пожарскаго. Войско пришло въ ужасъ; послали звать казаковъ на помощь, но они рѣшительно отказались. Пожарскій обрекалъ себя на вѣрную гибель; но знаменитый келарь Лавры молился за него. Къ нему отправили Лопату Пожарскаго и просили его спѣшить въ станъ ка-

заковъ и звать ихъ на помощь. Старецъ прибѣжалъ сперва къ церкви Климента, и со слезами умолялъ казаковъ пособить изнемогшему войску, заклиналъ ихъ именемъ Сергія, обѣщалъ вѣнцы мученическіе и посулилъ казну монастырскую. Послѣднее, безъ-сомнѣнія, было для казаковъ сильнѣе всякихъ убѣжденій, и они рѣшились идти по призыву старца, просили его идти къ другимъ своимъ товарищамъ и обѣщали биться на смерть. Аврамій встрѣтилъ другой отрядъ казаковъ близь церкви Никиты Мученика—и ихъ убѣдилъ идти на брань. Наконецъ онъ пришелъ въ самый станъ ихъ: безпечные, они предавались пьянству и играли въ зернь. По слову Палицына, и они пошли на помощь Пожарскому. Когда такимъ образомъ полки Пожарскаго были усилены, они съ ожесточеніемъ бросились на гетмана. При церкви Екатерины Мученицы закипѣла кровопролитная битва; Климентовская крѣпость, занятая опять Поляками, была у нихъ отбита, и однихъ Венгровъ легло въ этой сѣчѣ 700 человѣкъ; обозъ непріятельскій достался въ руки храбрыхъ. Знаменитый Козма Мининъ со славою довершилъ начатое дѣло. Начались сумерки, когда онъ, взявъ три сотни дворянъ, перешелъ Москву-Рѣку и ударилъ на двѣ роты Поляковъ, стоявшихъ у Крымскаго Брода вѣроятно въ резервѣ; непріятели обратились въ бѣгство и, преслѣдуемые, прибѣжали въ станъ гетмана, и смяли полки его. Воспользовавшись этимъ смятеніемъ, Пожарскій вторгся въ разстроенные ряды Поляковъ и произвелъ страшное пораженіе. Гетманъ бѣжалъ къ Воробьевымъ горамъ, оставивъ въ рукахъ побѣдителей артиллерію и весь обозъ. Русскіе хотѣли продолжать преслѣдованіе и совершенно истребить корпусъ гетмана, но Пожарскій остановилъ ревность ихъ, сказавъ, что «на одинъ день довольно и одной

радости»[1]. Цѣлые два часа послѣ этого счастливаго дѣла, Русскіе палили изъ ружей и пушекъ, торжествуя побѣду. Эта пальба не дала отдохнуть гетману: войско его цѣлую ночь не сходило съ лошадей, боясь аттаки. А на утро, 25-го числа, гетманъ со стыдомъ бѣжалъ изъ Россіи, «браду свою кусая зубами и царапая лицо ногтями», какъ читается въ повѣсти Филарета. Онъ потерялъ множество войска; однихъ плѣнныхъ взято было болѣе 10,000 человѣкъ[2].

Такъ блистательно окончилась трех-дневная, почти безпрерывная битва Русскихъ съ Поляками[3]. Имя Преподобнаго Сергія гремѣло въ самомъ пылу сраженія: оно было *ясакомъ* или *паролемъ* ратоборцевъ. День побѣды заключенъ благодарственнымъ молебномъ Господу Богу и угодникамъ Лавры, который отслужилъ келарь Аврамій въ церкви Иліи Обыденнаго.

Но дѣло еще не кончилось пораженіемъ и бѣгствомъ Ходкѣвича. Китай-Городъ и Кремль были еще во власти Поляковъ полковника Струся. Пожарскій тотчасъ хотѣлъ

---

1. Пожарскій не сталъпр еслѣдовать гетмана, потому что войско чрезвычайно было утомлено; битва началась съ перваго часа дня, т. е. съ шестаго утра и продолжалась до другаго часа ночи, т. е. до девятаго вечера. Акт. Эксп., Т. II. № 213.

2. Древн. Росс. Вивліоѳ., Т. V., стр. 64.

3. Акт. Эксп., Т. II., № 213. «И мы противъ гетмана выходили со всѣми людьми и съ ними бились четыре дни и четыре ночи, не сходя съ лошадей». Битва собственно продолжалась три дня: 22, 23 и 24 Августа; но Пожарскій считаетъ и 21 число, когда гетманъ явился подъ Москвою и ночевалъ на Поклонной Горѣ. Вѣрнѣе означено время въ наказѣ Борятинскому, отправлявшемуся въ Персію въ 1618 году; такъ сказано: «и бились съ гетманомъ не слѣзая съ коней *три дни*, день и ночь». Древн. Росс. Вивліоѳ. Т. V., стр. 64. Еще смотр. тамъ же, Т. XV, стр. 206.

приступить къ дѣлу, но заносчивость Трубецкаго остановила его. Онъ требовалъ, чтобъ главный штабъ арміи былъ въ его станѣ; но Пожарскій и Мининъ не согласились, «не для того,» говоритъ лѣтопись, «чтобъ не хотѣли, но ради казачья убойства». Вѣроятно тотчасъ же послѣ побѣды казаки выказали жадность къ добычѣ, и выразили неудовольствіе на Пожарскаго, который не любилъ потакать ихъ своеволію, и грозили смертію его «дворянамъ». Но Трубецкой въ отказѣ Пожарскаго видѣлъ личное оскорбленіе и не хотѣлъ дѣйствовать съ нимъ за одно. Размолвка опять повела бы къ гибельнымъ слѣдствіямъ; дѣло, начатое съ такимъ успѣхомъ, могло имѣть дурной конецъ. Стали носиться слухи, что гетманъ опять идетъ къ Москвѣ съ провіантомъ для осажденныхъ; всѣ сознавали, что надо спѣшить окончаніемъ дѣлъ въ Москвѣ, что надо, по-крайней-мѣрѣ, привесть столицу въ оборонительное положеніе, но видѣли необходимость разрушить прежде вражду между воеводами. Изъ Лавры написали къ нимъ посланіе, въ которомъ убѣждали покончить скорѣе пустую распрю и общими силами довершить высокій подвигъ спасенія Москвы и всего государства: «Молимъ, убо», такъ писали изъ Лавры, «молимъ васъ, о благочестивіи Князи Димитріе Тимоѳеевичъ и Димитріе Михайловичъ! сотворите любовь надъ всею Россійскою землею, призовите въ любовь къ себѣ всѣхъ любовію своею, поприте врага, ненавидящаго любви въ человѣцѣхъ, *отрините клеветниковъ и смутителей отъ ушесъ вашихъ*, и возлюбите другъ друга нелицемѣрно, не словомъ, но дѣломъ отъ права сердца»[1]. Мы видимъ здѣсь

1. Акт. Эксп., Т. II, № 219. Посланіе писано, безъ-сомнѣнія, Діонисіемъ и Палицынымъ. Списокъ съ него найденъ въ архивѣ Троицкой Лавры.

повтореніе прежней идеи Палицына, что вражда между двумя воеводами возникла *отъ клеветниковъ и смутителей*, и опять замѣтимъ, что Пожарскій не былъ такъ легкомысленъ, чтобъ вѣрить пустымъ клеветамъ; онъ имѣлъ справедливыя причины опасаться буйныхъ казаковъ, и вскорѣ опасенія его оправдались, и не одинъ разъ, самымъ дѣломъ. Какъ бы то ни было, но голосъ изъ Лавры не остался неуслышаннымъ; къ убѣжденіямъ Троицкихъ властей, присоединились просьбы и «челобитье всѣхъ чиновъ людей»[1], и воеводы помирились, стали «во единачествѣ». Трубецкой сдѣлалъ уступку Пожарскому: согласился, чтобъ штабъ обоихъ корпусовъ былъ на Неглинной. Но станы оставались въ различныхъ мѣстахъ; на Неглинной поставлены были только *Разрядъ и всякіе Приказы* а прежде *Разряды были розные*[2]. «Единачество» такъ было упрочено, что всякая граммата, выходившая изъ Разряда, должна была непремѣнно быть писанною отъ имени обоихъ воеводъ, «а которые грамоты учнутъ приходить отъ кого нибудь отъ одного — тѣмъ грамотамъ не вѣрить»[3].

---

1. Акт. Эксп, т. II, № 214.

2. Ibid. Разрядомъ или Разряднымъ-Приказомъ называлось мѣсто военныхъ совѣтовъ и распоряженій. «А ратныя всякія большія дѣла вѣдать бояромъ и розряднымъ дьякомъ въ Большомъ-Розрядѣ». Грамmата 1611 года. Ист. Гос. Росс. т. XII, прим. 793.

3. Акт. Эксп. т. II, №№ 214, 215. Съ этихъ поръ казаки Трубецкаго стали получать одинаковый порціонъ съ ратниками Пожарскаго, именно каждому на мѣсяцъ выдавалось по осминѣ муки, по осминѣ сухарей, по полуполти свинаго мяса, по четверти пуда соли, по пуду крупъ, по пуду толокна, да на лошадь по четверти овса и по возу сѣна. — Москвитян. 1851. №. 22. стр. 300.

Сигизмундъ еще не зналъ о послѣднихъ происшествіяхъ въ Москвѣ и о бѣгствѣ Ходкѣвича. 25 сентября писалъ онъ въ Москву изъ Орши, что идетъ съ сыномъ своимъ Владиславомъ къ Москвѣ вѣнчать его на царство; что причиной отсрочки его путешествія была болѣзнь Владислава. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извѣщалъ, что послалъ приказъ гетману, прекратить военныя дѣйствія въ Россіи[1]. Это извѣстіе чрезвычайно встревожило московскихъ воеводъ, и они поспѣшили до прибытія короля покончить дѣло съ Поляками: поставили батареи у Пушечнаго-Двора, въ Егорьевскомъ-Монастырѣ и у Всѣхъ-Святыхъ на Кулишкахъ[2], обвели тыномъ берега Москвы-Рѣки и лагери окружили рвами. Сами они по очереди смотрѣли за работами денно и нощно. Только бы слѣдовало открыть военныя дѣйствія, какъ взбунтовались казаки, грозили перебить знатныхъ дворянъ въ войскѣ Пожарскаго, завладѣть ихъ имуществомъ и бѣжать отъ Москвы. Но Лавра опять отвратила бѣду. Діонисій и Палицынъ, узнавъ о неустройствахъ въ войскѣ московскомъ, не знали, какъ помочь дѣлу. Палицынъ еще прежде обѣщалъ казакамъ денегъ изъ казны монастырской; но казна обители была истощена еще во времена ея осады, и Троицкія власти отправили въ Москву послѣднія сокровища Лавры — священныя облаченія, украшенныя жемчугомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ писали къ казакамъ, умоляя ихъ не отходить отъ столицы, не окончивъ дѣла. Сколько ни были наглы и безсовѣстны казаки, но они устыдились коснуться святыни, отослали ризы назадъ въ монастырь и обѣщались не покидать Москвы, пока не отстоятъ ее отъ Поляковъ.

---

1. Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 286.
2. Акты Эксп., т. II, № 214—215.

Дѣйствительно, они сдержали свое слово. Воеводы открыли пальбу съ баттарей противъ осажденныхъ въ Китай-Городѣ и «причинили имъ тѣсноту великую». Они были въ крайнемъ положеніи и не могли долго держаться за стѣнами города. Со-дня-на-день число ихъ умалялось и не столько отъ пуль и ядеръ, сколько отъ другаго, страшнаго, внутренняго врага — голода, который довелъ ихъ до того, говоритъ Палицынъ, что они «ѣли мертвечену, собакъ, кошекъ, мышей и всякую нечистоту; потомъ начали убивать другъ друга и ѣсть человѣческое мясо»[1]! Лѣтописецъ говоритъ, что когда Русскіе взяли Китай-Городъ, онъ своими глазами видѣлъ въ погребахъ множество чановъ съ соленымъ человѣческимъ мясомъ[2]. Такое изнуреніе силъ непріятельскихъ облегчило для Русскихъ подвигъ осады. 22 Октября воеводы соединенными силами взяли Китай-Городъ приступомъ; Поляки потеряли много убитыми и плѣнными; остальные бѣжали въ Кремль и тамъ умножили число голодавшихъ и увеличили тяжесть бѣдствія[3].

Не долго они могли держаться въ Кремлѣ. Кромѣ Поляковъ тамъ были бояре и чиновники русскіе съ своими семействами. Голодъ ежедневно увеличивалъ число умиравшихъ. Тогда Поляки рѣшились уменьшить число жителей и отправили изъ Кремля всѣхъ русскихъ женщинъ, боярынь и служанокъ, какъ народъ безполезный въ дѣлѣ

---

1. Палицынъ, стр. 243. Акты. Эксп., т. II, № 214—215.

2. Лѣт. о мѣт., стр. 295. Палицынъ, стр. 245.

3. Доп. къ Актамъ Истор., т. I, № 166. Здѣсь ошибка въ числѣ; вмѣсто *Сентября 22*, надо читать: *Октября*. Лѣт. о мят., стр. 293. Палиц., стр. 245. Филар., стр. 66. «Октября въ 22-й день на память Аверкія, епископа Іерапольскаго Китай взяша.»

защиты. Бояре кремлевскіе обратились къ Князю Пожарскому и Козмѣ Минину — умоляя ихъ принять изгнанницъ подъ свое покровительство. Пожарскій далъ слово, принялъ ихъ честно и проводилъ въ домы ихъ знакомыхъ или родственниковъ. Но казаки не могли хладнокровно смотрѣть на это зрѣлище, и хотѣли, говоритъ лѣтопись, убить Пожарскаго за то, что не позволилъ имъ грабить боярынь.

Не смотря на эти мѣры, голодъ въ Кремлѣ все-таки не уменьшался, и скоро довелъ Поляковъ до невозможности дальнѣйшаго существованія. Они сами предложили сдаться съ условіемъ, чтобъ жизнь ихъ осталась въ безопасности, чтобъ принялъ ихъ къ себѣ Пожарскій, а не Трубецкой. Побужденіемъ къ послѣднему условію было то, что Кремлевскіе бояре и Поляки боялись казаковъ Трубецкаго. 25 Октября выпустили изъ Кремля всѣхъ Русскихъ; между ними были: Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій и будущій Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ съ матерью, инокинею Марѳою Ивановною[1]. Князь Пожарскій встрѣтилъ ихъ съ честью на Каменномъ-Мосту; но казаки хотѣли избить бояръ и едва не вступили въ рѣшительное сраженіе съ Пожарскимъ. Измѣнникъ Ѳедоръ Андроновъ, приверженецъ Сигизмунда, бѣжалъ къ Заруцкому въ Астрахань, а Михайло Солтыковъ — въ Польшу. На другой день, 26 Октября, вышли изъ Кремля и Поляки[2]; жалкое зрѣлище продставляли они изъ себя. «На земляковъ нашихъ, говорятъ Польскіе историки, высидѣвшихъ 18 мѣсяцевъ въ осадѣ, страшно было глядѣть:

---

1. Собр. Гос. Гр. и Дог. т. I. № 203.

2. Дополн. къ Акт. Истор., т. I, № 166. Ихъ было до 9,000. См. Древн. Росс. вивл., т. V, стр. 64.

голодъ и нужда обезобразили ихъ, и многіе были такъ слабы, что едва переступали, держась за полы одежды своихъ товарищей»[1]. Полкъ Будилы поступилъ въ распоряженіе Пожарскаго, а полкъ Струся — къ Князю Трубецкому. Лѣтописецъ говоритъ, что казаки Трубецкаго почти весь полкъ Струся побили, и немногихъ оставили въ-живыхъ[2]. Но этому нельзя вѣрить. Бѣльскій ничего не говоритъ о томъ въ своей хроникѣ[3], а Пожарскій и Трубецкой свидѣтельствуютъ, что Поляки всѣ остались цѣлы: «и Польскіе и Литовскіе люди», пишется въ одной ихъ грамматѣ, «видячи свое изнеможенье, били челомъ намъ, чтобъ намъ кровь ихъ не пролить, побить ихъ не дать; и мы не хотя крövоразлитья видѣти, Польскихъ и Литовскихъ людей побити не дали»[4]. Видно, что казаки дѣйствительно покушались нарушить договоръ и избить Поляковъ, но воеводы удержали ихъ отъ исполненія этого замысла, и *побить ихъ недали.* Поляки удалены были отъ разъяренныхъ казаковъ и разосланы по городамъ[5].

---

1. Берха, Царств. Михаила Өеодоровича, стр. 83.

2. Лѣт. о мят., стр. 295. Никон. Лѣт., т. VIII, стр. 197. Маскѣвичъ (стр. 124) говоритъ: «Наши товарищи вмѣстѣ съ паномъ Струсемъ еще до прибытія Короля къ столицѣ, сдались Москвитянамъ отъ нестерпимаго голода, на договоръ.»

3. Bielski — Kronika Swiata. S. 774. «Wszyscy bowiem na odlegleysze mieysca Moskwy do wiczenia zaprowadzeni; krom Strusia niegdys przelozonego nad zamkiem, ktory przez caly czas swoiey niewoli w miescie Mosewie byl drzyman.»

4. Дополн. къ Актамъ Истор., т. I, № 166.—Рукоп. Филарета стр. 65.

5. Рукоп. Филарета, стр. 65. «И по семъ начальницы Московстіи повелѣваютъ воеводу и властелина Польскаго народу пана Струся утвердити за крѣпкими стражи, и иныхъ начальниковъ и воеводъ Польскаго народу, вкупѣ жь и все воинство за приставы раздаваша въ окре-

На другой день по сдачѣ Кремля, въ воскресенье, назначенъ торжественный входъ побѣдоноснаго войска въ Кремль. Шествіе открылось съ двухъ сторонъ: Трубецкой съ своими полками шелъ отъ церкви Казанскія, что у Покровскихъ-Воротъ, а Пожарскій отъ церкви Іоанна-Милостиваго, что на Арбатѣ. Когда войска собрались у Лобнаго-Мѣста, архимандритъ Лавры, Діонисій совершилъ молебствіе, и торжествующіе побѣдители, въ сопровожденіи всего народа, остававшагося въ Москвѣ, вступили въ Кремль съ крестами и хоругвями, встрѣченные архіепископомъ Елассонскимъ, Арсеніемъ. Невозможно выразить словами, говоритъ Палицынъ, того страшнаго опустошенія, которое представилъ Кремль взорамъ православныхъ; въ церквахъ валялись оглоданные кости животныхъ, иконы разсѣчены, престолы ободраны, утварь церковная изломана и разбросана»[1]. Справедливо называли Русскіе Поляковъ *врагами Креста Христова*[2]. Къ радости православныхъ, святыня Успенскаго-Собора осталась въ цѣлости: Владимірская икона Богоматери и мощи святителей: Петра, Алексія, Іоны—сохранились неприкосновенными[3]. Выбросивъ нечистое, отслужили въ Успенскомъ-Соборѣ

стные града розслаша, *смерти же ихъ по обѣщанію не предаша.* Слич. Дворцов. разряд. 1, 6. Собр. Гос. Гр. и Дог., т. III, № 24, стр. 116. Въ 1614 году бояре писали въ Польшу объ этихъ плѣнникахъ слѣдующее: «Государя вашего люди, которые взяты на Москвѣ, Николай Струсь, полковники и ротмистры и все его товарищество и иные полоняники сидятъ во дворѣхъ на Москвѣ, и по городамъ дворы имъ даны добрые и царское жалованье, кормъ и питье даютъ имъ довольно и скудости и тѣсноты имъ нѣтъ ни которыя.»

1. Палицынъ, стр. 248.
2. Собр. Гос. Гр. и Дог., т. II, № 288.
3. Ibid.

литургію, которой не было тамъ цѣлые 18 мѣсяцевъ. Со слезами и умиленіемъ молился народъ и благодарилъ Бога, спасшаго Русь отъ конечнаго потребленія.

Но радость народа скоро обратилась въ печаль. Въ Москвѣ получили извѣстіе, что Сигизмундъ уже въ Вязьмѣ и думаетъ скоро быть подъ стѣнами столицы. Онъ самъ писалъ объ этомъ въ Москву. Это извѣстіе привело въ ужасъ Русскихъ; казаки ушли изъ Москвы, въ которой нечѣмъ было имъ поживиться, и производили въ окрестностяхъ такіе страшные грабежи и убійства, что эта послѣдняя бѣда, говоритъ лѣтописецъ, была горше первой. Ни денегъ, ни запасовъ въ Москвѣ не было[1]. Времени оставалось мало для-того, чтобъ успѣть набрать войско и приготовиться къ оборонѣ въ случаѣ появленія Сигизмунда въ столицѣ. Воеводы писали въ Казань и другіе города, прося помощи; но въ Казани Шульгинъ едва не убилъ посланныхъ.

Между-тѣмъ Сигизмундъ явился подъ Волоколамскимъ и осадилъ этотъ городъ; вѣсть о взятіи Москвы встревожила его. Онъ шелъ прежде съ надеждами вѣнчать Владислава на Русское Царство, и не открывалъ военныхъ дѣйствій, проходя первые Русскіе города. И въ Вязьмѣ жилъ онъ мирно, потому-что еще не зналъ о послѣднихъ происшествіяхъ въ Москвѣ; но потомъ, получивъ о томъ извѣстіе, открылъ непріятельскія дѣйствія и нападалъ «жестокими приступы» на города, лежавшіе по дорогѣ.

---

1. Акты Эксп., № 216. Наказная память Трубецкаго и Пожарскаго есаулу Поликарпову о сборѣ въ Вологдѣ запасовъ для войска. «А то всякимъ людемъ сказати, что служилые люди дому Пречистые Богородицы и царствующаго града Москвы доступили, не щадя головъ своихъ, а нынѣ они на земской службѣ безъ запасу и помираютъ голодомъ.»

Погорѣлое-Городище (Тверской-Губерніи Зубцовскаго-Уѣзда) первое увидѣло въ немъ врага. Когда онъ осадилъ этотъ городъ, воевода Шаховской послалъ сказать ему, что если Москва покорится ему, то и онъ признаетъ власть Короля. Сигизмундъ пошелъ къ Волоколамску, и отсюда отправилъ въ Москву Князя Мезецкаго и дьяка Грамотина съ приказомъ, чтобъ они приготовили жителей столицы къ пріему Короля и его сына въ-силу данной ему присяги. Вмѣстѣ-съ-тѣмъ послалъ онъ къ Москвѣ отрядъ изъ 300 человѣкъ подъ начальствомъ Адама Жолкѣвскаго. Кажется, онъ все-еще ласкалъ себя надеждою, что Русскіе выполнятъ свою присягу, и могъ думать, что Струсь возбудилъ противъ себя ненависть Русскихъ своимъ жестокимъ обращеніемъ съ ними, и что они, по личнымъ неудовольствіямъ на него, приняли такія рѣшительныя мѣры. Это предположеніе подтверждается письмомъ короля, писаннымъ въ Москву изъ Орши, отъ 25 Сентября. Король извѣщалъ бояръ, бывшихъ въ Кремлѣ, что онъ идетъ водворить миръ и тишину въ Россіи, и что онъ приказалъ Гетману прекратить непріятельскія дѣйствія и не обижать Русскихъ[1]. Съ этою мыслью онъ не велѣлъ и Жолкѣвскому безъ нужды вступать въ сраженіе съ московскимъ ополченіемъ, а только вызвать мнѣніе Русскихъ, и развѣдать о состояніи народа и войска. Но Русскіе встрѣтили Жолкѣвскаго какъ врага, и рѣшились умереть за отечество. Дѣло ограничилось, однакожь, легкой сшибкой: Жолкѣвскій взялъ въ плѣнъ одного Смольянина Философова и подвергъ его допросу[2]. Этотъ съ твердостью отвѣчалъ, что

---

1. Собр. Гос. Гр. и Дог., т. II, № 286.
2. Въ Лѣтописи о мятежахъ онъ называется стольникомъ; но это описка: въ Никоновской-Лѣтописи «Смольянинъ».

въ Москвѣ сильное войско, что запасовъ въ ней множество, что Королевича взять на Царство тамъ вовсе и не думаютъ, а готовы биться на-смерть за православную вѣру. Жолкѣвскій повѣрилъ ему и, опасаясь подвергнуть гибели свой отрядъ, воротился къ Волоколамску и донесъ Королю о томъ, что̀ слышалъ. Философовъ представленъ былъ Королю и ему съ такимъ же увѣрительнымъ тономъ пересказалъ о состояніи Москвы. Сигизмундъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Къ-тому же осаждаемые въ Волоколамскѣ защищались съ такою храбростью, что Король никакъ не могъ взять города и потерялъ много солдатъ[1]. Онъ рѣшился отправиться назадъ въ Польшу. Это было зимою въ концѣ 1612 года. На возвратномъ пути изъ Россіи множество солдатъ погибло у него отъ холода и голода. Русскіе отряды преслѣдовали и съ безчестіемъ выгнали изъ Россіи претендента на Русскій престолъ. Главною причиною неудачнаго похода Короля было, конечно, не то, что его обманулъ Философовъ, а то, что у него было немного войска. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Маскѣвичъ: «Король, говоритъ онъ, прислалъ къ намъ Ланцкоронскаго съ предложеніемъ воротиться въ Москву, куда, послѣ долгихъ разсужденій, рѣшился идти онъ самъ, чтобъ сѣсть на престолъ Московскій. Имѣя нѣсколько тысячь войска Польскаго и иноземнаго, *слишкомъ слабаго въ сравненіи съ силами непріятеля*, онъ надѣялся какъ на насъ, такъ и на тѣхъ изъ нашихъ, которые были въ Россіи; но надежда его обманула: мы не могли идти, терпя во всемъ недостатокъ, а наши товарищи

---

1. Древн. Росс. Вивл., томъ V, стр. 64. «И воеводы съ королемъ бились близко Волокаламскова, два дни не ссѣдая съ коней, и многихъ людей у Короля побили, больше 1,000 человѣкъ живыхъ взяли.»

вмѣстѣ съ паномъ Струсемъ, еще до прибытія Короля къ столицѣ, сдались Москвитянамъ. Посему король долженъ былъ воротиться ни-съ-чѣмъ. Съ нимъ былъ Гетманъ Литовскій, Янъ Король Хоткевичъ, а коронный Гетманъ Жолкѣвскій (Станиславъ) не хотѣлъ и съ мѣста тронуться»[1].

Неизъяснима была радость Русскихъ объ отшествіи Короля. Окончательное избавленіе отъ иноплеменныхъ праздновали теперь, какъ блистательную побѣду, какъ чудесное спасеніе отъ долговременнаго рабства. Воеводы разослали по всѣмъ городамъ грамматы съ извѣстіемъ объ освобожденіи Москвы, и съ предписаніемъ, чтобъ во всѣхъ церквахъ служили благодарственные молебны и три дня звонили[2]. Ободренная, оживленная Россія почувствовала свою силу и теперь готова была бороться съ своими врагами. Бѣда еще угрожала ей со стороны Швеціи, но Русскіе уже не боялись Шведовъ и въ сношеніяхъ съ Делагарди выказали всю бодрость и неустрашимость. Когда дѣла были покончены съ Королемъ, Делагарди прислалъ въ Москву посла, Богдана Дубровскаго—напомнить Русскимъ, что пора теперь исполнить присягу, данную Королевичу Шведскому, и извѣстить, что Филиппъ ѣдетъ уже въ Новгородъ. Но воеводы, сбывъ съ рукъ одного Королевича, отдѣлались и отъ другаго. Богдану Дубровскому дали такой отвѣтъ: «того у насъ и на умѣ нѣтъ, чтобъ намъ взяти иноземца на Московское Государство: а что мы съ вами ссылались изъ Ярославля, и мы ссылались для-того, чтобъ намъ въ тѣ поры не помѣшали, боясь того, чтобъ не пошли

1. Маскѣвичъ, стр. 124.

2. Соб. Гос. Гр. и Дол., т. II, № 288.

въ Московскіе городы; а нынѣ Богъ Московское Государство очистилъ, и мы ради съ вами за помощію Божіею биться и идти на очищеніе Новгородскаго Государства»[1]. Какая смѣлость! Русь не только не хочетъ принять Королевича—хочетъ даже выгнать Шведовъ изъ Новгорода. Не менѣе самоувѣренности выказали Русскіе и въ томъ еще, что отказались принять вспомогательное войско, прибывшее изъ Англіи. Англичане предлагали свои услуги—помочь Русскимъ избавиться отъ Поляковъ, но Русскіе поблагодарили Короля Якова за это позднее предложеніе и сказали, что у нихъ теперь и своихъ силъ довольно.

Теперь наступило время подумать и о Царѣ своемъ, православномъ. Нужно было поспѣшить этимъ дѣломъ, чтобъ уничтожить бѣдственную для всѣхъ анархію, чтобъ собрать воедино разрозненныя части Государства, чтобъ уврачевать тяжкія раны ему нанесенныя. Нужно было и потому, чтобъ успѣть собраться съ силами для ожидаемой новой борьбы съ Польшею и Швеціею, изъ которыхъ та и другая готовили удары Россіи, желая возвратить мнимыя на нее права или мстить за мнимое вѣроломство. Смертію Θеодора Іоанновича пресѣклась прямая линія властителей Рюрикова дома; оставались линіи боковыя. Рѣшились всею землею выбрать Царя; указывали на несчастный опытъ не единодушнаго избранія Василія Шуйскаго, которое открыло путь многимъ безпорядкамъ и возмущеніямъ. Составили Совѣтъ и послали во всѣ города грамматы съ предписаніемъ, чтобъ изъ каждаго города явились въ Москву знатные люди духовнаго и свѣтскаго чина, а отъ нисшихъ сословій выборные люди. Въ грамматахъ писали, что въ Государи на Москов-

---

1. Лѣт. о мят., стр. 300.

ское Государство станутъ выбирать изъ Московскихъ родовъ, кого Богъ дастъ, опричь Литовскаго и Нѣмецкаго Короля и Королевичей. Призываемые скоро собрались въ Москву, ибо всѣ пламенно желали, чтобъ на Москвѣ не было *безгосударно*. Искательный Трубецкой воспользовался обстоятельствами, не хотѣлъ дожидаться награды отъ будущаго Государя и получилъ отъ Земскаго Совѣта Вагу, бывшую отчину Царя Бориса (городъ Шенкурскъ съ уѣздомъ)[1]. Совѣстливый Пожарскій ничего не искалъ у членовъ Совѣта и ничего не получилъ. Ему не лестны были награды незаконныя; еще въ ту пору, какъ онъ былъ въ Ярославлѣ, Трубецкой и Заруцкій прислали ему жалованную граммату на богатое село Вороново въ Костромскомъ уѣздѣ, съ большимъ количествомъ земли; но онъ принялъ отъ нихъ этого дара[2].

Началось дѣло объ избраніи Царя. Поднялись споры, составились партіи и каждая представляла общему вниманію своихъ выборныхъ. Лѣтописецъ говоритъ, что «многое было волненіе всякимъ людемъ, кійждо бо хотяше по своей мысли дѣяти и кійждо про кого говоряше; иніи убо *подкупахуся* и засылаху, хотяще взойти на такую степень»[3]. Послѣ клепали на самаго Пожарскаго, будто онъ подкупался на царство и это стоило ему 20 тысячь[4].

---

1. Древн. Росс. Вивліоѳ., Т. XV, стр. 201 и слѣд. Граммата Трубецкому на Вагу написана въ Январѣ 1613 г. Замѣчательно, что Трубецкой выхлопоталъ себѣ Вагу, когда еще не всѣ съѣхались на Совѣтъ.

2. Біограф. свѣд. о Кн. Пожарск. соч. Малиновскаго, стр. 46.

3. Лѣт. о мят., стр. 301—302. Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. I № 203.

4. См. Сыскное дѣло о спорѣ межевыхъ судей Василія Ромодановскаго съ Илларіономъ Суминымъ 1634—37 года. Чтен. въ Обществѣ Истор. и Древн. 1848. № 7. На Сумина донесли, будто онъ въ ссорѣ съ

21-го Февраля, въ недѣлю Православія, назначено последнее чрезвычайное засѣданіе Земскаго Совѣта. Несмотря на духъ партій, дума большей части членовъ Совѣта была въ пользу юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова, племянника, по матери, Царю Ѳеодору, сына Ростовскаго

Ромодановскимъ говорилъ такія слова: «не государься и не воцаряйся, Князь Василей; и братъ твой, бояринъ Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, докупался государства, и ему стало тысячь въ двадцать, да того ему Богъ не далъ». Сумину сдѣлали допросъ; онъ отвѣчалъ, что такихъ словъ онъ не говорилъ, что тѣмъ его Князь Василей поклепалъ. Но Ромодановскій утверждалъ, что Суминъ отпирается отъ своихъ словъ. Тогда Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ нарядилъ слѣдствіе и велѣлъ разспросить, когда это, по словамъ Сумина, хотѣлъ воцаряться Пожарскій, до избранія ли его на престолъ, или уже во время его царствованія? Пятьдесятъ человѣкъ Псковичей и Пустожерцевъ показали, что Суминъ дѣйствительно укорялъ такими словами Ромодановскаго, «а говорилъ онъ, Ларіонъ, то слово глухо, подъ Москвою ли будучи, или уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича бояринъ Кн. Димитрій Михайловичъ Пожарскій докупался государства». То же подтверждали дьякъ Прокофьевъ, дьякъ Быльевъ и многіе дворяне Псковскіе. Дѣло затянулось. Суминъ подавалъ челобитныя, чтобъ Государь не вѣрилъ показанію Псковичей, потому что они держали сторону Ромодановскаго, который былъ тестемъ Псковскаго воеводы Куракина. Ромодановскій съ своей стороны просилъ, чтобъ при допросѣ отстранить Лучанъ, потому что они не были свидѣтелями ихъ ссоры и потому что Суминъ въ родствѣ съ Луцкимъ воеводою. Дѣло такимъ образомъ тянулось четыре года и ни одна сторона не получила удовлетворенія; видно, что Государь не хотѣлъ дать особеннаго значенія словамъ Сумина, сказаннымъ съ горяча въ ссорѣ, и смѣнилъ ихъ обоихъ съ должностей межевыхъ судей. Пожарскій нисколько не потерпѣлъ отъ этой исторіи; мы увидимъ, что онъ и дѣти его, во все это время и послѣ, оставались на службѣ при дворѣ и пользовались Царскою милостію. Ромодановскій, какъ родственникъ Пожарскаго, не сталъ бы начинать дѣла, въ которомъ такъ дурно выставлялась личность Князя Дмитрія; у него была цѣль только повредить Сумину.

митрополита Филарета. Не случайно сказано имя его среди шумнаго собранія. Нѣтъ! Романовыхъ имѣлъ въ виду еще самъ Царь Θеодоръ. Буссовъ говоритъ, что «Θеодоръ, умирая, предложилъ скипетръ старшему изъ Никитичей, Θеодору (послѣ Филарету, отцу Михаилову) имѣвшему на престолъ ближайшее право. Но Θеодоръ Никитичъ отказался отъ Царскаго скипетра»[1]. Патріархъ Гермогенъ не скрывалъ мысли, что домъ Романовыхъ имѣетъ больше всѣхъ права на престолъ и указывалъ народу на юнаго Михаила, какъ на надежду и опору Государства. Жолкѣвскій еще послѣ Клушинской битвы писалъ объ этомъ Королю. «Патріархъ побуждалъ» говоритъ онъ, «чтобъ избрали или Князя Василія Голицына, или Никитича Романова, сына Ростовскаго Митрополита; это былъ юноша, можетъ быть, пятнадцати лѣтъ. Представлялъ же онъ его потому, что Митрополитъ Ростовскій, отецъ его, былъ двоюродный братъ по матери Царя Θеодора; къ патріаршему мнѣнію склонялся весь народъ». Гонсѣвскій говорилъ посламъ Русскимъ (на съѣздѣ 1616 года), что желаніе Патріарха Гермогена было единственно — видѣть Михаила на престолѣ Русскомъ. Патріархъ, умирая, завѣщалъ любимую мысль свою народу. Поляки, зная это, всячески старались убить эту мысль въ народѣ, держали въ плѣну отца Михаилова, Филарета; самъ Михаилъ съ матерью во время осады Москвы былъ содержимъ Поляками въ Кремлѣ подъ строгимъ карауломъ и подвергался опасности лишиться жизни[2]. Но Провидѣніе сохранило державнаго отрока отъ всѣхъ бѣдъ для счастія Россіи.

1. Лѣтоп. Буссова, стр. 5. И въ народѣ ходила молва, что Θеодоръ дѣйствительно желалъ имѣть своимъ преемникомъ Романова. См. И. Г. Р., Т. X, пр. 370.
2. Собр. Гос. Гр. и Дог., Т. I, № 203, стр. 611, «и домышляхуся, какъ бы его, аки агнеца незлобиваго смерти предати».

Палицынъ разсказываетъ, что каждый изъ выборныхъ людей долженъ былъ написать свое мнѣніе объ избираемомъ Царѣ, и когда 21 Февраля представлены были такія записи въ засѣданіе Совѣта, оказалось, что общее мнѣніе было въ пользу Михаила. Итакъ онъ торжественно провозглашенъ былъ Царемъ и войско, собранное у Лобнаго-Мѣста, радостно воскликнуло: «да будетъ Царемъ нашимъ Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ!» Въ тотъ же день собрали присягу новому Царю и отправили въ Кострому грамматы къ самому Михаилу и матери его, инокинѣ Мароѣ. Отсылаемъ любопытныхъ къ акту избранія Михаила на царство; въ немъ дѣло раскрыто со всѣми подробностями[1].

Во время совѣщанія Земскаго-Совѣта, Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій былъ въ Москвѣ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Онъ подписался подъ дарственною грамматою, данною Трубецкому на владѣніе Вагою. Къ нему и къ Трубецкому относились всѣ чины въ дѣлѣ о избраніи Царя[2]. Пожарскій подписался за себя и за Хованскаго и подъ самою выборною грамматою, и ѣздилъ встрѣчать новаго Царя[3].

---

1. Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. I, № 203, и томъ III, №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 10, 11, 12. Въ выборной грамматѣ между-прочимъ сказано, будто Шведскій Король писалъ въ Московское-Государство, чтобъ выбрали государя не чужеземца, а своего, изъ Русскихъ родовъ. Это странно; мы имѣемъ извѣстія, что Шведскій Король и по вступленіи на престолъ Михаила Θеодоровича продолжалъ имѣть претензіи на Русскій престолъ. См. Дополн. къ Истор. Акт., т. II, №№ 4, 5, 11, 12, 13, 20, 24, 32, 42, 44.

2. Палицынъ, стр. 253.

3. Собр. Гос. Гр., т. I, № 203. Граммата писана въ Маѣ 1613 года и здѣсь Пожарскій уже подписался *бояриномъ*. Между-тѣмъ онъ полу-

11-го Іюля Михаилъ Ѳеодоровичъ вѣнчанъ на Царство. Во время коронованія Пожарскій занималъ важный постъ: ему Царь поручилъ принесть съ *казеннаго двора* Царскій чинъ, т. е. бармы, скипетръ, державу и вѣнецъ; во время процессіи, отправлявшейся изъ дворца въ Успенскій-Соборъ, Пожарскій несъ Царскій скипетръ и во все время литургіи стоялъ около налоя, на которомъ лежали Царскія регаліи и «берегъ со страхомъ и трепетомъ, чтобъ никто же отъ простыхъ людей прикоснулся того Царскаго сану и вѣнца». Во время помазанія Царя мѵромъ онъ держалъ *яблоко Царскаго чина* (державу)[1], послѣ коронованія былъ приглашенъ къ Царскому столу и награжденъ саномъ боярина, какъ значится въ дворцовыхъ запискахъ, въ которыхъ читаемъ: «Въ разрядѣ сыскано: въ 121 году Іюля въ 11-й день Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи пожаловалъ въ бояре стольника Князь Дмитрія Пожарскаго, а боярство ему сказывалъ Гаврило, Григорьевъ сынъ, Пушкинъ. И Гаврило билъ челомъ Государю, что ему, Князю Дмитрію, боярство сказывать не вмѣстно, потому-что родители ихъ меньши Пожарскихъ нигдѣ не бывали. И Государь указалъ для своего Царскаго вѣнца во всякихъ чинѣхъ быть безъ мѣстъ, а не для Гаврилова челобитья, а челобитье всѣхъ

чилъ боярство 11 Іюля. Видно, что подписи сдѣланы не въ Маѣ, даже и не въ 1613 году, а гораздо-позже. Вотъ доказательство: въ граммате Князь Черкасскій подписался бояриномъ, но боярство получилъ онъ 11 Іюля. Также подписались боярами Князь Иванъ Одоевскій и Борисъ Салтыковъ, но они получили боярство въ 1614 году. См. Древн. Рос. Вивл., т. XX, стр. 89.—Опис. Госуд. Разряд. Архив. 1842 г., стр. 260.

1. Собр. Гос. и Догов., т. III, № 16, стр. 71, 72, 85.

отставить, и Гаврило Князю Дмитрію боярство сказывалъ»[1]. Въ тотъ же день знаменитый сподвижникъ Пожарскаго, Козьма Мининъ пожалованъ думнымъ дворяниномъ[2] и награжденъ отчиною въ Нижегородскомъ-Уѣздѣ, селомъ Богородицкимъ съ деревнями[3]. 30-го Іюля и Пожарскому дана жалованная граммата на его прежнее помѣстье — Нижній-Ландехъ[4].

Царю былъ только 17-й годъ. Не крамолы, не замыслы вельможъ властвовать при слабости юнаго вѣнценосца возвели Михаила на престолъ; нѣтъ! Его избрала вся Русская Земля, глубоко возчувствовавшая нужду въ своемъ Царѣ единокровномъ, послѣ множества смутъ, терзавшихъ ея нѣдра. Всѣ сознавали нужду въ успокоеніи послѣ столькихъ бѣдъ; крамолы притихли, горькій опытъ достаточно научилъ и вразумилъ и бояръ и народъ, къ чему вело возстаніе противъ Царской власти, — какъ гибельна была смерть Бориса и низложеніе Василія Шуйскаго. Пора было затихнуть этой бурѣ, которая сокрушила Россію съ одного конца до другаго, которая очи-

---

1. Повсядн. Дворц. Записки, ч. I, стр. 78, 79. Дворц. разряд. I, 96. Итакъ мнѣніе, что Пожарскій получилъ санъ боярина отъ Земскаго-Совѣта, еще до избранія Царя, оказывается невѣрнымъ. См. Арцыб. Повѣств. о Россіи, т., III, прим. 1,732. Пушкинъ возобновилъ мѣстническій споръ съ Пожарскимъ въ 1634 году; но дѣло кончилось въ пользу Пожарскаго, и Пушкинъ посаженъ въ тюрьму. Повс. Двор. Зап., т. I, стр. 79.

2. Древн. Рос. Вивл., т. XX, стр. 88, 89.

3. Акт. Эксп., т. III, № 83.

4. Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. III, № 56, «а въ той жалованной грамотѣ, какова ему дана въ прошломъ въ 121 году, Іюля въ 30 день написано: пожаловали мы боярина нашего Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго въ Суздальскомъ-Уѣздѣ приселкомъ Нижнимъ-Ландехомъ.»

стила ряды вельможъ—и вотъ доказательство тогдашняго состоянія умовъ въ Россіи: около Михаила совокупились вельможи разнородныхъ партій, приверженцы двухъ Царей и двухъ самозванцевъ—доказательство самое убѣдительное, что была общая потребность въ успокоеніи; что личные интересы потерялись въ одномъ желаніи мира подъ скипетромъ Царя. Это желаніе рѣзко обозначилось и въ самомъ избраніи Царя; партіи должны были замолкнуть предъ единодушнымъ выборомъ. На первый же разъ Михаилъ выказалъ прекрасную сторону въ своемъ характерѣ — онъ не сталъ мстить прежнимъ своимъ врагамъ.

Очевидно, что при такомъ положеніи дѣлъ, личность Пожарскаго не могла слишкомъ выдаваться предъ прочими боярами думы. Онъ былъ только-что сдѣланъ бояриномъ: и по характеру своему и по недавнему повышенію не могъ имѣть претензій на первенство при особѣ Царя. Царь зналъ его заслуги, съ похвалою упоминалъ о немъ въ грамматахъ, наградилъ и во всю жизнь ласкалъ его. Враговъ при дворѣ онъ не имѣлъ, развѣ только Лыкова, который въ 1609 году имѣлъ съ нимъ мѣстническій споръ, да и это вѣроятно уже не оставило слѣдовъ непріязни и было забыто. Трубецкой въ послѣднее время былъ въ ладу съ нимъ; Романовы и Мстиславскій обязаны были ему своею безопасностью по сдачѣ Кремля. Повторимъ, что еслибъ онъ и имѣлъ враговъ, то это ничего бы не значило для Пожарскаго при такомъ Царѣ, какъ Михаилъ и при такомъ положеніи Двора и Думы. Непріятности могли быть мѣстническія: родъ Пожарскаго не отличался знаменитостью и древностью; ему не на чѣмъ было опереться въ случаѣ мѣстническихъ споровъ, и если Лыковъ и Пушкинъ имѣли смѣлость возставать

противъ *худобы* его рода, то столкновеніе съ Трубецкими, Солтыковыми, Долгорукими никакъ уже не могло кончиться въ пользу новаго боярина. Искусительный случай не замедлилъ представиться: 6-го Декабря 1613 года, Царь пожаловалъ въ бояре Бориса Михайловича Солтыкова и приказалъ, чтобы Пожарскій съ дьякомъ Васильевымъ сказали ему боярство. Но Пожарскій отказался, сказавъ, что меньше Солтыкова ему быть невмѣстно. Его спросили: по какимъ случаямъ ему меньше Салтыкова быть не вмѣстно? Пожарскій въ защиту своего рода представилъ отвѣтъ довольно слабый: Князь Григорій Ромодановскій, говорилъ онъ, въ роду нашемъ меньше меня, а былъ больше Григорія Морозова, а Морозовъ въ роду своемъ ровенъ Михайлу Глѣбову Салтыкову, а Михайла Глѣбовъ Борису Салтыкову дядя, и больше его тремя мѣстами.» Эти представленія Пожарскаго, какъ видно, не были уважены и онъ указалъ на другой случай. Въ тотъ же день, какъ Салтыкову дали боярство, Князь Владиміръ Тимофѣевичь Долгорукой говорилъ боярство Князю Ивану Никитичу Одоевскому: Пожарскій представлялъ, что заставивъ его сказывать боярство Салтыкову, а Князя Долгорукова назначивъ говорить боярство Одоевскому, тѣмъ его унизили предъ Долгоруковымъ: меньше Долгорукова ему быть не вмѣстно, потому что Князь Долгорукій выданъ былъ головою дядѣ его Князю Петру Пожарскому, а дядя Петръ въ роду меньше его Князя Димитрія. Выслушавъ это Долгорукій билъ челомъ Государю на Пожарскаго, что Пожарскій его тѣмъ безчеститъ, что онъ никогда не былъ выданъ головою Петру Пожарскому, «то онъ затѣваетъ, говоритъ ложь.» Послѣ сего представили жалобу на Пожарскаго Борисъ и Михайла Салтыковы и привели слѣдующія основанія въ доказательство преиму-

щества своего рода предъ родомъ Пожарскихъ: Князь Иванъ Ромодановской, который въ родствѣ Князю Димитрію Пожарскому большой, былъ на Ливнахъ въ товарищахъ съ Михайломъ Глѣбовымъ Салтыковымъ, а Михайло Глѣбовъ по родству ниже ихъ Бориса и Михайла Михайловичей Салтыковыхъ. Кромѣ того при Царѣ Василье Князь Дмитрій Пожарскій *розведенъ* съ Иваномъ Пушкинымъ, а Иванъ Пушкинъ у отца пятый сынъ; большой братъ его Евстафій Пушкинъ былъ меньше Михайла Глѣбова Салтыкова, который по роду меньше ихъ. Призвали къ допросу Ивана Пушкина, и онъ подтвердилъ сказанное Салтыковыми. Пожарскому нечего было говорить въ защиту своего рода и въ опроверженіе доводовъ, представленныхъ Салтыковыми, и онъ замолчалъ. Тогда Государь опять сталъ требовать, чтобъ онъ сказалъ боярство Салтыкову, потому что по представленнымъ случаямъ меньше Салтыковыхъ быть ему можно; но Пожарскій Государева указу не послушалъ, и къ себѣ съѣхалъ на дворъ, а сказался боленъ. Посовѣтовавшись съ боярами Царь приказалъ, чтобы Васильевъ сказалъ боярство Салтыкову, а въ разрядныхъ книгахъ велѣлъ записать, что боярство ему сказывалъ Князь Пожарскій. Этимъ хотѣлъ Царь сколько-нибудь удовлетворить оскорбленному самолюбію Салтыковыхъ и покончить спорное дѣло. Но Салтыковъ поблагодаривъ Царя за пожалованіе боярства, опять билъ Царю челомъ на Пожарскаго, что тотъ его обезчестилъ, что Пожарскій ниже не только его самого, но и меньшаго брата его многими мѣсты. Это было до обѣда. Новый бояринъ Борисъ Салтыковъ приглашенъ къ Царскому столу и послѣ стола возобновилъ жалобу на Пожарскаго. «И Государь *говоря съ бояры*, велѣлъ Князя Дмитрія Пожарскаго вывесть въ городъ, и велѣлъ его за

безчестье боярина Салтыкова *выдать* Борису *головою* и въ разрядѣ то велѣлъ записать»[1]. Говорятъ, что этотъ случай былъ нарочно подготовленъ завистниками и недоброжелателями Пожарскаго, что съ нимъ поступлено весьма неблагодарно[2]. Но мы согласны лучше приписать это дѣло *грубости тогдашнихъ нравовъ*[3], чѣмъ думать, что наказаніе Пожарскаго было дѣломъ совершенно необыкновеннымъ и чрезвычайнымъ. Духъ мѣстничества такъ глубоко проникъ общество того времени, что нельзя почти указать ни одного лица, которое бы не было заражено этимъ духомъ. Мы знаемъ примѣры, что бывали мѣстническіе споры между низшими чиновниками, на примѣръ: въ 1636 году «Государю били челомъ на Ивана Ржевскаго Василій Мясной, да Максимъ Крюковъ, что имъ меньше его быть нельзя.»[4]. Не мудрено, что духъ мѣстничества — жалкій выродокъ древнихъ родовыхъ отношеній — уничтожалъ или по крайней мѣрѣ ослаблялъ благородство намѣреній и дѣйствій въ людяхъ съ прекрасною душою, съ великими дарованіями: бурнымъ потокомъ мѣстничества увлеченъ былъ и Князь Пожарскій, и это уже не въ первый разъ. Не разъ бывало, что жа-

---

1. Дворц. разряд. I, 120–123. Собр. Госуд. Гр. и Дог. III, № 18. Выданный головою обиженному, долженъ былъ поклониться ему въ землю и до-тѣхъ-поръ не вставать, пока не выпроситъ прощенія. Обиженный въ это время вычитывалъ обидчику всѣ неудовольствія и бранилъ за безчестіе, нанесенное его роду; потомъ, удовлетворенный уничиженіемъ обидчика, говорилъ, что повинную голову ни сѣкутъ, ни рубятъ, и прощалъ его. На дворъ къ Салтыкову отводилъ Пожарскаго Перфилъ Ивановъ Сѣкиринъ.

2. Малиновскій и Чичаговъ, въ «Біограф. Пожарскаго».

3. Историко-критич. Отрывки, Погодина, стр. 303.

4. Повсяд. Дворц. Зап., Т. I, стр. 134.

ловались на него, и самъ онъ билъ челомъ объ отечествѣ. Онъ считалъ родъ свой слишкомъ знаменитымъ; но еще Лыковъ замѣтилъ ему, что онъ *разошелся* съ знаменитыми Князьями Стародубскими и Ряполовскими; что онъ долженъ указывать на своихъ ближайшихъ предковъ и родственниковъ[1]. И въ настоящее время повторилось то же; Пожарскій, какъ видно, думалъ усилить важность своего рода своими личными заслугами, но въ мѣстничествѣ они ничего не значили: тамъ все значила генеалогія, и только она одна. Вотъ доказательство: въ 1642 году Князь Иванъ Андреевичъ Голицынъ хотѣлъ сѣсть во дворцѣ выше Князя Дмитрія Мамстрюковича Черкасскаго; тогда дьяку велѣно было сказать Голицыну: «ты, Князь Иванъ, тѣмъ Князя Дмитрія Мамстрюковича Черкасскаго безчестилъ, бояринъ Князь Дмитрій Мамстрюковичъ *человѣкъ великой*». Почему же такъ? Далѣе читаемъ: «честь ихъ старая; въ прежнихъ лѣтѣхъ блаженной памяти при Государѣ Царѣ и великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ дядя его, бояринъ Князь Михаилъ Темгрюковичь Черкасской былъ въ великой чести и проч.»[2]. Такимъ образомъ Пожарскій билъ челомъ на Солтыкова *не по своей мѣрѣ*. Родъ Солтыковыхъ знаменитѣе рода Пожарскихъ. Пожарскій первый положилъ начало славы своего рода; имъ же она и кончилась; но Солтыковы издавна занимали почетныя мѣста въ Государствѣ. Ошибся Пожарскій и въ томъ, что почелъ низкимъ для себя *сказывать боярство* Солтыкову: боярство поручали иногда сказывать по личному и родовому достоинству высшимъ тѣхъ, которые награждались боярствомъ, и на это есть доказательство:

1. Русск. Истор. Сборн. 1838 г., Т. II, стр. 267 и слѣд.

2. Повсяд. Дворц. Зап., Т. I, стр. 232.

въ 1635 году «Царь Михаилъ Өеодоровичъ велѣлъ Князю Ивану Андреевичу Голицыну, сказать боярство Князю Петру Александровичу Репнину, но Голицынъ отказался и сказалъ, что родители его боярства никому не сказывали. Тогда самъ Государь сказалъ Голицыну: «По приговору Государскому *большіе меньшимъ сказываютъ*, *а отечеству ихъ тѣмъ порухи нѣтъ.* При Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ бояринъ Князь Өедоръ Михайловичъ Трубецкой сказывалъ боярство Борису Годунову, а у стола Борисъ Годуновъ съ нимъ былъ и послѣ того бывалъ меньше его; а и нынѣ многіе сказывали меньши себя боярство: бояринъ Князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой сказывалъ боярство Семену Головину. И ты не упрямливайся, Князь Петру боярство скажи, и тѣмъ отечеству твоему порухи не будетъ.» Но Голицынъ не послушался и боярства Репнину не сказалъ. Государь велѣлъ его за это посадить въ тюрьму на три дня. На четвертый день онъ послалъ сказать ему, чтобъ онъ сказалъ боярство, что если не скажетъ, то его сошлютъ въ ссылку, но Голицынъ отвѣчалъ: «въ раззореньѣ и ссылкѣ воленъ Богъ, да Государь, а ему Князь Петру боярства не сказывать»[1].

Теперь обратимъ вниманіе на наказаніе, присужденное Пожарскому: и тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Въ Разрядной книгѣ сказано: «И *Государь говоря съ бояры* велѣлъ выдать его головою». Въ этихъ словахъ никакъ нельзя видѣть того, что Пожарскій по навѣту бояръ подвергнутъ наказанію. Дѣла мѣстничества обыкновенно поручались боярамъ; они справлялись съ разрядными книгами и выводили, чье дѣло было правое, чье нѣтъ. Въ дѣлѣ Пожарскаго видна та особенность, что самъ царь

1. Тамъ же, стр. 115.

участвовалъ въ немъ, самъ говорилъ съ боярами и тутъ-то видно особенное вниманіе царя къ знаменитому избавителю отечества; въ другихъ случаяхъ царь предоставлялъ все производство мѣстническихъ дѣлъ боярамъ, и сами они составляли приговоръ. Представимъ примѣръ: въ 1640 году князь Ѳедоръ Куракинъ билъ челомъ въ отечествѣ на князя Алексѣя Трубецкаго. «И Государь приказалъ ихъ дѣло слушать боярамъ, и бояре дѣло слушали и приговорили, что Куракинъ билъ челомъ на Трубецкаго *не дѣломъ*[1]. Споры мѣстническіе кончались наказаніемъ тому кто меньше былъ родомъ и билъ челомъ не по своей мѣрѣ. Виновнаго сажали въ тюрьму, выдавали обиженному головою, сѣкли кнутомъ и иногда ссылали въ ссылку. Мы имѣемъ множество примѣровъ, что въ мѣстническихъ спорахъ не разбирали никакихъ заслугъ, и если человѣкъ съ высокими личными достоинствами безчестилъ вельможу, знаменитаго только предками, перваго не щадили и заставляли его платить безчестье обиженному. Такъ на примѣръ, бояринъ Иванъ Андреевичъ Голицынъ за безчестье, сдѣланное Черкасскому въ 1642 году, посаженъ въ тюрьму[2]. Такъ же поступлено съ бояриномъ Андреемъ Васильевичемъ Хилковымъ, за мѣстническій споръ съ Иваномъ Петровичемъ Шереметевымъ[3], не смотря на то, что Хилковъ, бывшій воеводою еще при Шуйскомъ, потомъ при Михаилѣ бояриномъ съ 1625 года и воеводою Псковскимъ и Новгородскимъ, былъ очень любимъ царемъ и часто обѣдалъ у него во дворцѣ; тогда какъ Иванъ Петровичъ Шереметевъ былъ сдѣланъ боя-

---

1. Повсяд. Дворц. Зап., Т. I, стр. 206.
2. Тамъ же, стр. 232.
3. Ibid., стр. 239.

риномъ только въ 1634 году. Но чрезъ два года самъ Шереметевъ, за котораго наказанъ былъ Хилковъ, въ свою очередь посаженъ былъ въ тюрьму за споръ съ Одоев скимъ объ отечествѣ[1]. Мѣстническія наказанія не имѣли рѣшительно никакого вліянія на репутацію наказаннаго и на мѣсто, которое онъ занималъ на службѣ. Бояринъ, котораго сажаютъ въ тюрьму и выдаютъ головою, не теряетъ черезъ это ничего на службѣ, не лишается благоволенія Государя. Вотъ примѣры: Θедоръ Куракинъ, Крапивинскій воевода, посаженъ былъ въ тюрьму за безчестье, нанесенное Трубецкому: но несмотря на это «на Крапивнѣ указалъ Государь Князь Θедору Куракину быть попрежнему»[2]. Хилковъ посаженъ въ тюрьму за споръ съ Шереметевымъ; однакожъ въ Судномъ Московскомъ Приказѣ указалъ ему Государь сидѣть попрежнему»[3]. Голицынъ и Хилковъ, сидѣвшіе въ тюрьмѣ за мѣстническіе споры и послѣ того не лишены приглашенія къ столу царскому[4]. По этимъ даннымъ должно судить и о дѣлѣ Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Мѣстническій споръ его съ Солтыковымъ былъ въ обыкновенномъ порядкѣ вещей и вовсе не былъ подготовленъ, какъ думаютъ, завистливыми боярами: его также не пощадили за неправое челобитье, какъ не щадили другихъ знаменитыхъ вельможъ. Помилованіе его вышло бы изъ ряду законныхъ распоряженій Царя и Думы: въ лицѣ Солтыкова сочли бы себя обиженными всѣ знаменитые роды. Теперь выданъ былъ головою Пожарскій; черезъ нѣсколько вре-

---

1. Ibid., стр. 266.
2. Повсяд. Дворц. Зап., Т. I, стр. 206.
3. Тамъже, стр. 239.
4. Ibid., стр. 246, 262.

мени ему выдали головою Юрія Татищева, который послан былъ Государемъ, въ 1618 году, спросить Пожарскаго о здоровьѣ, и отказался выполнить приказъ Царя, ссылаясь на свои родовыя преимущества[1]. Пожарскій, какъ увидимъ, ничего не потерялъ на службѣ и во мнѣніи Царя за то, что оскорбилъ Солтыкова. Это дѣло было очень обыкновенное.

Характеръ отношеній юнаго Михаила къ разнороднымъ членамъ Двора опредѣлялся самымъ положеніемъ Государства въ это время. Ни въ Польшѣ, ни въ Швеціи, Михаила не хотѣли признавать Царемъ: Сигизмундъ продолжалъ выказывать свои притязанія на престолъ Русскій, и не хотѣлъ сноситься съ новымъ Царемъ, а велъ дѣла, мимо его, съ боярами; Филиппъ и не думалъ отказываться отъ присяги Новгородцевъ и ждалъ уполномоченныхъ отъ всего Государства[2]: въ Астрахани объявилъ себя царемъ Заруцкій, и въ грамматахъ писался Дмитріемъ Іоанновичемъ[3]; казаки, подъ предводительствомъ Баловня, производили страшные грабежи и убійства въ сѣверной Россіи; Лисовскій, отчаянный головорѣзъ, бѣжавшій отъ смертной казни изъ Польши, съ шайкою разбойниковъ свирѣпствовалъ въ Орловской Губерніи. Трудно было положеніе юнаго Царя: онъ имѣлъ нужду въ людяхъ служилыхъ. Самъ Пожарскій могъ быть въ глазахъ его не совсѣмъ правымъ по дѣламъ смутнаго времени: вскрылось дѣло о сношеніяхъ его съ цезаремъ Матвѣемъ, носились слухи, что онъ самъ не прочь былъ отъ чести занять престолъ Русскій, что онъ даже потратился на это; но

---

1. Малиновск. «Біограф. Свѣд. о Пожарск.», стр. 91.
2. Дополн. къ Акт. Истор., Т. II, № 11.
3. Акт. Ист., Т. III, № 263, 264.

Михаилъ оставался вѣренъ первому взгляду на вельможъ, и Пожарскому вмѣстѣ съ другими указывалъ на поприще новой дѣятельности, новой славы.

Воеводы Брянскій и Болховскій писали къ Царю, что Лисовскій осаждалъ Брянскъ, но испытавъ неудачу пошелъ къ Карачеву, взялъ его, избилъ жителей, захватилъ въ плѣнъ воеводу и засѣлъ въ городѣ[1]. 29-го Іюня 1615 года Царь отправилъ противъ Лисовскаго Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго съ войскомъ, давъ ему въ товарищи воеводу Степана Исленьева. Въ наказѣ, данномъ по этому случаю Пожарскому, предписывалось во время похода наблюдать крайнюю осторожность: «и боярину Князю Дмитрію Михайловичу съ товарищи идти дорòгою на станъ съ великимъ береженьемъ, и на походѣ по дорогамъ и по сторонамъ посылать подъѣзды и велѣть провѣдывать про Литовскихъ людей, чтобъ на походѣхъ Литовскіе люди безвѣстно не пришли и дурна какого не учинили»[2]. Изъ наказа видно еще, что Пожарскому вручалось войско довольно многочисленное[3], между тѣмъ, какъ шайка Лисовскаго состояла только изъ двухъ тысячь человѣкъ[4]. Отчаянная храбрость *Лисовчиковъ* заставила Дворъ Московскій принять сильныя мѣры. Въ Бѣлевѣ войско Пожарскаго усилено остатками шайки Баловня, кончившаго жизнь на висѣлицѣ. Казаки явились къ Пожарскому съ повинною головою, получили прощеніе, и дали присягу вѣрно служить Государю; это не первый и не послѣдній опытъ уваженія буйныхъ Запо-

1. Собр. Гос. Гр. и Догов. Т. III. № 28.
2. Тамъ же, стр. 133.
3. Ibid. стр. 131.
4. Лѣтоп. о Мят. стр. 307.

рожцевъ къ знаменитому избавителю отечества; тѣ, для которыхъ не было ничего священнаго, смирялись передъ любимымъ воеводой и считали за честь служить подъ его начальствомъ.

Между-тѣмъ Лисовскій, узнавъ о приближеніи Царскаго войска къ Карачеву, сжегъ этотъ городъ и бѣжалъ къ Орлу. Пожарскій преслѣдовалъ его, встрѣтился съ нимъ у Орла и открылъ сраженіе: но робкій товарищъ воеводы, Исленьевъ, не выдержавъ и первой стычки, бѣжалъ съ своимъ полкомъ; его примѣру послѣдовала бо̀льшая часть войска, и Пожарскій остался только съ 600 человѣкъ. Лѣтописецъ удивляется его храбрости и присутствію духа: онъ долженъ былъ биться съ непріятелемъ втрое многочисленнымъ, съ разбойниками, закаленными въ битвахъ. Войско, сознавая неравенство силъ для борьбы съ Лисовскимъ, просило Пожарскаго отступить къ Болхову, но воевода отвѣчалъ, что должно биться до послѣдней капли крови. Открылся рукопашный бой: горсть храбрыхъ держалась нѣсколько часовъ въ битвѣ неровной; наконецъ, видя крайнее изнеможеніе войска, Пожарскій велѣлъ устроить завалы и оградиться обозомъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Лисовскій не замѣтилъ отступленія Исленьева и, видя необычайную храбрость Русскихъ, думалъ, что въ битвѣ участвуетъ все войско. Потерявъ многихъ убитыми и 30 человѣкъ плѣнныхъ, онъ отступилъ на двѣ версты отъ мѣста сраженія. Къ ночи Исленьевъ воротился къ Пожарскому со всѣми ратными людьми и получилъ строгій выговоръ за удаленіе съ поля битвы; главные виновники бѣгства подверглись наказанію, На слѣдующее утро Пожарскій со всѣмъ войскомъ двинулся противъ Лисовскаго — послѣдній бѣжалъ къ Кромамъ, преслѣдуемый Русскими; потомъ вдругъ поворотилъ

назадъ и окольною дорогою прошелъ къ Болхову: въ одни сутки онъ сдѣлалъ полтораста поприщъ (150 верстъ) — переходъ удивительно-быстрый! Воевода Болховскій, не ожидавшій нападенія, едва имѣлъ время приготовиться къ оборонѣ, выдержалъ однако съ своимъ гарнизономъ аттаку и далъ отпоръ Лисовскому. Лѣтописецъ говоритъ, что Лисовскій дѣйствовалъ какъ разбойникъ[1]: въ образѣ войны онъ не слѣдовалъ обыкновенной тактикѣ, избѣгалъ сраженій, не велъ долговременной осады, но нападалъ въ-расплохъ, грабилъ и убивалъ жителей и быстро переходилъ въ другое мѣсто съ такою же цѣлью добычи, не считая нужнымъ удерживать за собою взятыхъ городовъ. Отраженный отъ Болхова, онъ кинулся къ Бѣлеву; устрашенные воеводы бѣжали изъ города, предавъ его въ жертву разбойникамъ, алчнымъ корысти. Лисовскій, ограбивъ и предавъ огню Бѣлевъ, явился у Лихвина, но, отраженный воеводою Стрѣшневымъ, бѣжалъ къ Перемышлю, который былъ оставленъ беззащитнымъ: городскіе воеводы ушли въ Калугу. Туда отправился и Лисовскій, но услышавъ, что Пожарскій послалъ туда передовые отряды, а самъ идетъ къ Перемышлю, выжегъ этотъ городъ и бросился по дорогѣ между Вязьмою и Можайскомъ. Войска у Пожарскаго было немного, частію оттого, что онъ долженъ былъ въ смежныхъ городахъ оставлять значительные гарнизоны, для защиты ихъ отъ внезапныхъ нападеній Лисовскаго, частію оттого, что не всѣ еще ратники успѣли собраться въ станъ по Царскому наказу. Войско изъ Казани явилось уже тогда, какъ Лисовскій занялъ Перемышль. Чувствуя нужду въ подкрѣпленіи, Пожарскій рѣшился сманить къ себѣ Нѣмцевъ,

---

1. Ibid. стр. 308.

служившихъ въ войскѣ Лисовскаго, и въ Августѣ послалъ къ нимъ граммату, въ которой убѣждалъ ихъ перейдти на Государеву службу, обѣщая имъ Царскую милость и жалованье[1]. Мы имѣемъ основаніе думать, что Нѣмцы согласились на предложеніе Пожарскаго, что они перешли въ его ряды: въ допросѣ одинъ плѣнный Полякъ показалъ послѣ, что, «Нѣмецъ съ Лисовскимъ нѣтъ»[2]. Не смотря на то, что у Лисовскаго отъ двухъ тысячь человѣкъ осталось только 1150[3], онъ продолжалъ съ такимъ же успѣхомъ производить набѣги и собирать добычу, какъ и прежде. Тщетно Смоленскій воевода, Хованскій, отъ имени Царя, писалъ въ Польшу къ Гетману Ходкѣвичу, чтобъ Король далъ приказъ Лисовскому выйдти изъ Россіи[4]: Король не принималъ никакихъ мѣръ и самъ въ слѣдующемъ году послалъ Гонсѣвскаго воевать Русскіе города.

Къ большему несчастію, Пожарскій сильно занемогъ и былъ отвезенъ въ Калугу, передавъ начальство надъ ополченіемъ Лопатѣ-Пожарскому. Лопата пошелъ за Лисовскимъ къ Вязьмѣ, но Казанская рать отказалась продолжать походъ и возвратилась во свояси: оставшись съ ничтожнымъ количествомъ солдатъ, Лопата прекратилъ

---

1. Собр. Гос. Гр. и Дог., Т. III, N 23. «Прапорщику Кедемляхмеяю, Донохмакафтѣ, Ротмистру Вилиму Гриму, да Устюсу, Капитану Якову Шаву, да Юстру». Первыя названія такъ исковерканы, что трудно отгадать въ нихъ настоящія Нѣмецкія фамиліи.

2. Акты Истор, Т. III, N 64. Извѣстіе объ этомъ отъ 27-го Ноября 1615 г.

3. Ibid. «А съ нимъ (съ Лисовскимъ) всякихъ людей, Литвы и Черкасъ съ тысячу человѣкъ, а Русскихъ казаковъ только полтараста человѣкъ.

4. Собр. Госуд. Гр. и Дог., Т. III, N 30.

преслѣдованіе, воротился съ Вяземской дороги и сталъ на Угрѣ. Узнавъ это, Царь послалъ ему приказъ, чтобъ онъ шелъ въ Можайскъ, на который, какъ слышно было, думалъ напасть Лисовскій; но Лопата отвѣчалъ, что ратные люди съ Царской службы разбѣжались, и въ Можайскъ не пошелъ. Тогда Государь нарядилъ новаго воеводу Князя Михаила Борятинскаго, послалъ къ казакамъ деньги, чтобъ склонить ихъ идти въ походъ, а Лопату, наказавъ тюремнымъ заключеніемъ въ Можайскѣ, назначилъ опять дѣйствовать противъ Лисовскаго вмѣстѣ съ Борятинскимъ, — доказательство, какъ Царь нуждался тогда въ людяхъ и какъ обстоятельства вынуждали у него милость къ непокорнымъ. Между тѣмъ Лисовскій изъ Вязьмы устремился къ Ржеву, избилъ множество людей въ предмѣстіяхъ, нападалъ на городъ, который съ трудомъ отстоялъ воевода Шереметевъ. Изъ Ржева Лисовскій пошелъ къ Торжку и здѣсь выжегъ предмѣстія; отсюда мимо Твери и Кашина прошелъ въ Угличь, сжегъ посады и отправился къ Ярославлю[1]. Селенія, черезъ которыя проходилъ онъ, были опустошены огнемъ и мечемъ. Богатая слобода Даниловская, въ Костромскомъ

---

1. Дворцов. разр. 1, 182. Причина успѣховъ Лисовскаго, завоевывавшаго города съ малымъ числомъ войска, заключается въ тогдашнемъ состояніи городовъ, въ которыхъ не было ни достаточнаго числа войска, ни оружія, ни твердыхъ укрѣпленій. См. Акт. Экспед., Т. III, № 87, 88, «и на Углечѣ, Государь, ратныхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ и иноземцевъ нѣтъ, а стрѣльцовъ и воротниковъ нѣтъ же ни одного человѣка, только 6 человѣкъ пушкарей, и тѣ голодны, и для осаднаго времени хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ же, и зелейныя казны мало, и у острогу мосты недомощены, и въ башняхъ мосты погнили, и у острогу жъ съ лица противъ приступныхъ мѣстъ рву не копано и чесноку не побито». Отписка къ Царю Дашкова отъ 5-го и 19-го Мая 1617 года.

уѣздѣ, подверглась страшному истребленію: здѣсь онъ стоялъ больше недѣли, половину войска посылалъ грабить по окрестностямъ, справлялся черезъ лазутчиковъ о числѣ войска въ городахъ, и, не имѣя силъ для открытой войны съ большими городами, ограничивался грабежемъ селъ и деревень[1]. Изъ Даниловскаго черезъ Костромской и Ярославскій уѣзды онъ прошелъ во Владимірскую область, пронесъ опустошеніе по Рязанской и Тульской, и, наконецъ, думалъ пройдти чрезъ сѣверскіе города въ Литву, но погибъ внезапно въ Комарницкой волости.

Внѣшнія обстоятельства Михаила, въ первые годы Царствованія, были довольно безотрадны. Русь еще не успѣла оправиться послѣ смутъ междоцарствія, и должна была продолжать борьбу съ прежними врагами: дѣла шли неудачно, казна истощилась — нечѣмъ было платить жалованья войску, и Царь выдалъ указъ о сборѣ денегъ съ людей торговыхъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ внести *пятую деньгу*[2]. Въ Москвѣ составили комитетъ по случаю этого сбора, и въ немъ главнымъ членомъ, изъ свѣтскихъ чиновъ, былъ Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій[3]. Въ слѣдующемъ 1617 году, по дѣлу о заклю-

---

1. Акт. Ист., Т. III, № 64, «и приходной Литвинъ въ распросѣ сказалъ: «Лисовской де нынѣ стоитъ въ Костромскомъ уѣздѣ, въ селѣ Даниловскомъ, а народу съ ними и кошей нѣтъ, а зелье де съ ними есть, а лошади де у нихъ добрѣ томны, и Лисовскій де отпустилъ отъ себя охочихъ людей въ загоны на три дни и велѣлъ ѣхать къ себѣ въ село Даниловское; а къ Ярославлю ли ему идти, или подъ иные подъ которые города, то онъ самъ не вѣдаетъ, потому что имъ Лисовской своей думы не сказываетъ, а къ городамъ къ Угличу и къ Кашину не приступалъ, потому что съ нимъ людей мало».
2. Акт. Экспед., Т. III, № 79. Указъ 1616 г. отъ 20-го Апрѣля.
3. Ibid. №№ 79, 80. Акт. Юрид., № 215, стр. 230.

ченіи мира съ Швеціею, Пожарскій имѣлъ сношенія съ посредникомъ примиренія — Англійскимъ посломъ Джономъ Merикомъ, и носилъ въ это время титулъ намѣстника Коломенскаго[1].

Покончивъ дѣла съ Швеціею миромъ, хотя и не выгоднымъ для Россіи, Царь долженъ былъ обратить все вниманіе на другую враждебную державу—Польшу. Владиславъ не думалъ отказываться отъ данной ему нѣкогда присяги и, послѣ несостоявшагося мира на конгрессѣ подъ Смоленскомъ, въ 1616 году—самъ повелъ войско въ Россію. Предварительно онъ послалъ во всѣ Русскіе города окружную граммату (отъ 15 Декабря 1616), въ которой напоминалъ Русскимъ о присягѣ, ему данной, извѣщалъ, что идетъ занять Русскій престолъ и убѣждалъ покориться ему безъ кровопролитія, обѣщая всѣмъ миръ и тишину подъ своимъ скипетромъ. Между-прочимъ онъ объяснялъ въ грамматѣ, почему такъ долго не шелъ въ Россію, и ссылался на свое несовершеннолѣтіе: «а нынѣ мы, Великій Государь, пришли есма въ совершенный возрастъ къ скипетродержавію, и хотимъ Московское Государство отыскать.» О Михаилѣ онъ говорилъ въ такихъ выраженіяхъ: «а о Михаилѣ, Филаретовѣ сынѣ, какъ еже дастъ Богъ, будемъ на царскомъ своемъ престолѣ на Москвѣ, и въ тѣ поры наше Царское милосердіе будетъ по прошенью всей земли»[2]. 5 Апрѣля 1617 года Владиславъ выступилъ изъ Варшавы[3], но походъ его замедлился частію отъ раздоровъ, возникавшихъ между войсковыми начальниками, частію оттого, что онъ долженъ былъ, по

1. Дворц. разряд. 1, 283.
2. Акт. Ист., т. III, N 72.
3. Сбор. Мухан., стр. 12.

требованію сейма, отослать часть своего войска къ гетману Жолкѣвскому, который отряженъ былъ противъ Турокъ, шедшихъ съ оружіемъ въ предѣлы Польши. Самъ Владиславъ на-время уѣзжалъ изъ лагеря въ Варшаву для оправданія предъ Королемъ одного изъ своихъ военачальниковъ. Уже въ Октябрѣ онъ явился подъ Дорогобужемъ: воевода Ададуровъ безъ сопротивленія сдалъ Владиславу этотъ городъ, и самъ присягнулъ ему. Вязьма также легко досталась ему: воеводы бѣжали оттуда въ Москву. Изъ Вязьмы Владиславъ отправилъ небольшой отрядъ подъ начальствомъ Чаплинскаго къ Калугѣ, дабы прикрыть себя съ этой стороны во время похода къ столицѣ и, какъ вѣроятно, набрать войско изъ Запорожцевъ[1]. Отрядъ этотъ состоялъ изъ тѣхъ самыхъ разбойниковъ, которые прежде служили подъ командою Лисовскаго и которые уже хорошо были извѣстны Русскимъ. Чаплинскій взялъ Мещовскъ, плѣнилъ тамошняго воеводу и отправилъ его къ Королевичу, а самъ пошелъ къ Козельску. Устрашенный воевода Калужскій, Князь Гагаринъ отправилъ къ Царю выборныхъ изъ всѣхъ чиновъ съ извѣстіемъ объ опасности, угрожающей городу и съ прошеніемъ помощи и защиты. Калужане просили себѣ «добраго воеводу» и сами указали на Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго[2]. Царь согласился и 18 Октября 1617 года, Пожарскій выступилъ изъ Москвы, снабженный наказомъ и ратными людьми. Въ наказѣ подробно очерченъ весь планъ дѣйст-

---

1. Лѣт. о мят. 323. «Королевичь же посла въ украйныя мѣста Чеплинскаго.

2. Idid. 324, «а били челомъ имянно, чтобъ Государь послалъ боярина своего Князя Дмитрія Пожарскаго».

вій, которому долженъ былъ слѣдовать Пожарскій: ему въ товарищи назначенъ Калужскій воевода Гагаринъ[1]. Какъ много Царь полагался на Пожарскаго, видно изъ слѣдующихъ словъ наказа: «а о всемъ бояршну и воеводѣ Князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, Государевымъ и ратнымъ и всякимъ земскимъ дѣломъ промышляти съ великимъ радѣньемъ, смотря по тамошнему дѣлу, какъ его Богъ вразумитъ; положилъ Государь то свое Государево дѣло на немъ, на бояринѣ, на Князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ». Между-прочимъ ему предписано было строго смотрѣть за нравственностью гражданъ и войска: «да беречи накрѣпко, чтобъ въ Калугѣ на посадѣ и по слободамъ, и въ уѣздахъ разбою и татьбы и иного никакого воровства, и корчмы, и блудни, и зерни ни у кого не было»[2]. Что касается до войска, даннаго въ распоряженіе Пожарскаго, то, по свидѣтельству польскихъ историковъ, у него было не больше 7,000[3]. Въ это число вошло 4,000 казаковъ Заруцкаго, которые занимались разбоями по рѣкѣ Угрѣ и которыхъ Царь, въ-слѣдствіе

---

1. Князь Гагаринъ въ слѣдующемъ году былъ смѣненъ; на его мѣсто назначенъ Иванъ Колтовскій, который, получивъ приказъ, отказался служить подъ начальствомъ Пожарскаго и (25 Мая) «билъ челомъ Государю, что ему съ Пожарскимъ быть невмѣстно». За Пожарскаго вступился сынъ, Петръ Дмитріевичъ, бывшій стольникомъ при дворѣ Царя. По его челобитью бояре разобрали дѣло и рѣшили, что Колтовскій своимъ отказомъ безчеститъ Пожарскаго, что онъ споритъ объ отечествѣ не по своей мѣрѣ». «Тебѣ Ивану ни въ чемъ не сошлося съ бояриномъ, съ Княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ; люди вы неродословные, счету вамъ съ родословными людьми нѣтъ.» Колтовскій былъ посаженъ въ тюрьму и потомъ посланъ съ указомъ Царя въ Калугу къ Пожарскому. Дворц. разряд. 1, 327, 328.

2. Собр. Госуд. Гр. и Догов., т. III, № 36.

3. Сборн. Муханов., стр. 27.

ихъ собственнаго вызова[1], велѣлъ Пожарскому принять въ службу, съ обѣщаніемъ забыть ихъ вины. Разбойники, уже извѣстные намъ по мятежамъ, въ эпоху освобожденія Москвы, съ радостью пришли въ станъ Пожарскаго, обѣщавшаго имъ прощеніе, и, какъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, «къ государю многую службу показали![2]» Дѣйствительно, при тогдашнемъ запустѣніи городовъ, при большомъ расходѣ войска, не сосредоточеннаго въ одномъ пунктѣ, вызовъ казаковъ былъ большою находкою для Царя: изъ наказа можемъ видѣть, какъ трудно было въ то время набрать порядочное число солдатъ. Тамъ сдѣлано росписаніе, изъ какихъ городовъ и по скольку человѣкъ Пожарскій долженъ былъ взять ратниковъ. Городовъ множество, но вотъ сколько каждый изъ нихъ могъ выставить ратныхъ людей: «да изъ городовъ указалъ Государь быти въ Калугѣ: съ Сапожка 50 человѣкамъ, изъ Ряжскаго 100 человѣкамъ, изъ Данкова 60 человѣкамъ, съ Ливенъ 100 человѣкамъ, съ Лебедяни 100 человѣкамъ, съ Гремячева 20 человѣкамъ, съ Веневы 50 человѣкамъ, изъ Печерниковъ 40 человѣкамъ, съ Воронежа 100 человѣкамъ, съ Ельца 200 человѣкамъ.» Итого 820 человѣкъ съ 10 городовъ[3].

Между-тѣмъ пока Пожарскій шелъ къ Калугѣ, Чаплинскій успѣлъ взять Козельскъ; лѣтописецъ говоритъ,

---

1. Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. III, № 36. «Прислали они (казаки) къ Государю Царю и пр. бити челомъ Ясаула Ивана Сапожка съ товарищи, чтобъ Государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ къ нимъ прислати воеводу добраго и пожаловалъ бы ихъ Государь своимъ Государевымъ жалованьемъ».

2. Лѣт. о мят., стр. 324.

3. Собр. Госуд. Гр. и Догов., III, № 36.

что жители измѣнили Государю и цаловали крестъ Королевичу. Шайка свирѣпыхъ Лисовчиковъ безпощадными жестокостями и убійствами дѣйствительно могла вынудить у Козельцевъ безчестную присягу: одно имя Чаплинскаго, достойнаго преемника Лисовскаго, ужасало Русскихъ. Свѣдавъ объ успѣхахъ Лисовчиковъ, Владиславъ послалъ къ Чаплинскому роту тяжелыхъ гусаръ подъ начальствомъ Шремскаго старосты Петра Опалинскаго, приказавъ ему соединиться съ Чаплинскимъ и, какъ-можно болѣе вредить Пожарскому[1]. Чаплинскій уже успѣлъ отрѣзать часть казаковъ, шедшихъ въ станъ Пожарскаго, когда еще былъ около Мещовска: теперь въ соединеніи съ Опалинскимъ онъ началъ дѣйствовать еще рѣшительнѣе. Они расположились лагеремъ въ Товарковѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ Калуги, и неожиданными нападеніями постоянно тревожили Пожарскаго въ Калугѣ. Чаплинскій врывался въ предмѣстья города, зажигалъ домы, грабилъ и убивалъ жителей. Однажды онъ хитростью выманилъ Пожарскаго изъ города къ Лаврентьевскому-Монастырю (въ двухъ верстахъ отъ Калуги), стремительно ударилъ на него съ своимъ отрядомъ, цѣлый день бился съ нимъ, положилъ на мѣстѣ много его воиновъ, пятьдесятъ человѣкъ взялъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ и племянника Князя Пожарскаго[2].

---

1. Истор. Сигизмун., Нѣмцевича, т. III, стр. 130.
2. Ibidem. Въ Лѣтописяхъ о мятежахъ (325) это сраженіе описано такъ, что будто ни одна сторона не имѣла рѣшительнаго преимущества: «и бысть бой чрезъ весь день, съ обѣихъ сторонъ не мало людей побиша и разыдошася». Лѣтописецъ, какъ видно, хотѣлъ скрывать неудачи Русскихъ. Нѣмцевичъ описываетъ дѣло безпристрастно. Это можно доказать параллелью его исторіи съ нашею лѣтопитью: онъ не скрываетъ неудачъ Польскихъ военачальниковъ и разсказы-

Но вскорѣ Пожарскій отплатилъ Полякамъ за понесенное пораженіе. Спустя 9 дней, Опалинскій и Чаплинскій ночью подступили къ стѣнамъ Калуги: Пожарскій замѣтилъ ихъ маневры, позволилъ пройдти имъ за надолбы, сдѣлалъ вылазку и отразилъ ихъ съ большимъ для нихъ урономъ. Потомъ узнавъ, что между Боровскомъ и Калугой, на пути сообщенія съ Москвою, стоитъ отрядъ рейтаровъ подъ начальствомъ Донгофа и Новоѣвскаго—онъ пошелъ туда, напалъ внезапно и разбилъ его на-голову: одиннадцать товарищей легло на мѣстѣ, двое взяты въ плѣнъ, остальные бѣжали[1]. Другое счастливое дѣло было подъ Серпуховымъ: здѣсь злодѣйствовалъ отрядъ, посланный Опалинскимъ за фуражемъ, который Поляки легко доставали себѣ. По просьбѣ жителей, терпѣвшихъ грабежи и насилія отъ Поляковъ, Пожарскій отправилъ къ Серпухову Бѣгичева, приказавъ ему поставить тамъ острогъ. Поляки препятствовали работамъ, но были отбиты и выгнаны изъ уѣзда.

Но въ это время подъ Калугою Пожарскій понесъ другое пораженіе. Самъ онъ крѣпко занемогъ въ ту пору[2],

---

ваетъ безъ околичностей, когда они проигрывали сраженія, и когда Пожарскій побивалъ ихъ на-голову. Описаніе побѣдъ Пожарскаго у лѣтописца даже въ подробностяхъ довольно сходно съ сказаніемъ о томъ же Нѣмцевича. О Пожарскомъ Нѣмцевичъ и другіе Польскіе писатели говорятъ, что онъ былъ «полководецъ свѣдущій въ военной наукѣ и преданный своему отечеству.» Сбор. Муханова, стр. 30.

1. Лѣт. о мят., стр. 325. Ист. Сигизм., т. III, стр. 131.

2. Это было уже въ Іюнѣ 1618 года. 10 числа этого мѣсяца писалъ онъ къ Царю, что «лежитъ боленъ и ожидаетъ смерти съ часу». Царь послалъ къ нему «съ милостивымъ словомъ и о здоровьѣ спросить» стольника Юрія Татищева, но этотъ билъ челомъ Государю, что ему къ Пожарскому ѣхать *невмѣстно*. Царь разсердился, велѣлъ

и не могъ лично предводительствовать войскомъ. Отрядъ, посланный имъ изъ Калуги (Нѣмцевичь не говоритъ куда и зачѣмъ) встрѣтился недалеко отъ города съ конным отрядомъ Польскаго полковника Рамульты и долженъ былъ вступить съ нимъ въ битву. Русскіе были разбиты, двѣсти человѣкъ изъ нихъ пало на полѣ битвы — за-то самъ Рамульта погибъ въ сраженіи[1]. Огорченный воевода рѣшился, когда поправится въ здоровьѣ, во что бы то ни стало выгнать Поляковъ изъ окрестностей Калуги. Его предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ. Оставивъ небольшой гарнизонъ въ городѣ, онъ съ бо́льшею частью войска пошелъ въ Товарково, въ самый станъ непріятелей. Послѣ жестокой стычки, Русскіе одержали побѣду, захватили всѣ военные и продовольственные запасы и, что̀ не могли взять съ собою, сожгли[2]. Опалинскій, потерявъ много войска, пошелъ къ Вязьмѣ[3].

Тамъ все-еще стоялъ Владиславъ. 9-го Декабря 1617 года, онъ выступилъ-было съ войскомъ къ Можайску, повѣривъ слухамъ, что этотъ городъ не приготовленъ къ

сказать Татищеву, что «ему ко Князю Дмитрію ѣхати мочно, что онъ бьетъ челомъ на Князя Дмитрія не по дѣлу», и далъ приказъ «поставити его къ рукѣ», т.-е. явиться во дворецъ на отпускную аудіенцію. Но Татищевъ не послушался и уѣхалъ изъ дворца. Царь послалъ въ его домъ подъячихъ; Татищевъ велѣлъ сказать, что его дома нѣтъ. Тогда подъячіе забрали всѣхъ людей его, и Татищевъ волей-неволей долженъ былъ явиться къ Царю, чтобъ спасти свое имѣніе отъ конфискаціи. Но упорство осталось еще въ немъ: Царь велѣлъ высѣчь его кнутомъ и выдать Пожарскому головою. Дворц. разряд. 1, 329, 330.

1. Ист. Сигизм., стр. 142.

2. Сбор. Мух., стр. 31.

3. Лѣт. о мят., стр. 326.

оборонѣ, но, не дошедъ до него, со стыдомъ воротился въ Вязьму въ-слѣдствіе извѣстія, что Можайскъ занятъ сильнымъ отрядомъ Лыкова и значительно укрѣпленъ. Въ Вязьмѣ онъ простоялъ до Іюня 1618 года: время прошло въ безполезныхъ толкахъ съ Русскими гонцами о мирномъ договорѣ, въ сношеніяхъ съ Варшавскимъ сеймомъ касательно войны съ Россіею, на продолженіе которой долго не получали ни согласія, ни денегъ. Препятствіемъ къ походу былъ и недостатокъ войска въ станѣ Королевича[1]. Наконецъ, въ Іюнѣ, Владиславъ выступилъ изъ Вязьмы, обнадеженный извѣстіями изъ Варшавы, что Запорожскіе казаки, подкупленные золотомъ, обѣщали вторгнуться въ Россію и дѣйствовать за-одно съ Королевскими войсками. Владиславъ собралъ военный совѣтъ и на немъ расуждали, на какой пунктъ слѣдуетъ направить всѣ силы. Ходкѣвичъ предлагалъ идти прежде всего къ Калугѣ и представлялъ, что въ этомъ краю, еще не слишкомъ разоренномъ, можно найдти болѣе средствъ для содержанія войска, и, странно, обѣщалъ Королевичу, что Пожарскій, «главный Русскій воевода», перейдетъ на его сторону. Такъ пишетъ Нарушевичъ въ своей исторіи[2]. Но Нѣмцевичъ смотритъ на Пожарскаго какъ на полководца, крѣпко преданнаго своему отечеству[3]. Коммиссары польскіе отвергли предложеніе Ходкѣвича и говорили: «нечего тянуть время въ напрасныхъ переходахъ, а лучше всего прямо идти къ Москвѣ: во время похода къ Калугѣ Русскіе изъ Можайска могутъ устремиться на Вязьму и

---

1. Войска у него было всего 2,650 человѣкъ. Исторія Сигизмунда, т. III, стр. 133.

2. Historia Iana Kar. Chodkiew. Warszaw. 1805, т. II, стр. 121.

3. Исторія Сигизмунда, т. III, стр. 130.

захватить этотъ важный пунктъ сообщенія Королевскихъ войскъ съ Варшавою». По большинству голосовъ рѣшено было идти прямо на столицу, черезъ Можайскъ. Но такъ-какъ осада Можайска представлялась Ходкѣвичу трудною по недостатку осадныхъ орудій, то совѣтъ рѣшилъ идти прежде къ Борисову (отъ Можайска семь верстъ), въ надеждѣ, что Лыковъ выйдетъ изъ Можайска на помощь Борисовцамъ и тогда можно будетъ покончить съ нимъ дѣло сраженіемъ въ открытомъ полѣ. На дорогѣ къ Борисову, Опалинскій, бѣжавшій изъ-подъ Товаркова, встрѣтилъ Королевское войско и присоединился къ нему съ остатками своего отряда[1]. Это обстоятельство, при недостаткѣ хронологическихъ указаній у нашихъ лѣтописцевъ, объясняетъ намъ, сколько времени продолжалась дѣятельность Пожарскаго въ Калугѣ. Онъ выступилъ изъ Москвы въ Калугу въ Октябрѣ 1617 года; а Опалинскій вступилъ въ ряды Королевскаго войска уже въ Іюлѣ 1618 года, слѣдовательно, Пожарскій болѣе восьми мѣсяцевъ дѣйствовалъ противъ Поляковъ Чаплинскаго и Опалинскаго.

Борисовъ былъ хорошо укрѣпленъ: замокъ, по свидѣтельству Польскихъ писателей, былъ выстроенъ изъ дикаго камня. Въ немъ было 1,200 человѣкъ гарнизона, который передъ приходомъ Владислава усиленъ былъ еще 300 человѣкъ пѣхоты и 800 окрестныхъ жителей. Тщетно королевское войско усиливалось взять эту крѣпость: двукратный приступъ не принесъ желаемаго успѣха. Поляки были храбро отбиты и потеряли много убитыми. Королевичъ оставилъ свое намѣреніе взять Борисовъ и рѣшился тѣснить Можайскъ и его окрестности частыми

1. Сбор. Мух., стр. 30.

наѣздами. Получивъ извѣстіе отъ Лыкова о положеніи дѣлъ подъ Можайскомъ, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ далъ приказъ Князю Пожарскому двинуться изъ Калуги въ Боровскъ, а Князю Черкасскому въ Рузу. Черкасскій, вѣроятно по наказу же Царскому, прислалъ товарища своего Ахамашукова въ Боровскъ, для защиты Серпуховскаго Уѣзда отъ набѣговъ Литовскихъ и для соединенія съ Пожарскимъ[1]. Почти въ одно время съ Ахамашуковымъ прибыли въ Боровскъ сотни казацкія отъ Пожарскаго, для того чтобъ къ его приходу успѣть поставить острогъ у Пафнутьева Монастыря. Ахамашуковъ, соскучившись, какъ видно, бездѣйствіемъ и жаждавшій войны, уговорилъ атамана и головъ казацкихъ сдѣлать поискъ надъ непріятелемъ: надежда на добычу увлекла корыстолюбивыхъ сподвижниковъ Заруцкаго, и они согласились сразиться съ непріятелемъ. Въ семи верстахъ отъ Пафнутьева Монастыря они встрѣтили отрядъ непріятелей и вступили въ сраженіе. Но дѣло кончилось для нихъ весьма неудачно: Ахамашуковъ повздорилъ съ головами казацкими при самомъ началѣ сраженія, «нападеніе было нестройное» и сраженіе проиграно: Русскіе были разбиты на голову и обратились въ бѣгство. Къ облегченію ихъ участи, неожиданно явились къ нимъ на помощь двѣ Смоленскія сотни, сидѣвшія въ засадѣ безъ вѣдома Ахамашукова—они успѣли было отбить Русскихъ плѣнниковъ, но сами не могли долго выдерживать стремительнаго натиска Поляковъ и вмѣстѣ съ пораженными предались бѣгству. Побѣдители преслѣдовали бѣгущихъ до Пафнутье-

---

1. Лѣт. о мят. стр. 327. Черкасскій прислалъ Ахамашукова, «потому что въ тѣ поры отъ королевича была послана посылка воевать Оболенскій и Серпуховскій уѣзды.

ва Монастыря: по свидѣтельству Русскаго лѣтописца погибло въ этой битвѣ съ нашей стороны 750 человѣкъ, въ томъ числѣ 150 человѣкъ изъ полка Пожарскаго[1].

Извѣстіе объ этомъ несчастномъ сраженіи заставило Пожарскаго поспѣшить къ мѣсту назначенія. Черкасскій, по новому приказу Царя, явился съ войскомъ уже у Можайска; онъ велѣлъ ставить острогъ въ Лужецкомъ Монастырѣ, но Поляки мѣшали работамъ. Открылась битва и кончилась пораженіемъ Русскихъ: Черкасскій оставилъ весь обозъ въ рукахъ непріятелей и едва успѣлъ съ разбитымъ войскомъ скрыться въ стѣнахъ Можайска. Пожарскій пришелъ въ Пафнутьевъ Монастырь и поставилъ острогъ: тутъ къ нему присоединился отрядъ Татаръ изъ Астрахани, которому предписано еще отъ 18 Октября прошедшаго года явиться въ станъ его. Не вступая въ рѣшительное сраженіе съ Польскимъ отрядомъ, стоявшимъ у Боровска, Пожарскій безпокоилъ непріятелей частыми наѣздами, многихъ побивалъ и бралъ въ плѣнъ.

Между тѣмъ Владиславъ подступилъ къ Можайску, преградилъ всѣ пути сообщенія его съ столицею[2], и такимъ образомъ лишилъ осажденныхъ подвоза съѣстныхъ припасовъ. Нѣмцы устроили шанцы и, приближаясь къ крѣпости, безпрестанно громили ея стѣны орудіями. Самъ Черкасскій былъ сильно раненъ пушечнымъ ядромъ и едва остался живъ. Такимъ образомъ положеніе Можайска было очень плохое: осажденные терпѣли страшный

---

1. Лѣт. о мят., стр. 328.

2. Сборн. Мух. стр. 57. «Владиславъ съ гетманомъ и со всею конницею расположился къ сторонѣ Рузы подъ Лужецкимъ Монастыремъ, въ срединѣ между ними и Можайскомъ стала пѣхота съ пушками, а Лисовцы составляли сторожевой отрядъ за Москвой рѣкой около большой Московской дороги.

голодъ и въ вылазкахъ теряли много людей. Польскіе историки говорятъ, что въ многочисленныхъ стычкахъ погибло больше 1,000 человѣкъ Русскихъ [1]. Получивъ извѣстіе о жалкомъ положеніи Можайска, Царь далъ приказъ Князю Пожарскому двинуться изъ Пафнутьева Монастыря къ Можайску, вывести оттуда воеводъ и конницу, и оставить тамъ небольшой гарнизонъ. Пожарскій привелъ съ собою 3,000 отборнаго войска и вступилъ въ Можайскъ [2]. Осажденные были снабжены продовольствіемъ, но не надолго: Королевичъ чинилъ имъ тѣсноту великую. Тогда, вслѣдствіе указа Царскаго, Пожарскій рѣшился вывести войска изъ города: въ одну темную бурную ночь, при проливномъ дождѣ и ужасномъ градѣ, онъ вмѣстѣ съ Лыковымъ и Черкасскимъ и съ конницею, тихо выступилъ изъ города и проводилъ войско къ столицѣ; передъ выступленіемъ изъ Можайска, Черкасскій забралъ съ собою, что можно было взять, а остальное сжогъ [3]. Въ Можайскѣ оставленъ воевода Волынскій съ отрядомъ пѣхоты: самъ Пожарскій возвратился съ своимъ полкомъ къ Пафнутьеву Монастырю.

Это было уже въ Августѣ 1618 года. Узнавъ о выходѣ войска Русскаго изъ Можайска, Королевичъ думалъ, что Можайскъ уже въ его рукахъ, но ошибся въ своемъ разсчетѣ — Волынскій храбро защищался и отражалъ Поляковъ. Главною же причиною неудачной осады Можайска было то, что войско королевича взбунтовалось и цѣлыми хоругвями уходило въ Польшу: канцлеръ Сапѣга,

1. Сборн. Мух., стр. 59.

2. Ibid., стр. 58.

3. Ibid. Лѣт. о мят., стр. 331.

котораго давно ждали изъ Варшавы, привезъ съ сейма извѣстія, непріятныя для королевича: вмѣсто денегъ присланы однѣ обѣщанія; голодное войско, узнавъ объ этомъ, бѣжало изъ лагеря, такъ что при королевичѣ всего осталось едва 1,000 человѣкъ конницы; да и тѣ его не слушались и поднимали бунтъ. Въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ Владиславъ не могъ и думать о взятіи Можайска: Ходкѣвичь совѣтовалъ ему отступить къ Калугѣ, но коммиссары говорили, что Сигизмундъ непремѣнно велѣлъ окончить войну въ продолженіе года; что теперь осталось только четыре мѣсяца съ половиной; что нужно дорожить временемъ и кончить войну или перемиріемъ, или рискомъ на счастіе (hazardowném jakiém szczesciem). Представленіе коммисаровъ уважено, рѣшились попытать счастья и идти прямо къ столицѣ. Между-тѣмъ желая закрыть свое горькое положеніе, Королевичъ въ Августѣ послалъ въ Москву граммату, въ которой пѣлъ старую пѣсню, т. е. убѣждалъ Русскихъ принять его на престолъ[1].

6-го Сентября, войско Владислава двинулось изъ-подъ Можайска, къ столицѣ. 9-го, въ Москвѣ собрали соборъ, на которомъ рѣшили защищаться до послѣдней возможности противъ Поляковъ и распредѣлили мѣста воеводамъ. Неожиданное счастье улыбнулось Королевичу: въ Рузѣ онъ получилъ извѣстіе, что гетманъ Запорожскій, Сагайдачный, съ 20,000 казаковъ идетъ къ нему на помощь. Царь далъ приказъ Князю Пожарскому идти изъ Боровска къ Серпухову, потомъ къ Коломнѣ, чтобъ воспрепятствовать переправѣ Сагайдачнаго черезъ Оку. Но По-

1. Собр. Госуд. Гр. и Дог., Т. III, № 49.

жарскій крайне занемогъ и Царь велѣлъ ему пріѣхать въ Москву[1].

Изъ Рузы чрезъ Звѣнигородъ Владиславъ дошелъ до Москвы (22-го Сентября) и расположился въ Тушинѣ: на другой же день соединился съ нимъ Сагайдачный, обошедъ стѣны столицы. Неотвратимая бѣда угрожала Москвѣ: въ Тушинѣ собрали совѣтъ и на немъ составили планъ приступа , который назначенъ послѣдняго числа Сентября. Къ счастію Москвы, два Французскихъ инженера, присутствовавшіе въ совѣтѣ, перебѣжали въ Москву и пересказали весь планъ аттаки. Царь разставилъ войска на всѣхъ пунктахъ, на которые долженъ былъ устремиться непріятель. Прежде всего хотѣли напасть на Арбатскія Ворота; тутъ поставили сильнѣйшее войско подъ начальствомъ окольничаго Годунова. Въ самую полночь непріятель подступилъ къ Арбатскимъ Воротамъ, но вдругъ противъ него высыпало многочисленное войско; начался кровопролитный бой и продолжался до разсвѣта. Утомленные Поляки, не получая подкрѣпленія изъ резервовъ, должны были , наконецъ , отступить съ значительнымъ урономъ. Тогда Владиславъ увидѣлъ, что не легко взять столицу и началъ соглашаться на заключеніе мира. Уполномоченные не разъ съѣзжались , но съѣзды кончались ничѣмъ, по причинѣ неуступчивости Поляковъ. Холодная осенняя погода, недостатокъ провіанта и требованіе сейма, чтобъ война скорѣе была окончена — заставили Владислава отойдти отъ столицы и приступить къ рѣшительнымъ переговорамъ о мирѣ, который и подписанъ 1-го Декабря въ селѣ Деулинѣ.

---

1. Лѣт. о мят., стр. 335. «Князь Дмитрій впаде въ болѣзнь лютую и бысть крайнѣ боленъ.»

Во время осады столицы принималъ живое участіе въ дѣлѣ защиты и Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, едва оправившійся послѣ болѣзни. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ самъ Царь въ своей жалованной грамматѣ Пожарскому: «какъ во 127 году стоялъ Владиславъ подъ Москвою, а онъ, бояринъ нашъ, Князь Дмитрій Михайловичъ, помня Бога и Пресвятую Богородицу и православную крестьянскую вѣру, и наше крестное цалованіе, съ нами Великимъ Государемъ на Москвѣ въ осадѣ сидѣлъ, и за православную крестьянскую вѣру, и за святыя Божія церкви, и за насъ Великаго Государя противъ Королевича Владислава, и Польскихъ, и Литовскихъ, и Нѣмецкихъ людей стоялъ крѣпко и мужественно и *на боѣхъ и на приступѣхъ бился, не щадя головы своей*, и ни на какіе Королевичевы прелести не прельстился, и многую свою службу и правду къ намъ и ко всему Московскому Государству показалъ, и будучи въ осадѣ во всемъ оскудѣніе и нужду терпѣлъ»[1].

Въ силу одной изъ статей деулинскаго трактата, слѣдовало сдѣлать размѣнъ плѣнныхъ, между которыми долгое время томился въ Польшѣ отецъ Государя, Митрополитъ Филаретъ. Въ 1619 году онъ отпущенъ изъ Варшавы и, когда подъѣзжалъ къ Москвѣ, былъ торжественно встрѣченъ далеко отъ столицы. На Пожарскаго возложена честь быть на первой встрѣчѣ Филарета въ Можай-

---

1. Собр. Гос. Гр. и Дог., Т. III, N 48. Въ частномъ росписаніи мѣстъ, которыя должны занимать воеводы въ разныхъ частяхъ города во время осады, имени Пожарскаго нѣтъ. (Собр. Госуд. Гр. и Дог. Т. III. N 40.) Но это росписаніе составлено еще 9 Сентября; въ это время Пожарскій былъ отправленъ противъ Сагайдачнаго; послѣ, когда онъ возвратился въ Москву, и онъ дѣйствовалъ при осадѣ Москвы, какъ свидѣтельствуютъ приведенныя нами слова грамматы.

скѣ, вмѣстѣ съ Іосифомъ, Архіепископомъ Рязанскимъ, Печерскимъ Архимандритомъ, Прилуцкимъ Игуменомъ и Княземъ Волконскимъ[1]. Во время встрѣчи всѣмъ велѣно быть безъ мѣстъ, но Ѳедоръ Бутурлинъ билъ челомъ на Пожарскаго: «что Князь Дмитрій написанъ въ первой встрѣчѣ въ большихъ, а онъ, Ѳедоръ, въ третьей встрѣчѣ въ другихъ, и ему, Ѳедору, меньши Князь Дмитрія быть не мочно». Эта жалоба Бутурлина, только что предъ тѣмъ пожалованнаго въ окольничіе, на боярина Пожарскаго, раздражила Михаила, и онъ велѣлъ сказать челобитчику: «нынѣшняя де встрѣча велѣно вамъ всѣмъ быть безъ мѣстъ, и тыбъ по нынѣшнему указу былъ, а отечеству твоему порухи не будетъ»[2].

Обрадованный окончаніемъ дѣлъ съ Польшею, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ наградилъ своихъ воеводъ чинами и отчинами. Сентября 19-го 1619 года дана и Пожарскому жалованная граммата на вѣчное и потомственное владѣніе селомъ Ильинскимъ съ деревнями въ Ростовскомъ Уѣздѣ. Земли при этой отчинѣ было 230 десятинъ[3]. Въ 1621 году 5-го Іюля, дана ему крѣпостная граммата на владѣніе Нижнимъ Ландехомъ и посадомъ Холуемъ, съ деревнями, въ Суздальскомъ Уѣздѣ[4]. Выше мы говорили,

---

1. Собр. Госуд. Гр. и Дог., Т. III. N 43. На второй встрѣчѣ былъ Морозовъ, на третьей Князь Трубецкой съ Митрополитомъ Сарскимъ Іоною. Надо замѣтить, что встрѣча близъ Москвы, которая называется третьею, была выше первой — у Можайска. Морозовъ билъ челомъ Государю на Трубецкаго въ отечествѣ, что онъ назначенъ во второй, а Трубецкій въ третьей встрѣчѣ. См. Чт. въ Общ. Ист. и Древн. 1848 г. № IX. Замѣч. случ. помѣстн., стр. 246.

2. Дворц. разряд. I. 396. 397.

3. Собр. Госуд. Гр. и Дог., Т. III. № 48.

4. Ibid. № 56.

что эта отчина пожалована ему еще Шуйскимъ , потомъ въ междоцарствіе онъ лишился ея; по вступленіи на престолъ Царя Михаила Ѳеодоровича возвращена ему съ правомъ владѣть ею , на основаніи прежней грамматы, данной Шуйскимъ. Но прежнія владѣнныя грамматы писались *некрѣпко*[1], и форма ихъ оставалась до рѣшительнаго очищенія Россіи отъ Поляковъ. Царь выдалъ новую форму жалованныхъ грамматъ , въ которыхъ права вѣчнаго и потомственнаго владѣнія отчинами обозначены обстоятельно[2]. Такова была крѣпостная граммата , данная Пожарскому въ 1621 году.

Перебирая свидѣтельства актовъ и грамматъ государственныхъ первой половины XVII вѣка , находимъ , что Князь Пожарскій и слѣдующіе годы своего служенія пользовался милостивымъ вниманіемъ и расположеніемъ Царя. Думаютъ, что прибытіе Филарета въ Москву имѣло значительное вліяніе на улучшеніе участи Пожарскаго; но эта ипотеза построена на невѣрныхъ основаніяхъ[3].

Когда Москва успокоилась отъ враговъ, полковымъ воеводамъ даны видныя мѣста по части гражданскаго управленія Пожарскій въ 1620 году, сдѣланъ Новгородскимъ воеводою и занималъ эту должность до 1624 года, въ

---

1. Ibid. «И того въ тѣхъ жаловальныхъ грамотахъ за ту Царя Васильева осаду, что ему (Пожарскому) та вотчина вольно продать и заложить и въ приданые и въ монастырь по душѣ до выкупу дать — не написано; а написано только, что тотъ, кому вотчина за службу дана, и дѣти и внучата его вольны, а въ какой мѣрѣ имъ та воля написана, о томъ въ Царя Васильевыхъ грамотахъ именно не написано».

2. Ibid. «И въ тѣхъ прежнихъ грамотахъ (Царя Василія) про тѣ вотчины написано некрѣпко, *не противъ нашего Царскаго жалованья нынѣшняго указу*».

3. См. Москвитянинъ, 1848 г., № XI. Критика. Жизн. кн. Пожар., Палиц. и Минина, соч. Чичагова. Стр. 30.

которомъ переведенъ на мѣсто начальника Разбойнаго Приказа, гдѣ разбирались дѣла татьбы и душегубства[1]. Онъ пробылъ въ немъ до Августа 1628 года[2], и въ этомъ году, на мѣсто Князя Ивана Ивановича Одоевскаго[3], сдѣланъ воеводою Новгородскимъ, съ титуломъ намѣстника Суздальскаго и съ окладомъ жалованья по 400 рублей въ годъ[4]. Мы имѣемъ семь граммать Царя Михаила Ѳеодоровича къ Пожарскому, относящихся къ тому времени, когда онъ былъ воеводою Новгородскимъ[5]. Одною изъ нихъ разрѣшается Новгородскимъ купцамъ производить торгъ съ Шведскими подданными по обѣ стороны границы; другою дозволяется сдѣлать съ Шведами взаимный размѣнъ перебѣжчиковъ съ той и другой стороны; въ двухъ говорится о Русскихъ, пріѣзжающихъ изъ уступленныхъ Швеціи городовъ въ Новгородъ для свиданія съ родственниками, или по дѣламъ торговымъ. Царь отвѣчаетъ на письмо Пожарскаго, въ которомъ послѣдній просилъ дать ему наказъ касательно Русскихъ, пріѣзжавшихъ изъ Иваньгорода, Орѣшка и Корелы, можно ли пускать ихъ въ православныя церкви. Въ граммагѣ Царь пишетъ, что прежде нужно изслѣдовать, «не пошатнулись

---

1. Опис. Рукоп. Румянц. Муз. стр. 67.

2. Акты Истор., Т. III, N 92, отд. VI и XI, N 150, 167., стр. 304. Акт. Экспед. Т. III, № 171. Годы граммать: 1624—1628 (Іюль).

3. Одоевскій, воевода Новгородскій умеръ въ 1628 г. См. Дворц. разряд. 1, 1030.

4. Описан. Госуд. Разряд. Архив., стр. 6. Выпись изъ Бояр. Книгъ 137 г. Акт. Эксп. Т. III, № 181. «По нашему указу велѣно тебѣ, боярину нашему Князю Д. М. Пожарскому, свѣйскихъ городовъ къ державцомъ противъ ихъ письма писаться въ грамотахъ своихъ «намѣстникомъ Суздальскимъ».

5. Акт. Экспед. Т. III, №№ 179—185.

ли такіе люди въ православіи и не пристали ль къ люторской вѣрѣ? Если не окажется этого, то позволять имъ ходить въ городскія церкви, но въ Соборъ Софійскій все таки ихъ не пускать[1]. Замѣчательна еще граммата отъ 19-го Февраля того же 1629 года. Еще прежній воевода, Ромодановскій, спрашивалъ Царя, можно ли позволить Нѣмцамъ учиться въ Новгородѣ Русской грамотѣ. Пожарскій просилъ у Царя такого же наставленія и получилъ указъ, которымъ дозволялось Нѣмцамъ учиться грамотѣ у церковныхъ дьячковъ: только послѣдніе строго должны смотрѣть, чтобъ «некрещеные Нѣмцы не ходили въ наши церкви»[2].

Недолго Пожарскій занималъ мѣсто воеводы въ Новгородѣ: Царскимъ указомъ отъ 10 Сентября 1630 года онъ вызванъ въ Москву и опредѣленъ главнымъ начальникомъ Помѣстнаго Приказа[3].

Царь продолжалъ оказывать благоволеніе Пожарскому. Въ 1632 году открылся ему новый случай выступить на поле брани. По заключеніи деулинскаго мира, Поляки продолжали питать чувство непріязни къ Россіи. Не прошло и трехъ лѣтъ послѣ мира, какъ въ Москвѣ собрали

---

1. Ibid. № 179.

2. Ibid. № 184.

3. Дворцов. разряд. II, 167.—Что Пожарскій изъ воеводъ Новгородскихъ поступилъ въ Помѣстный Приказъ, объ этомъ есть свидѣтельство въ Акт. Экс. Т. III, № 193: «которыя земли объявились у боярина нашего, у Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, въ земляномъ спискѣ, каковъ присланъ изъ помѣстнаго приказа и изъ Новгородской чети въ нынѣшнемъ во 139 году (1631) Мая въ 17 день, и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ тѣ деньги прислали къ намъ къ Москвѣ и велѣли отдать въ приказъ боярину нашему, Князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому.»

соборъ (въ 1621 г.), и на немъ разсуждали о новой войнѣ съ Польшею. Тутъ поставили на видъ, что Владислава и сама Королева и Польскіе паны въ письмахъ называютъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Русіи; что Король пишетъ къ Государю безъ полнаго титула, отвергаетъ родство его съ Царями Іоанномъ IV и Θеодоромъ; что послы Польскіе съ Русскими боярами говорятъ непристойнымъ обычаемъ, что Поляки безнаказанно тиранствуютъ въ Русскихъ городахъ: Путивлѣ, Брянскѣ, Рыльскѣ, Торопцѣ и другихъ, грабятъ жителей, отнимаютъ у нихъ земли, ловятъ рыбу въ водахъ Государевыхъ и охотятся въ чужихъ лѣсахъ[1]. Царь былъ тогда ободренъ въ своемъ намѣреніи — возобновить военныя дѣйствія съ Польшею, — предложеніемъ Турецкаго Султана и Шведскаго Короля — дѣйствовать противъ Польши соединенными силами. Однакожь война не состоялась. Самъ Султанъ Османъ съ 400,000 войска не могъ взять Хотина, занятаго Поляками, и, потерявъ 85,000 человѣкъ, принужденъ былъ предложить миръ; а Шведскій Король въ это время завоевалъ на свою долю Ригу и также покончилъ дѣло миромъ: такимъ-образомъ Михаилъ остался только съ одними предложеніями союзничества отъ двухъ державъ. Эти обстоятельства далеко подвинули гордость Сигизмунда, и онъ еще больше началъ выказывать неуваженія къ Русскому Царю. Панъ Александръ Гонсѣвскій, да Серпейскіе паны Константинъ Угликъ и Станешевскій писали въ Москву, сказано въ одной бумагѣ[2], «съ укоризными словы невѣжливо;» изъ Москвы послали къ Королю пословъ съ грамматой, въ которой написали «невѣжливыя и укори-

1. Собр. Госуд. Гр. и Дог., Т. III, № 57.

2. Акты Эксп., Т. III, № 206.

тельныя слова про Государя и обиднымъ дѣломъ роспись,» просили наказать ругателей; но посламъ въ Польшѣ отвѣчали новыми обидами, пановъ не наказали и безпорядковъ, производимыхъ Поляками въ городахъ Русскихъ, прекращать не думали. Михаилъ долженъ былъ ждать времени для новой борьбы съ Польшею. Смерть Сигизмунда въ 1632 году, сопровождавшаяся междуцарствіемъ въ Польшѣ, открыла къ тому случай. Царь поспѣшилъ набрать войско, назначилъ воеводами Черкасскаго и Лыкова; но они подняли мѣстническій споръ, и Царь, наказавъ ихъ[1], выбралъ (23 Апрѣля) новыхъ воеводъ — Михаила Борисовича Шеина и Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго[2]. Но чрезъ мѣсяцъ Пожарскій захворалъ и по просьбѣ уволенъ отъ похода[3]; на его мѣсто поступилъ Артемій Васильевичъ Измайловъ. 9-го Августа, 100,000 войска, въ томъ числѣ 30,000 иностранцевъ — двинулись изъ Москвы къ Смоленску и 14-го Октября осадили этотъ городъ со всѣхъ сторонъ. Сначала Русскіе дѣйствовали успѣшно, въ Октябрѣ взяли Серпейскъ и Дорогобужъ, въ Ноябрѣ и Декабрѣ — Бѣлый, Невель, Рославль, Почепъ, Трубчевскъ и Себежъ.

Между-тѣмъ Князь Дмитрій Михайловичъ, по выздоровленіи, опять былъ взысканъ милостію Государя и въ Ноябрѣ приставленъ къ сбору денегъ на жалованье войску. Сборъ назначенъ поголовный: съ торговыхъ людей велѣно было брать *пятую деньгу*, а съ монастырей, съ лицъ духовныхъ и приказныхъ людей «кто-что дастъ».

1. Повсядн. Дворц. Записки, т. I, стр. 12.

2. Тамъ же, стр. 14.

3. Дворц. разряд. II, 276. «А бояринъ Князь Дмитрій Михайловичь Пожарской отставленъ за болѣзнію; сказалъ на себя черный недугъ.»

Для сбора денегъ по городамъ разослали честныхъ людей духовнаго и свѣтскаго чина. Въ товарищи Пожарскому данъ Симоновскій Архимандритъ Левкій[1].

Несмотря на огромныя средства, данныя Шеину, дѣло подъ Смоленскомъ кончилось весьма несчастнымъ образомъ для Русскихъ. Первые успѣхи радовали Царя: въ Февралѣ 1633 года Шеинъ разбилъ отрядъ изъ 3,000 Поляковъ, которые хотѣли пробраться въ Смоленскъ на помощь осажденнымъ. Въ началѣ Августа разбили Гонсѣвскаго. Но вскорѣ явился къ Смоленску новый Король Владиславъ, съ 35,000 войска. Смоленскъ уже около 10 мѣсяцевъ выдерживалъ осаду и готовъ былъ сдаться, потому что въ немъ было всего 2,400 человѣкъ, и тѣ были сильно изнурены болѣзнями и голодомъ, какъ прибытіе Короля перевернуло весь ходъ дѣла. Ночью съ 6-го на 7-е Августа Король перешелъ Днѣпръ и въ 3 часа утра аттаковалъ Генерала Маттиссона, который укрѣпился на Покровской горѣ. Аттака сдѣлана для того, чтобъ, отвлекши Русскихъ отъ крѣпости, успѣть провезти провіантъ къ осажденнымъ. Сдѣлавъ это дѣло, Король отступилъ въ свой лагерь. На слѣдующій день онъ успѣлъ пресѣчь сообщеніе между двумя Русскими корпусами Шеина и Прозоровскаго; 25-го Августа оттѣснилъ Русскихъ отъ воротъ крѣпости и вступилъ въ нее. Тогда, обезпечивъ ретираду, въ случаѣ нужды, Король началъ дѣйствовать рѣшительнѣе и съ бо́льшими усиліями. Русскіе сначала храбро выдерживали нападенія и, многократно отбивая непріятелей, не выходили изъ своихъ твердыхъ окоповъ. Но въ концѣ Августа Поляки вытѣснили Про-

---

1. Акты Эксп., т. III, № 213. Наказъ Князю Пожарскому отъ 18 Ноября 1632 года. Дворц. разр. II, 299.

зоровскаго изъ его позиціи; а 4-го Сентября вышли изъ своихъ укрѣпленій и иностранныя войска, бывшія въ Русской службѣ, и всѣ соединились съ Шеинымъ. Этимъ отступленіемъ Смоленскъ освобожденъ отъ осады, и Шеинъ долженъ былъ уже принять оборонительное положеніе. Тѣснимый королемъ, онъ въ половинѣ Октября вынужденъ былъ оставить свою позицію, отступилъ на значительное разстояніе отъ крѣпости и укрѣпилъ лагерь на новомъ мѣстѣ. Между-тѣмъ Король отправилъ отрядъ войска въ Дорогобужъ, гдѣ находились военные магазины Шеина. Городъ былъ взятъ и Русскіе лишились своихъ запасовъ. Остатокъ Октября и весь Ноябрь прошли въ мѣлкихъ стычкахъ и размѣнѣ плѣнныхъ. Шеинъ потерялъ уже много войска и требовалъ изъ Москвы подкрѣпленія; къ бо́льшему несчастію, между войсковыми начальниками возникло несогласіе, которое дошло до того, что Лесли, въ присутствіи Шеина, застрѣлилъ Англійскаго Генерала Сандерсона. Сами Поляки дивились образу дѣйствія, или лучше, бездѣйствію Шеина. У него оставалось еще 50,000 войска, и онъ спокойно пребывалъ въ своихъ окопахъ. Много солдатъ гибло отъ мѣткой стрѣльбы непріятельской; но главною причиною уменьшенія войска въ станѣ Шеина было сдѣланное, по предварительному соглашенію съ Королемъ, вторженіе въ Украйну Хана Крымскаго, который опустошилъ тамъ многіе города и селенія. Это заставило Украинцевъ бѣжать изъ стана на родину[1]. Припасы въ станѣ Русскомъ исто-

---

1. Акты Эксп., Т. III, № 242. «И тою Татарскою войною Литовскій Король подъ Смоленскомъ Государеву дѣлу поруху учинилъ многую; и дворяне и дѣти боярскіе украинныхъ городовъ, что у многихъ помѣстья и отчины повоеваны, и матери и жены и дѣти въ полонъ поиманы—изъ подъ Смоленска разъѣхались». Извѣстія о втор-

щились; между-тѣмъ Поляки такъ близко подошли съ своими орудіями къ Русскому лагерю, что ядра падали въ палатку Шеина.

Узнавъ о стѣсненномъ положеніи Шеина, Царь собралъ вспомогательное войско, вручилъ начальство надъ нимъ Князьямъ Черкасскому и Дмитрію Михайловичу Пожарскому, и отправилъ съ ними большой обозъ съ провіантомъ[1]. Еще отъ 28-го Сентября Царь увѣдомлялъ Шеина, что посылаетъ ему войско съ Черкасскимъ и Пожарскимъ[2]. Но формальный приказъ данъ Пожарскому 18-го Октября[3]. Дѣло замѣшкалось отъ того, что 1-го Октября скончался Патріархъ Филаретъ, отецъ Михаила[4]; а главное—много времени нужно было и большихъ трудовъ стоило Царю — набрать новое войско и деньги на его содержаніе. Наборъ продолжался еще въ концѣ Ноября, а деньги, которыя были собраны, тѣ розданы въ Декабрѣ войску Шеина[5]. Нужно было сдѣлать новыя поборы; 29 Января слѣдующаго 1634 года только еще собрали соборъ, и на немъ рѣшили дѣло о сборѣ денегъ

женіи хана Крымскаго въ Украйну заставили и въ Москвѣ принять оборонительныя мѣры: при распредѣленіи воеводъ по различнымъ мѣстамъ столицы, Пожарскій назначенъ полковымъ воеводою за Яузою. Дворц. разряд. II, 335.

1. Еще прежде, въ 1632 году, Пожарскій пожертвовалъ 200 четвертей сухарей войску Шеина и перевезъ ихъ на своихъ подводахъ къ Смоленску. См. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1847. № 1. О поход. подъ Смоленскъ, стр. 19.

2. Акты Эксп., Т. III, № 230.

3. Повсядн. Дворц. Записки, Т. I., стр. 62.

4. Акты Эксп., Т. III, № 232.

5. Тамъ же, № № 235 и 237.

для войскъ Черкасскаго и Пожарскаго[1], 18-го Февраля приставили Лыкова съ товарищи быть при сборѣ[2]. Такимъ образомъ дѣло тянулось, а Поляки доводили Шеина до крайняго положенія. Царь писалъ ему отъ 1-го Декабря 1633 года, что Пожарскій съ Черкасскимъ уже выступили изъ Москвы ему на помощь[3]. Воеводы пришли въ Можайскъ, но войскà изъ другихъ городовъ еще долго не могли собраться *въ сходъ* съ ними. Тàкъ прошелъ Декабрь. Видя, что войско подъ Смоленскомъ приходитъ все въ худшее положеніе, Царь не могъ объяснить это дѣло ничѣмъ иначе, какъ измѣною Шеина и 30-го Декабря далъ тайный наказъ Черкасскому и Пожарскому спѣшить подъ Смоленскъ и смѣнить Шеина; «а пришодъ подъ Смоленскъ принять у боярина, у Михаила Борисовича Шеина съ товарищи, церковь Боготѣлесныя-Ризы Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, со всѣмъ, какъ она устроена и крестъ съ мощми «(посланный отъ Патріарха Филарета), и Государевы всякія дѣла и списки дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые съ ними нынѣ на Государевѣ службѣ, и головъ, и «иноземцовъ, и Нѣмецкихъ полковниковъ и всякихъ приказныхъ людей.... да у боярина М. Б. Шеина взяти «нарядъ и всякіе пушечные запасы» и проч.[4].

Владиславъ, узнавъ о движеніи къ Смоленску вспомогательнаго войска, отправилъ на встрѣчу Черкасскому и Пожарскому 16,000 войска подъ начальствомъ Казановскаго и Козіевскаго. Плѣнные Поляки сказывали Рус-

---

1. Акты Эксп., Т. III, № 242.

2. Тамъ же, № 245.

3. Тамъ же, № 236.

4. Тамъ же, № 239.

скимъ, что самъ Владиславъ хочетъ идти въ Москву, какъ-скоро управится съ Шеинымъ. Надо было спѣшить дѣломъ; но воеводы Черкасскій и Пожарскій стояли безъ всякаго дѣла въ Можайскѣ; прошелъ Январь, а они и не думали еще выступать къ Смоленску. Войска изъ Ржева, Калуги и другихъ городовъ еще не являлись къ мѣсту назначенія; и въ Февралѣ 4-го числа Царь только еще послалъ въ Можайскъ Князя Волконскаго съ приказаніемъ, чтобъ воеводы составили военный совѣтъ, какъ имъ идти подъ Смоленскъ и гдѣ назначить сборный пунктъ городовымъ воеводамъ[1]. Февраля 8-го Царь опять послалъ къ воеводамъ, чтобъ они готовились къ походу, чтобъ поскорѣе извѣстили воеводъ Калужскаго и Ржевскаго, гдѣ имъ соединиться съ ихъ станомъ; «а недождався отъ васъ присылки ходить имъ не велѣно»[2].

Странная проволочка времени! Въ указѣ отъ 30 Декабря 1633 года Царь назначаетъ послѣдній срокъ для сбора арміи — шестое Января[3]; но потомъ мы видимъ, что уже въ Февралѣ Царь велитъ послать по городамъ предписаніе о мѣстѣ сбора. Для объясненія этихъ запутанныхъ обстоятельствъ, надо обратиться къ иностраннымъ источникамъ. Владиславъ, сказали мы, послалъ на встрѣчу Черкасскому и Пожарскому 16,000 войска; Казановскій еще въ Декабрѣ 1633 года явился около Можайска и разбилъ 4,000-ый корпусъ Пожарскаго[4]. Это

1. Тамъ же, № 243.

2. Тамъ же, № 244.

3. Тамъ же, № 239.

4. Journal des Sciences Militair. 1826, т. III. Біографія Владислава, соч. Квятковскаго. Намекъ на присылку Польскаго войска къ Можайску есть въ одномъ изъ нашихъ актовъ. Въ наказѣ Пожарскому, отъ 30 Декабря, сказано между прочимъ: «А какъ, аже Богъ

обстоятельство и несчастное положеніе Шеина заставили Царя отправить подъ Смоленскъ посла Огибалова и просить мира у Владислава. Въ началѣ Января 1634 года Король прислалъ съ Огибаловымъ своего посла, пана Вороновскаго съ отвѣтомъ, что онъ согласенъ на миръ[1]. Но со стороны Короля это сдѣлано было для-того, чтобъ переговорами о мирѣ, по поводу которыхъ пойдетъ продолжительная переписка, выиграть время. Вороновскому данъ былъ тайный наказъ—вывѣдать о состояніи войскъ въ Россіи и о распоряженіяхъ Царя. Это перемиріе и было причиною медленнаго движенія дѣла о вспомогательномъ войскѣ и остановки похода Пожарскаго. Хитрость Владислава удалась, какъ-нельзя-лучше. Государь отправилъ съ Вороновскимъ своихъ пословъ Горихвостова и Спиридонова для разсужденій о мѣстѣ съѣзда[2], давалъ Пожарскому и Черкасскому наказы, какъ отправиться въ походъ (разумѣется, если миръ не состоится), 2-го Марта посылалъ изъ Москвы спросить Шеина, за чѣмъ онъ позволилъ оттѣснить себя отъ Смоленскаго острога,—а тамъ подъ Смоленскомъ еще 16 Февраля Шеинъ сдался Королю со всѣмъ своимъ войскомъ на капитуляцію и долженъ былъ принять крайне-тяжкія условія[3]. Шеинъ

дастъ, Смоленская дорога отъ Польскихъ и Литовскихъ людей и отъ Черкасъ очистится, и боярину нашему Дмитрію Михайловичу Пожарскому идти подъ Смоленскъ.» Акты. Эксп., т. III, № 239.

1. Повсядн. Дворц. Записки, т. I, 65.

2. Тамъ же, стр. 66.

3. Акты Эксп., т. III, № 247. «Извѣстительная грамота Черкасскаго и Пожарскаго къ Царю отъ 30-го Марта.» Шеинъ принялъ перемиріе, но 11-го Февраля внезапно напалъ на Польское войско и былъ отраженъ: раздраженный Король объявилъ, что онъ истребитъ все войско Шеина и заставилъ его сдаться на капитуляцію.

оставлялъ весь лагерь во власть Короля, всю артиллерію и всѣ запасы, долженъ былъ выдать всѣхъ бѣглецовъ и выступить изъ лагеря съ позорною, унизительною церемоніею. Мы не повѣрили бы Польскому историку, но тоже свидѣтельствуетъ рапортъ, присланный отъ Шеина къ Царю[1]. Изъ него видно, что Шеинъ выступилъ изъ-подъ Смоленска только съ 8,056 человѣками: вотъ что̀ осталось отъ стотысячной арміи!

Король хотѣлъ послѣ этого продолжать походъ къ столицѣ, но жестокое сопротивленіе, встрѣченное имъ при Бѣломъ, ропотъ войска за невыдачу жалованья и слухи о вторженіи Султана Турецкаго въ предѣлы Польши, заставили его покончить дѣла съ Россіею миромъ. (Поляновскій 15 Іюня.)

Шеинъ съ Измайловымъ были казнены, а Черкасскій съ Пожарскимъ спокойно остались на своихъ мѣстахъ. Если они медлили идти на выручку Шеина, то, во-первыхъ, потому, что еще не собралось къ нимъ въ сходъ все войско, и у Пожарскаго было только 4,000; во-вторыхъ, они дѣйствовали во всемъ по наставленію Царя: сношенія по случаю мирныхъ переговоровъ совершенно остановили ихъ дѣятельность. Не чернитъ Пожарскаго и несчастное дѣло его съ Казановскимъ. Казановскій могъ съ 16,000 человѣкъ разбить 4,000-ый корпусъ Пожарскаго.

Въ началѣ Іюня Черкасскій съ Пожарскимъ все-еще стояли въ Можайскѣ, потому-что мирный трактъ не былъ конфирмованъ. Въ Калугѣ въ это время появились Запорожскіе казаки, которые грабили жителей и жгли селенія. Царь послалъ въ Можайскъ воеводамъ приказъ— отправить отъ себя Бориса Пушкина съ отрядомъ на

---

1. Тамъ же, № 246.

помощь Боровскому воеводѣ, Князю Хованскому. Но Борисъ Пушкинъ затѣялъ споръ, говорилъ, зачѣмъ о немъ писали къ обоимъ воеводамъ, представлялъ, что онъ служилъ въ полку у Черкасскаго, а не у Пожарскаго—и потому отказался идти въ походъ. Поднялось форменное производство дѣла и кончилось тѣмъ, что Пушкинъ посаженъ въ тюрьму за безчестье, нанесенное Пожарскому[1].

По заключеніи Поляновскаго мира, воеводы изъ Можайска отозваны въ Москву, и Пожарскій опредѣленъ начальникомъ Московскаго Суднаго Приказа[2] и носилъ титулъ намѣстника Коломенскаго[3]. Въ 1637 г. вслѣдствіе извѣстія о намѣреніи Крымскаго хана Нураддина — вторгнуться въ Россію, Царь велѣлъ обнести столицу землянымъ валомъ, и Пожарскому поручено смотрѣть за работами около Яузы[4]. Въ Апрѣлѣ слѣдующаго года онъ назначенъ полковымъ воеводою въ Переславль-Рязанскій на случай войны съ Крымцами[5]. Однакожь война не состоялась; Царь удовлетворилъ корыстолюбивымъ требованіямъ хана и покончилъ дѣло миромъ, опасаясь предстоявшей, по случаю взятія Азова Донскими казаками, войны съ Турецкимъ Султаномъ.

Послѣдніе дни своей жизни, Пожарскій провелъ мирно, большею частію въ Москвѣ, и скончался въ 1642 году, 64 лѣтъ отъ рожденія[6]. «Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ» говоритъ Голиковъ, «чтя заслуги Государственныхъ

1. Дворц. разряд. II, 274—380.
2. Тамъ же, стр. 479.
3. Дворц. разр. II, 427.
4. Тамъ же, стр. 556.
5. Тамъ же, II. 568.
6. Древн. Росс. Вивл., Т. XX, стр. 100.

мужей, провожалъ гробъ сего незабвеннаго боярина и почтилъ оный слезами своими»[1]. Тѣло его погребено въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ Монастырѣ.

Царь постоянно во всю жизнь ласкалъ и честилъ Пожарскаго: бумаги Государственныя свидѣтельствуютъ, какъ часто онъ былъ приглашаемъ къ Царскому столу[2]: сколько разъ былъ призываемъ на конференціи съ послами отъ державъ иностранныхъ[3]; не одинъ разъ Царь оставлялъ его въ Москвѣ своимъ намѣстникомъ, когда самъ уѣзжалъ изъ Москвы на богомолье[4]. На обѣихъ Государевыхъ свадьбахъ (1624 и 1626) онъ былъ вторымъ дружкой, а супруга его, Прасковья Варѳоломеевна, свахою съ Государевой стороны[5].

1. Дополн. къ Дѣян. Петра Великаго, Т. II, стр. 481.
2. Чтен. въ Общ. Ист. 1848 г., 237, 242. Дворц. разряд. 1616 г. — 9 Мая на Угрѣшѣ; 23 Сент. въ Воздвиженскомъ, 25 числа въ Троицкомъ монастырѣ; 1617 г. — 28 Іюня во дворцѣ съ Джономъ Мерикомъ; 1 Августа — въ Симоновѣ; 1619 въ Свѣтлое Воскресенье 28 Марта; 15 Августа у Патріарха Филарета; 1620 г. — 17 Апрѣля; 1621 — Август. 1. — Сент. 8. 25. — 1622 Февр. 2. Март. 14. Іюн. 8. Іюл. 28. Дек. 25. — 1623 г. Фев. 2. Іюн. 1. Авг. 1. Сент. 8. — 1624 г. Апр. 16. 25, Іюля 12. Август. 1. Сент. 22.—1625 г. Іюля 12.—1631 г. Апр. 3. 12. Авг. 28. Окт. 11.—1632 г. Февр. 2. Апрѣля 3. — 1633 г. Февр. 17. Апрѣля 14, 23. Іюля 12.—1634 г. Іюля 25. — 1635 г. Марта 21, 27. Авг. 15. — 1636 г. Январ. 24. Марта 17. Апр. 17. Мая 5. Дек. 21. — 1637 г. Янв. 12. Апр. 2. Мая 13, 16. Іюля 12, 28. Авг. 15. Ноября 4. — 1638 г. Янв. 12. Марта 18. — 1639 г. Іюля 12. Авг. 10. Сент. 25. Дек. 11, 25. — 1640 г. Февр. 12. Іюля 22. Сент. 1. — 1641 г. Сент. 24.
3. Дворц. Разр. 1617 г. Іюн. 28. — 1622 г. Декабр. 31. — 1633 г. Авг. 17. — 1635 г. Марта 3.—1639 г. Авг. 10.—1640 г. Апр. 9.
4. Дворц. Разр. 1619 г. Авг. 22. — 1621 г. Мая 17. — 1624 г. Мая 12. — 1635 г. Янв. 18. — 1640 г. Авг. 7 и друг.
5. Собр. Гос. Грам., и Дог. Т. III. N 72. — Дворц. Разр. Т. I. 629—643. — 762—787.

Пожарскій былъ женатъ два раза; отъ первой супруги, Прасковьи Варѳоломеевны онъ имѣлъ троихъ сыновей: Петра, Ѳедора и Ивана; всѣ трое были стольниками[1]; послѣдній былъ послѣ окольничимъ и умеръ въ 1668 въ году[2]. Князь Ѳедоръ Дмитріевичъ скончался еще въ 1632 году 27 Декабря, и отецъ далъ по немъ вкладу въ Троицко-Сергіевъ Монастырь—село Берсеново съ деревнями[3]. Первая супруга Князя Дмитрія Михайловича скончалась въ Августѣ 1635 года[4], и Пожарскій уже на 58 году жизни женился другой разъ и взялъ Ѳеодору Андреевну, урожденную княжну Голицыну[5]. Она скончалась бездѣтною черезъ 9 лѣтъ по смерти мужа. Родъ Пожарскихъ по мужеской линіи пресѣкся въ 1684 году со смертію Князя Юрія Ивановича Пожарскаго, умершаго бездѣтнымъ. По женской линіи онъ перешелъ въ фамилію Рѣпниныхъ, Милославскихъ, Долгорукихъ, Куракиныхъ, Голицыныхъ, посредствомъ браковъ Анны, Евдокіи и Агриппины, внучекъ Князя Дмитрія Михайловича.

Пожарскій былъ однимъ изъ богатыхъ вельможъ своего времени. Кромѣ большой Пурецкой Отчины, (отъ Нижняго Новгорода въ 74 верстахъ) ему принадлежали села: Нижній Ландехъ — въ Суздальскомъ уѣздѣ; Мытъ, Верх-

---

1. Повсяд. Дворц. Зап., Т. I, стр. 112, 183, 221. Собр. Госуд. Гр. и Дог., Т. III, N 72, стр. 284. Юрид. Акт. N 53.

2. Древн. Росс. Вивл., Т. XX, 119.

3. Акт. Юридич, N 119. Данная Князя Д. М. Пожарскаго Троицкому монастырю, 1633 г.

4. Повседн. Дворц. Зап., Т. I, стр. 123. «Того жъ мѣсяца Августа въ 29-й день указалъ Государь съ Дедилова изъ передоваго полка воеводу Князя Петра Пожарскаго взять къ Москвѣ, для того, что у него мать умерла.»

5. Акты Юридич., N 53.

ній Ландехъ и Пестяково—въ Гороховскомъ уѣздѣ; Волосынино, Мугрѣево и Холуйская слобода въ Вязниковскомъ уѣздѣ; село Ильинское съ деревнями въ Ростовскомъ уѣздѣ. Въ Москвѣ онъ имѣлъ три дома на Лубянской улицѣ въ приходѣ Введенія во Храмъ Пресвятыя Богородицы[1]. Тутъ было подворье Макарьевскаго Желтоводскаго Монастыря, который принадлежалъ къ его Пурецкой Отчинѣ. Послѣ его смерти все имѣніе было раздѣлено между сыновьями: Иваномъ и Петромъ, а вдовѣ Ѳеодорѣ Андреевнѣ данъ одинъ изъ домовъ въ Москвѣ и часть Пурецкой Отчины[2].

Въ характерѣ Князя Пожарскаго не видно особенныхъ чертъ, которыми бы онъ рѣзко выдавался надъ современниками. Онъ не былъ ни глубокимъ политикомъ, ни военнымъ геніемъ, и только обстоятельствамъ обязанъ образованіемъ и развитіемъ въ себѣ тѣхъ началъ, которыми могъ обратить на себя общее вниманіе. Ляпуновъ, при своихъ природныхъ дарованіяхъ и талантахъ, успѣлъ лучше всѣхъ воспользоваться обстоятельствами времени, и они образовали изъ него человѣка весьма замѣчательнаго: онъ сталъ во главѣ партіи, дѣйствовавшей во имя закона и во время тріархіи умѣлъ заставить всѣхъ себѣ повиноваться.

Но въ Пожарскомъ не было ни огромныхъ талантовъ правительственныхъ, ни большой силы воли, какою обла-

---

1. Малин. Біограф. Пожар., стр. 99, 100. Послѣ Ѳеодоры Андреевны, урожденной Голицыной, домъ Пожарскаго достался Князю Василію Андреевичу Голицыну съ братьями; нынѣшній владѣлецъ купилъ его у сына покойнаго обер-гофмаршала Князя Николая Михайловича Голицына.

2. Юридич. Акты, N 53. Малинов. ibid.

далъ Ляпуновъ; однакожь, если и при тѣхъ средствахъ, какими обладалъ онъ, могъ онъ со славою кончить дѣло, возложенное на него отечествомъ, то онъ достоинъ вѣчной благодарности потомства.

Благочестіе и набожность — исконныя черты въ характерѣ нашихъ предковъ — глубоко были посѣяны въ сердцѣ Князя. Безъ молитвы онъ не предпринималъ никакого дѣла: отправляясь въ походъ подъ Москву, онъ нарочно поѣхалъ въ Суздаль — «помолиться Всемилостивому Спасу и у родительскихъ гробовъ проститься»[1]. Какъ онъ живо сочувствовалъ интересамъ религіознымъ, доказательствомъ служитъ его граммата къ Казанскому Митрополиту. Въ ней онъ ясно высказалъ ту мысль, что безъ предстоятеля Церкви нельзя предпринимать подвига освобожденія отечества, что явленіе святителя во вдовствующей Церкви Московской должно оживить упадшій духъ народа. Кромѣ многочисленныхъ вкладовъ въ монастыри, памятникомъ его благочестія служитъ Московскій Казанскій Соборъ, который онъ построилъ въ 1630—1637 году на собственное иждивеніе[2], и въ который онъ перенесъ изъ своей приходской церкви присланную ему изъ Казани икону Богоматери, украшенную драгоцѣнными камнями. Онъ же, въ 1620 году, возобновилъ Макарьевскій Желтоводскій Монастырь, разоренный въ нашествіе хана Улу-Махмета. Въ Спасо Евфиміевскомъ Суздальскомъ Монастырѣ также много памятниковъ его усердія къ Церкви.

Древняя опись библіотеки Суздальскаго Монастыря, въ которую Князь Пожарскій сдѣлалъ вкладъ книгами,

---

1. Лѣт. о мят., стр. 266.

2. Геогр. Словарь Щекат., Т. III. Казан. Собор.

показываетъ, что онъ любилъ заниматься чтенiемъ церковныхъ книгъ; изъ нихъ поступило въ монастырскую библiотеку: Уставъ, 12 книгъ Миней, Прологъ, о Иконномъ поклоненiи, Толкованiе на Дѣянiя Апостольскiя, Потребникъ и Псалтырь[1].

Усердный сынъ Церкви — Князь Дмитрiй Михайловичъ былъ вѣрнымъ слугой Царя и ревностнымъ сыномъ отечества. Онъ показалъ такiе опыты вѣрности Царю, которому цаловалъ крестъ, что никакiя опасности, никакiя угрозы противниковъ не могли поколебать его. Вся послѣдующая его дѣятельность носитъ на себѣ печать той же вѣрности долгу, той же любви къ отечеству. За его славный первый подвигъ подъ Москвою, приверженцы Сигизмунда назвали его измѣнникомъ, отняли у него имѣнiе; но Пожарскiй не хотѣлъ склониться на сторону измѣнниковъ и понесъ возложенное на него новое бремя съ ревностью, ему свойственною. Идея о Царѣ православномъ отъ рода Русскаго руководила всѣми его распоряженiями и дѣйствiями: она ярко просвѣчиваетъ въ его сношенiяхъ съ Польшею, Швецiей, Австрiей и въ грамматахъ его къ городамъ Русскимъ. При Михаилѣ Пожарскiй доказалъ своею дѣятельностью, что строгая, безусловная покорность Царю Богоизбранному не ослаблялась въ немъ его счастiемъ, его блистательными подвигами, ни самымъ духомъ времени, который противопоставлялъ власти Царя останки древней борьбы родовыхъ отношенiй съ Государственными — въ образѣ мѣстническихъ притязанiй. Пожарскiй конечно не могъ идти на перекоръ требованiямъ духа времени, но при всемъ томъ были

---

1. Временникъ. Имп. Общ. Истор. и древ. 1850. Т. V. См. стр. 47.

опыты, что онъ рѣшался жертвовать этими требованіями обязанности строгаго повиновенія Царской власти[1].

Въ дѣлахъ службы и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, Пожарскій водился постоянною осторожностью, которая составляетъ отличительную черту въ его характерѣ. Довольный всегда своимъ настоящимъ положеніемъ, онъ не думалъ идти опаснымъ путемъ къ невѣрной будущности. Отказъ отъ участія въ бунтѣ Ляпунова; твердость, выказанная въ отношеніи къ Тушинскому и Псковскому вору; потомъ взглядъ на Трубецкаго — все это ясно показываетъ, что за человѣкъ былъ Пожарскій, какія были причины его дѣятельности. Осторожность его была причиною медленности, которая не всѣмъ нравилась, за которую звали его Фабіемъ; она была слѣдствіемъ того, что онъ мало довѣрялъ себѣ, своей опытности, своимъ знаніямъ: въ эпоху 1612 года Мининъ былъ постояннымъ его совѣтникомъ — черта похвальная, но возможная и естественная только въ одномъ Пожарскомъ. При другомъ военачальникѣ Мининъ не могъ бы имѣть того значенія, какое имѣлъ онъ при Пожарскомъ; недовѣрчивость къ себѣ уничтожаетъ въ человѣкѣ всякую мысль о самостоятельности, сглаживаетъ все неравенство положенія людей въ обществѣ — и потому не одно сочувствіе къ пламенному патріотизму Выборнаго Человѣка сблизило съ нимъ Пожарскаго, но и недовѣріе къ себѣ, опасеніе за трудность своего положенія. Самъ Пожарскій сознавался, что онъ насильно приневоленъ къ трудному дѣлу военачальствованія — и это признаніе, какъ нельзя лучше, высказываетъ его характеръ. Говоря это, онъ вовсе не думалъ хвастаться, что въ немъ чувствовали нужду. Нѣтъ!

1. Повсяд. Дворц. Записки, Т. I. стр. 160.

здѣсь выставляется борьба его патріотизма съ недовѣріемъ къ себѣ, съ представленіемъ трудностей дѣла и своей неспособности преодолѣть ихъ.

Недовѣрчивый къ себѣ, онъ былъ довѣрчивъ къ другимъ, ласковъ и добръ въ отношеніи къ подчиненнымъ, уступчивъ предъ равными себѣ. Когда посланецъ Заруцкаго неудачно выполнилъ данное ему порученіе, Пожарскаго нужно было увѣрять, что убійца направлялъ ножъ на него. Мягкость его нрава и ласковость были извѣстны всѣмъ: казаки Заруцкаго, являвшіеся къ Пожарскому, съ восторгомъ пересказывали своимъ товарищамъ о прекрасныхъ качествахъ его души. Быстрое и совершенное прекращеніе вражды съ Трубецкимъ, которая по видимому навсегда должна была разрознить двухъ воеводъ, доказываетъ, какъ онъ былъ уступчивъ относительно къ тѣмъ въ которыхъ видѣлъ враговъ своихъ, которые старались вредить ему. Отношенія его къ войсковымъ начальникамъ въ Ярославлѣ, которые также враждовали противъ него, показываютъ въ немъ высокій нравственный характеръ[1].

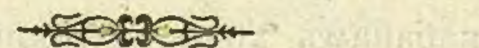
Но въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось обязанностей Государственной службы, онъ какъ себя не щадилъ, такъ и отъ другихъ требовалъ строгаго выполненія правилъ порядка и не прощалъ безпорядковъ и неисправности даже своимъ родственникамъ. Въ 1634 году на службѣ въ полку Пожарскаго въ Можайскѣ былъ его племянникъ Ѳедоръ Ивановъ Пожарскій, который проводилъ время въ пьянствѣ. Князь Дмитрій Михайловичь подалъ на него Царю челобитную, въ которой писалъ, что племянникъ его «на службѣ заворовался, пьетъ безпрестанно, воруетъ, по кабакамъ ходитъ, пропился до нага и сталъ

1. См. стр. 35. примѣч. 2.

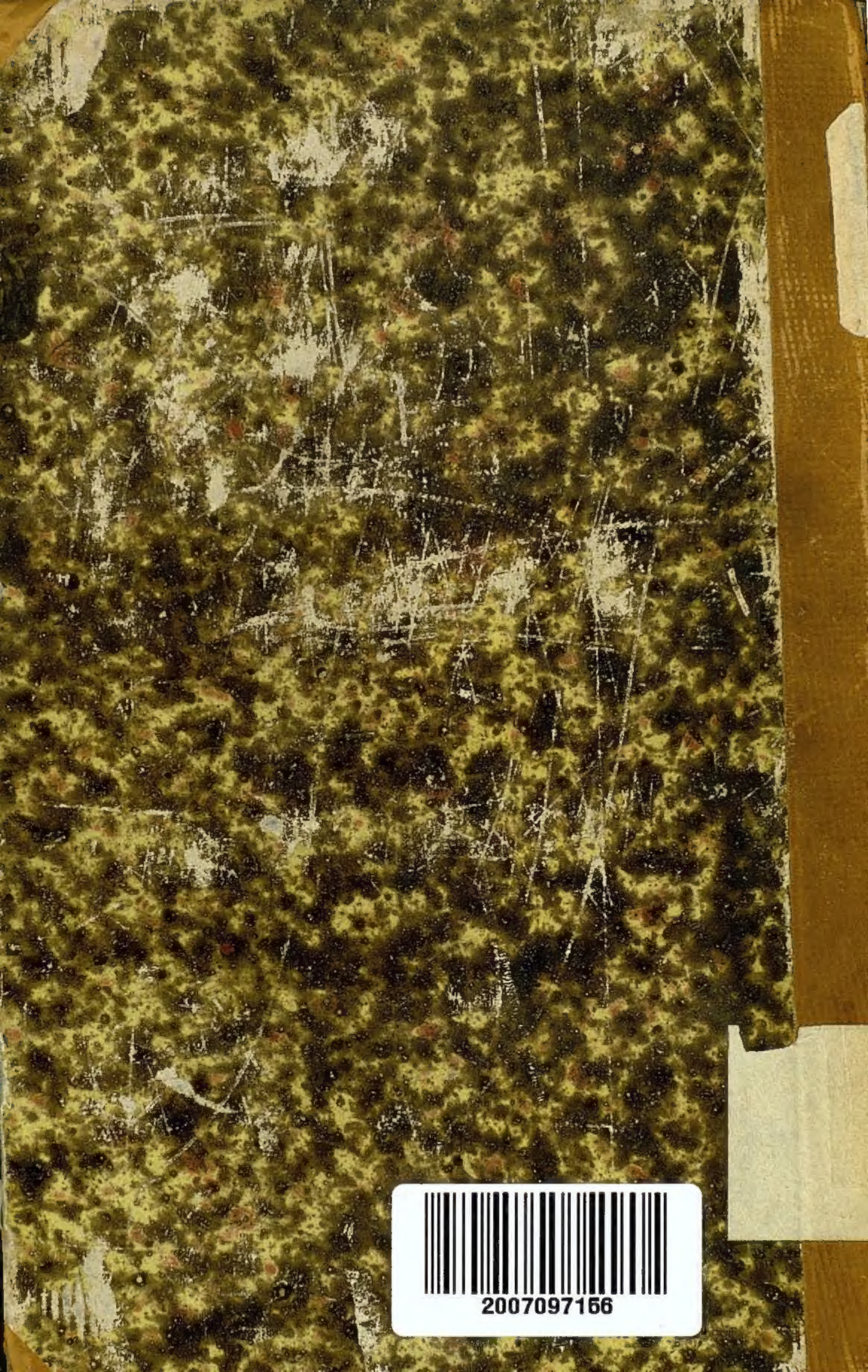
безъ ума, и дяди не слушаетъ». Его хотѣли унять разными мѣрами, сажали въ тюрьму, подвергали побоямъ, но это на него не дѣйствовало. Пожарскій просилъ наконецъ Царя взять его со службы и отдать подъ началъ въ монастырь. Просьба его была исполнена[1].

Имя Князя Пожарскаго пребудетъ вѣчно незабвеннымъ въ Исторіи нашего отечества. Церковь 22-го Октября ежегодно празднуетъ освобожденіе Москвы отъ Поляковъ: изъ Московскаго Кремля отправляется въ этотъ день крестный ходъ въ Казанскій Соборъ, построенный знаменитымъ избавителемъ отечества и хранящій въ себѣ святыню, ему принадлежавшую. Отечество увѣковѣчило имя его памятниками, поставленными въ двухъ знаменитыхъ мѣстахъ его дѣятельности, въ Москвѣ (1818 г.) и Нижнемъ-Новгородѣ (1826). Московскій памятникъ, украшающій Красную Площадь, вылитъ изъ бронзы знаменитымъ Мартосомъ. Пожарскій и Мининъ представлены въ ту минуту, когда славный гражданинъ Нижегородскій, взявшись лѣвою рукою за мечь Пожарскаго, раненнаго въ битвѣ за отечество, указываетъ ему правою рукою на Кремль, занятый Поляками, на городъ испепеленный, и призываетъ его на новую битву! На одномъ изъ барельефовъ пьедестала изображены въ лицахъ жертвы, приносимыя изъ любви къ отечеству: богатые несутъ деньги, отцы приводятъ своихъ дѣтей, женщины отдаютъ свои драгоцѣнности. На передней сторонѣ пьедестала надпись:

«Гражданину Минину и Князю Пожарскому
«Благодарная Россія.»

1. Временникъ Ист. Общ. Ист. и древ. 1849 г. кн. IV. См. 58.

2007097156